

Archeology

культура семантика историографии

лингвокультурология национальные языки национальные языки межкультурная коммуникация

образовательное пространство межкультурная коммуникация

дискурс Psychology образовательное пространство

концепт Linguoculturology Лингвистика толерантность

Literature studies Archeology

discourse Linguistic picture of the world

Archeology SibScript

поликультурное пространство билингвизм образовательное пространство

Archeology SibScript

лингвистическая картина мира

Psychology Archeology History

психолингвистика History

лингвистическая картина мира

2949-2122 (PRINT)
2949-2092 (ONLINE)

VOL 25 No 5
2023

СИБ СКРИПТ

ТОМ 25 № 5
2023

Archeology SibScript

лингвистическая картина мира

Psychology Archeology History

психолингвистика History

лингвистическая картина мира

Psychology Archeology

психолингвистика

History

лингвистическая картина мира

лингвистическая картина мира

Archeology History

концепт

Archeology Евразия

Лингвистика

Лингвистика

Psychology Archeology

лингвистическая картина мира

Archeology Евразия

Лингвистика

Лингвистика

Archeology SibScript

лингвистическая картина мира

Archeology Евразия

Лингвистика

Лингвистика

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ. Журнал относится к категории К1 в соответствии с информационным письмом Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 6 декабря 2022 г. № 02-1198 «О категорировании Перечня рецензируемых научных изданий».

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-84812. Выдано Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

16+

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Until 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The journal is included in the K1 in accordance with the information letter of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia dated December 6, 2022 No. 02-1198 "On the category of the list of reviewed scientific publications".

Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Certificate of registration: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН,
Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р. филол. наук, доцент, БГПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург,
Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет
Эксетера (Эксетер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск,
Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушникова Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт
археологии и этнографии СО РАН
(Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Юрий Владимирович

Dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша
(Ченстохова, Польша).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный
гуманитарный университет им. П. П. Семенова-
Тян-Шанского (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского
Университета (Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет
науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Ilia V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelekh

Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые читатели и авторы!

Ключевыми конструктами, определяющими исследовательскую проблематику 5 номера, выступают такие понятия, как толерантность к неопределенности, совладающее поведение, эмоциональное благополучие, субъективное качество жизни, социальное функционирование. Рассматриваемые феномены не случайно определяют исследовательский интерес авторов, раскрывающих их природу в контексте различных областей психологического знания – общей психологии, психологии личности, социальной, педагогической, медицинской психологии. Актуальность публикуемых материалов определяется вызовами реальности, характеризующейся нестабильностью геополитической ситуации, турбулентностью социально-экономических процессов в современном мире, последствиями пандемии коронавирусной инфекции. Заданные условия во многом детерминируют процессы развития и функционирования личности в основных сферах жизнедеятельности и ставят перед исследователями задачи поиска новых методологических подходов, выявления психологических факторов и механизмов эффективного жизнеустройства человека.

Первый раздел посвящен результатам верификации возможности использования приемов статистической реконструкции теоретического конструкта *индивидуальное когнитивное образовательное пространство*. Выделенная компонента позволила описать взаимосвязь когнитивных и метакогнитивных процессов для описания психологической специфики мерностей этого пространства.

В разделе **Онто- и социогенетические аспекты психического развития** представлены результаты, выявляющие закономерности, факторы и условия развития и функционирования личности в норме и патологии, которые свидетельствуют о благоприятном развитии большинства детей дошкольного возраста, зачатых посредством ВРТ, существовании групп риска неблагоприятного развития, требующих наблюдения и своевременной коррекции (Т. Г. Бохан и др.); о развитии у людей, переживших в детстве психическую травму, спектра симптомов, проявляющихся в виде КПТС, особенности которого во многом определяются типом привязанности к матери (Т. В. Капустина, Е. А. Родникова). С. Л. Руденко расширяет научные представления о клинко- и социально-психологических факторах формирования устойчиво невротической конституции и уточняет мишени психотерапевтического воздействия и реабилитации.

Статьи раздела **Гендерные аспекты социально-психологических исследований** посвящены гендерным стереотипам и установкам. Сделаны выводы о неоднозначной связи выраженности мизогинии как гендерного ауто-стереотипа с особенностями стратегий совладания с трудностями (Е. П. Белинская, Ф. Х. Авазматова); о существенных различиях в организации социального взаимодействия у людей с выраженной маскулинностью и фемининностью: влияние маскулинности более заметно с позиции субъекта взаимодействия, оно делает построение взаимодействия более избирательным, а фемининность имеет большую значимость в контексте учета особенностей партнера по взаимодействию (О. И. Титова).

В разделе **Толерантность к неопределенности как актуальная проблема психологии** освещается сложность феномена толерантности к неопределенности и связь полюсов спектра толерантность / интолерантность к неопределенности с различными психологическими модальностями.

Раздел **Психолого-педагогические проблемы развития личности в норме и патологии** посвящен актуальной проблеме личности педагога в современных условиях. Изложены результаты исследования представлений педагогов о многообразии профессионального

функционала, определение приоритетов и затруднений в его реализации (М. И. Губанова); актуализирована проблема эмоционального выгорания и профессиональной деформации педагогов в современных условиях: формирование симптомов эмоционального выгорания во многом определяется показателем самоотношения, которое выступает регулятором насыщенности жизненного пространства педагогов, поддерживающим выраженный интерес к разным сферам жизнедеятельности личности (С. И. Кудинов и др.).

В завершающем разделе представлены результаты эмпирических исследований, посвященных анализу проявления последствий пандемии COVID-19 на различных уровнях функционирования психики человека. Выявлены гендерные особенности когнитивного функционирования у лиц, переболевших COVID-19, мужчины и женщины демонстрируют различия в мыслительных, мнестических и аттентивных процессах, а также на уровне мотивации, навыков планирования и построения программы поведения (А. В. Солодухин и др.); наличие высокого уровня психологического стресса и преобладание неконструктивных копинг-стратегий у людей с тревожными и негативными ожиданиями в ситуации пандемии и ограничительных мер (П. Р. Юсупов, Т. А. Мардасова).

Приглашаем к сотрудничеству заинтересованных авторов! Наш журнал открыт для обсуждения новых тем и актуальных проблем психологии.

Dear our readers and authors!

This issue of SibScript is dedicated to ambiguity tolerance, coping behavior, emotional well-being, subjective quality of life, and social functioning in different areas of psychological studies, i.e., general, personality, social, education, and medical psychology. The articles we are proud to introduce to you today tackle such modern challenges as the geopolitical instability, the turbulent socio-economic processes, and the consequences of the COVID-19 epidemic. These conditions affect the basic spheres of personality development and demand new methodological approaches to various psychological factors that make human life productive and fulfilling.

The section of **Post-Non-Classical Methods in Psychology** opens with an article on statistical reconstruction of the theoretical construct of personal cognitive academic space. The authors identified a component that allowed them to link cognitive behavior with metacognitive processes and describe the psychological dimensions of personal academic space.

The section of **Mental Development: Ontology and Sociogenetics** contains original research articles aimed at revealing patterns, mechanisms, factors, and conditions behind the development and functioning of personality in normal and pathological conditions. T. G. Bokhan et al. reported a longitudinal study of preschool children conceived by assisted reproduction technology. While stating a generally favorable character of their development, the authors managed to outline some risk groups that need observation and timely correction. According to T. V. Kapustina and E. A. Rodnikova, people who have experienced a mental trauma in their childhood are likely to develop complex post-traumatic stress, depending on the type of child-mother attachment. S. L. Rudenko's article describes the clinical and socio-psychological factors of personality development in neurotic patients and clarifies the targets of psychotherapy and rehabilitation.

Gender in Sociology and Psychology focuses on gender stereotypes and attitudes. The article submitted by E. P. Belinskaya and F. Kh. Avazmatova connects misogyny as a gender auto-stereotype with coping strategies in women who believe that life adversities are caused by gender. O. I. Titova reports significant differences in the way people with pronounced masculinity and femininity organize their social interactions. People with strong masculine traits are more subject-oriented and selective while those with pronounced femininity tend to focus on the interaction partner.

The section we entitled **Ambiguity Tolerance in Psychology** highlights the complex phenomenon of tolerance to uncertainty and how it is affected by various psychological modalities. In their post-non-classical study, M. V. Zlobina and O. M. Krasnoryadtseva classified life strategies depending on life world stability, temporal modalities, and ambiguity tolerance. M. I. Kirilyuk and A. V. Penyavskaya concentrated on the relationship between the types of coping behavior and ambiguity tolerance to deduce that young people choose between adaptive and maladaptive coping strategies according to their frustration level and subjective well-being.

Psychological and Pedagogical Problems of Personality Development in Normal and Pathological Conditions concentrate on the personality of a modern teacher. M. I. Gubanova studied ideas that teaching personnel have about the diversity of their professional functions to define the methods that could provide productive and efficient teaching. S. I. Kudinov, I. V. Sedova, and A. S. Abushik concentrated on the emotional burnout and professional deformation in schoolteachers, as well as on the role of self-attitude as a factor that regulates life space and fuels interest in various spheres of life.

The final section of this issue features the **Consequences of COVID-19 Pandemic as Challenges for Psychological Science and Practice** at various levels of human psyche. For instance, A. V. Solodukhin et al. reported an empirical study that proved gender differences in cognitive functions in former COVID-19 patients, which manifested themselves in cognition, memory, attention, motivation, and planning skills. According to P. R. Yusupov and T. A. Mardasova, people who demonstrated anxiety and negative expectations during the pandemic and lock-down probably share a high level of psychological stress and the same unconstructive coping strategies.

We are open to cooperation with new authors who are eager to report their discoveries in various branches of psychology.

Постнеклассическая методология психологических исследований

Статистическая реконструкция психологических тенденций проявления набора факторов как проекций онтологической сущности теоретического конструкта

Баланев Д. Ю., Щеглова Э. А., Бредун Е. В., Тютюнников П. Р. 595

Онто- и социогенетические аспекты психического развития

Особенности психического и физического развития детей дошкольного возраста, рожденных с помощью ВРТ

Бохан Т. Г., Силаева А. В., Лещинская С. Б., Терехина О. В. 606

Особенности проявления комплексного посттравматического стресса у людей с разными типами привязанности к матери

Капустина Т. В., Родникова Е. А. 615

Взаимосвязь субъективного качества жизни и социального восприятия у лиц с истерическим неврозом

Руденко С. Л. 625

Гендерные аспекты социально-психологических исследований

Взаимосвязь гендерных стереотипов и совладания с трудными жизненными ситуациями

Белинская Е. П., Авазматова Ф. Х. 635

Маскулинность и фемининность в социальном взаимодействии: сравнительный анализ

Титова О. И. 645

Толерантность к неопределенности как актуальная проблема психологии

Толерантность к неопределенности как компонента стратегий жизнеосуществления

Злобина М. В., Краснорядцева О. М. 655

Совладающее поведение у молодых людей с различным уровнем толерантности к неопределенности

Кирилюк М. И., Пенявская А. В. 665

Психолого-педагогические проблемы развития личности в норме и патологии

Психолого-педагогические аспекты полифункциональности профессиональной деятельности современного преподавателя

Губанова М. И. 677

Особенности эмоционального выгорания педагогов с разными показателями самоотношения

Кудинов С. И., Седова И. В., Абушик А. С. 687

Последствия пандемии COVID-19 как вызовы для психологической науки и практики

Гендерные особенности когнитивного функционирования у лиц, перенесших COVID-19

Солодухин А. В., Серый А. В., Варич Л. А., Брюханов Я. И., Жихарев А. Ю. 696

Копинг-стратегии и психологические особенности отношения к ситуации пандемии

COVID-19 и ограничительным мерам студентов медицинских специальностей

Юсупов П. Р., Мардасова Т. А. 705

Post-Non-Classical Methods in Psychology

Set of Factors Projected as Ontological Essence of Theoretical Construct:

Statistical Reconstruction of Psychological Tendencies

Balanev D. Yu., Shcheglova E. A., Bredun E. V., Tyutyunnikov P. R. 596

Mental Development: Ontology and Sociogenetics

Mental and Physical Development of Preschool Children Born After Assisted Reproduction

Bokhan T. G., Silaeva A. V., Leshchinskaia S. B., Terekhina O. V. 606

Complex Post-Traumatic Stress in People with Different Types of Child-Mother Attachment

Kapustina T. V., Rodnikova E. A. 615

Quality of Life and Social Perception in Patients with Hysterical Neurosis

Rudenko S. L. 625

Gender in Sociology and Psychology

Gender Stereotypes and Coping with Adversities

Belinskaya E. P., Avazmatova F. Kh. 635

Masculinity and Femininity in Social Interaction: An Intergroup Analysis

Titova O. I. 645

Ambiguity Tolerance in Psychology

Ambiguity Tolerance as a Component of Life Self-Fulfillment

Zlobina M. V., Krasnoryadtseva O. M. 655

Coping Behavior in Young People with Different Levels of Ambiguity Tolerance

Kirilyuk M. I., Penyavskaya A. V. 665

Psychological and Pedagogical Problems of Personality Development in Normal and Pathological Conditions

Psychology and Pedagogy of Polyfunctional Professional Activity of Teaching Staff

Gubanova M. I. 677

Emotional Burnout in School Teachers with Different Self-Attitude Indicators

Kudinov S. I., Sedova I. V., Abushik A. S. 687

Consequences of COVID-19 Pandemic as Challenges for Psychological Science and Practice

Gender Aspects of Cognitive Functioning in Former COVID-19 Patients

Solodukhin A. V., Seryy A. V., Varich L. A., Bryukhanov Ya. I., Zhikharev A. Yu. 696

Medical Students and Their Attitude to COVID-19 Pandemic and Restrictive Measures:

Coping Strategies and Psychological Features

Yusupov P. R., Mardasova T. A. 705

оригинальная статья

Статистическая реконструкция психологических тенденций проявления набора факторов как проекций онтологической сущности теоретического конструкта

Баланев Дмитрий Юрьевич
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Россия, Томск
<https://orcid.org/0000-0001-9461-7973>
Scopus Author ID: 56458995500

Бредун Екатерина Валерьевна
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Россия, Томск
<https://orcid.org/0000-0003-4214-8065>
Scopus Author ID: 57219055556

Щеглова Элеонора Анатольевна
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Россия, Томск
<https://orcid.org/0000-0003-3360-038X>
Scopus Author ID: 57219055423

Тютюнников Пётр Романович
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Россия, Томск
<https://orcid.org/0009-0008-7205-6501>
tyutyunnikovpiere@gmail.com

Поступила в редакцию 22.05.2023. Принята после рецензирования 24.07.2023. Принята в печать 24.07.2023.

Аннотация: Описан прием статистической реконструкции психологических тенденций, представляющих собой проекции онтологической сущности теоретического конструкта *индивидуальное когнитивное образовательное пространство*. Цель – представить операциональные возможности статистической интерпретации измерения теоретического феномена. Методологической основой понятийной интерпретации выступают общенаучные принципы системной антропологической психологии. Основными метрическими характеристиками модели теоретического конструкта *индивидуальное когнитивное образовательное пространство* выступили темпоральные, операциональные, когнитивные и метакогнитивные мерности. Методами статистического анализа (корреляционный анализ, метод главных компонент, критерий каменистой осыпи, критерий Шапиро-Уилка) были зафиксированы три компонента линейных функций от теоретически выделенных и эмпирически измеренных темпоральных, операциональных, когнитивных и метакогнитивных характеристик. Эмпирически выделена компонента, описывающая взаимосвязь когнитивных и метакогнитивных процессов, включающая 6 основных метрических элементов: показатель темпорально-когнитивных стратегий решения задач *переключение между задачами*, динамические составляющие позиционных стратегий *мотивационное самоопределение*, *проектирование*, *прогнозирование* и структурные составляющие конструктного и концептуального уровней. Получено эмпирическое подтверждение продуктивности использования приемов статистической реконструкции теоретического конструкта *индивидуальное когнитивное образовательное пространство* для описания психологической специфики мерностей этого пространства. Результаты показали, что способность переключаться между задачами проявляется при выраженной внутренней мотивации, способности прогнозирования результатов, проектирования собственной деятельности с учетом анализа предметно-событийной реальности и возможности создания инструментария для более успешного решения когнитивных задач. Особого внимания заслуживает полученное в процессе статистической реконструкции модели распределение объясняемой дисперсии между компонентами, которое указывает на факт преобладания операциональной составляющей (развитые навыки, усвоенные алгоритмы действий) при организации индивидуального когнитивного образовательного пространства студента и осуществлении им различной деятельности. Полученные данные подтверждают имеющиеся у преподавателей вузов наблюдения о доминировании у студентов шаблонных и стереотипных моделей поведения как в процессе обучения, так и при конструировании студентами собственного индивидуального когнитивного образовательного пространства.

Ключевые слова: статистическая реконструкция, теоретический конструкт, индивидуальное когнитивное образовательное пространство, темпоральность, когнитивный процесс, метакогнитивный процесс, операциональные характеристики

Цитирование: Баланев Д. Ю., Щеглова Э. А., Бредун Е. В., Тютюнников П. Р. Статистическая реконструкция психологических тенденций проявления набора факторов как проекций онтологической сущности теоретического конструкта. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 5. С. 595–605. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-595-605>

full article

Set of Factors Projected as Ontological Essence of Theoretical Construct: Statistical Reconstruction of Psychological Tendencies

Dmitry Yu. Balanev

Tomsk State University, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0000-0001-9461-7973>

Scopus Author ID: 56458995500

Ekaterina V. Bredun

Tomsk State University, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0000-0003-4214-8065>

Scopus Author ID: 57219055556

Eleonora A. Shcheglova

Tomsk State University, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0000-0003-3360-038X>

Scopus Author ID: 57219055423

Petr R. Tyutyunnikov

Tomsk State University, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0009-0008-7205-6501>

tyutyunnikovpiere@gmail.com

Received 22 May 2023. Accepted after peer review 24 Jul 2023. Accepted for publication 24 Jul 2023.

Abstract: Statistical reconstruction can be applied to psychological tendencies that project themselves as the ontological essence of a theoretical construct. This research featured the theoretical construct of *individual cognitive education space*. The research objective was to study the operational possibilities of statistical measurement of a theoretical phenomenon. The general scientific principles of systemic anthropological psychology served as the methodological basis of conceptual interpretation. The theoretical construct of individual cognitive education space was reconstructed through temporal, operational, cognitive, and metacognitive dimensions. The statistical methods included correlation analysis, principal component analysis, scree test, and Shapiro – Wilk test. They revealed three components of linear functions from theoretically identified and empirically measured temporal, operational, cognitive, and metacognitive characteristics. The component behind the interrelation of cognitive and metacognitive processes was identified empirically. It included six main metric elements, namely: temporal-cognitive strategies for solving problems of switching between tasks, dynamic components of positional strategies, motivational self-determination, design, forecasting, and structural components of constructive and conceptual levels. The study proved the empirical efficiency of statistical reconstruction applied to theoretical constructs and defined the psychological specifics of individual cognitive education space.

Keywords: statistical reconstruction, theoretical construct, individual cognitive education space, temporality, cognitive process, metacognitive process, operational characteristic

Citation: Balanev D. Yu., Shcheglova E. A., Bredun E. V., Tyutyunnikov P. R. Set of Factors Projected as Ontological Essence of Theoretical Construct: Statistical Reconstruction of Psychological Tendencies. *SibScript*, 2023, 25(5): 595–605. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-595-605>

Введение

Современная психология все чаще отходит от классического подхода к использованию статистических методов, при котором предположения исследователя редуцируются до набора статистических гипотез, подтверждение или опровержение которых обобщается на более высокий методологический уровень. При таком подходе необходимо также движение от сущностного определения основных понятий к их операционализированному воплощению, обеспечивающему возможность измерения феноменов, избирательность к которым зависит от множества факторов – от методологической позиции автора до конкретных целей исследования. Выполнение целого ряда преобразований и переходов между различными методологическими уровнями требует значительных усилий, многие из которых оказываются

неочевидными даже для самого исследователя, что порождает недоверие как к самим процедурам обработки данных, так и к выводам, которые они опосредуют.

Методы снижения размерности оказываются в этой связи наиболее адекватным средством сохранения валидности процедур статистического обобщения данных, особенно в том случае, когда переход к пространству меньшей размерности происходит за счет компромисса, подразумевающего такую потерю дисперсии измеряемых признаков, которая относится к наименее важным данным. При этом содержательная интерпретация полученных компонент, диагностических категорий или факторов возможна непосредственно в понятиях, представленных исследовательской гипотезой и описанием предметной области.

Процесс жизнеосуществления, становления человека в мире, собственном бытии всегда неразрывно связан с процессами развития, образования. Холистическая парадигма [Кабрин 2021], постнеклассическая методология [Клочко 2005] и системная антропологическая психология [Клочко и др. 2015], описывающие закономерности и тенденции становления открытых саморазвивающихся человекообразных систем, позволяют зафиксировать положение о том, что человек активно включен в конструирование индивидуального многомерного пространства, частью которого также является индивидуальное когнитивное образовательное пространство.

Индивидуальное когнитивное образовательное пространство – особый вид психологической реальности [Кабрин 2021], возникающий на первом этапе развития сознания – предметном – и вместе с тем в момент транскомуникации – соприкосновения человека с окружающей его средой, культурой, миром, знаменующий в дальнейшем перениманием опыта, конструированием образа себя и образа мира – системы представлений о реальности, на основании которых происходит становление человека в мире и в целом жизнеосуществление.

Если в традиционных подходах понятие *пространство* отождествляется с понятием *среда* [Касторнова 2014] и понимается как нечто, что лежит вне человека, и с чем он взаимодействует / коммуницирует, то в данном случае мы подразумеваем, что человек не просто включен в это пространство, а является его началом [Лукьянов 2009], краеугольным камнем, и вне человека существования этого пространства невозможно. Такое пространство является не статичным и закрытым, а наоборот, динамичным и открытым, поскольку представляет собой не просто направление координат или некоторых мер, составных частей, а систему множественных персонализированных порядков жизнедеятельности человека, которая закономерно усложняется по мере человеческого онтогенеза.

Конструирование подобной системы обусловлено наличием у человека сознания и психики. В рамках системной антропологической психологии [Клочко и др. 2015] сознание рассматривается как особое эмерджентное качество человека, наличие которого позволяет человеку отделить себя от мира, проживать и переживать эффект присутствия, благодаря чему становится возможным не только нерелексированное физическое наличие человека, но и его ноэтическое осознаваемое существование [Кабрин 2021], его аутентичное присутствие в мире [Лукьянов 2009]. Холистическая модель предполагает понимание сознания как альтернативной реальности более высокого порядка, которая

сама влияет практически на все уровни материальных процессов живых существ и многие аспекты их окружающей среды, в противовес его пониманию как эпифеномена сложных материальных процессов [Кабрин 2022]. Психика же в данном случае рассматривается, с одной стороны, как «решето», обеспечивающее порождение субъективно искаженной действительности, чтобы можно было действовать [Выготский 1982], а с другой – как фактор, благодаря которому становится возможным самоорганизация человека. Иными словами, психика есть тот фактор, наличие которого обуславливает возможность *движения* человека, конструирования им многомерного жизненного пространства, которым является в том числе и индивидуальное когнитивное образовательное пространство.

Динамика развития индивидуального когнитивного образовательного пространства и его жизнеспособность как многомерного пространства обусловлены, с одной стороны, психологическими новообразованиями как некоторой актуальной силы, которая задает вектор движения, избирательности и направленности самореализации, а главное – делают осмысленным это пространство, главенствующими из которых являются ценности и смыслы [Клочко, Краснорядцева 2010; Краснорядцева 2007]. С другой стороны – трансвременностью [Лукьянов 2009], которая может быть обозначена как синтез прошлого опыта, актуального настоящего и потенциального будущего [Бредун и др. 2021]. Иными словами, когнитивная структура индивидуального образовательного пространства включает в себя стимулы, значения, отдельные наблюдения, которые идентифицируются человеком по определенным смысловым категориям, образуя концептуальные когнитивные репрезентации, которые являются внутренне обоснованными и применимыми к новым стимулам [Панюкова 2020; Gärdenfors 2019].

Категории пространства тем не менее можно зафиксировать в качестве объективных аспектов, а изучение концептуальной структуры репрезентации пространства позволит определить значимые области своеобразия индивидуальной деятельности. Схема диагностики структуры индивидуального когнитивного образовательного пространства складывается из количественных характеристик, таких как длительность, скорость, успешность решения задачи, и качественных маркеров, описывающих психосоматические репрезентации.

В качестве основных метрических характеристик в рамках описанной модели индивидуального когнитивного образовательного пространства были определены следующие темпоральные, операциональные, когнитивные и метакогнитивные порядки пространства:

1. Во многих исследованиях подчеркивается, что временная структура определяет восприятие мира [Волохова и др. 2020; Каширина, Филюшкина 2021; Мартыянова 2020; Sáinger et al. 2022; Tausen 2022], и независимо от того, как регистрируется человеком событие, временной фактор присутствует всегда, в виде хронологической метрики или ценностно-семантической [Gibson et al. 2021; Simchy-Gross, Margulis 2018]. В свою очередь темпоральность, с одной стороны, представляет собой временную характеристику объекта, отражает динамику протекания тех или иных процессов и их интенсивность, а с другой – является одной из составляющих характеристик бытия человека [Лукьянов 2008] и непосредственно связана как с восприятием времени, так и с его интерпретацией, наделением времени смыслом [Карадже 2022], что обуславливает существование субъективного времени. Помимо этого, человек способен наделять темпоральными характеристиками окружающую его действительность, что обеспечивает его устойчивую пространственно-временную организацию, которая позволяет воплощать себя в процессе жизнеосуществления [Абульханова 2017; Бредун и др. 2021; Краснорядцева и др. 2022; Zimbardo, Boyd 1999]. Исходя из этого, время является и формой субъективного присутствия человека в мире, и (что особенно важно в контексте данной работы) продуктом человеческого взаимодействия, коммуникации, договора. Таким образом, время не просто сопровождает реальность, но и структурируется человеком и наделяется смысловыми маркерами.

2. Основным аспектом когнитивных процессов являются исполнительные функции, которые важны в различных видах деятельности [Курицын, Чистопольская 2020; Макаров, Кутузова 2020; Schneegans, Schöner 2008]. Так, операциональность отражает физическое взаимодействие человека с объектами внешней среды, что выражается, например, в применении сенсомоторной активности, которая позволяет, благодаря возможности непосредственно воздействовать на объекты, построить более точную ментальную модель решаемой человеком задачи, ее репрезентацию [Баланев и др. 2022a; 2022b]. Это набор, последовательность, порядок действий, подчиненных особой логике, обусловленной индивидуальными особенностями человека, которые совершаются человеком при решении тех или иных задач. Операциональность представляет собой важное измерение в составе индивидуального когнитивного образовательного пространства, поскольку играет значительную роль в процессе познания.

3. Когнитивный компонент традиционно понимается как совокупность когнитивных способностей человека и связывается преимущественно с сенсорно-

перцептивными процессами, такими как память, мышление, внимание, восприятие и т. д. В каждый момент времени совокупность когнитивных процессов определяет, какая информация будет присутствовать, а какая выпадет из дальнейшей обработки [Березина 2019; Anders et al. 2018]. Помимо этого, когниция выступает в качестве категории, которой обозначается вся совокупность психической активности человека познающего [Иванова 2021] по обработке и репрезентации поступающей информации [Сибиряков 2014]. Исходя из этого понимания, можно выделить ключевую функцию когниций – обработку поступающей информации, благодаря чему человек способен к преодолению окружающего его информационного шума, сенсорных раздражителей, распознаванию, категоризации объектов, иными словами, всё то, что на когнитивном уровне помогает человеку действовать и жить эффективно, преодолевая как естественные, так и искусственные ограничения.

4. Метакогнитивный процесс описывает способность контролировать и регулировать когнитивный процесс. В структуру метакогнитивных процессов входят ценностно-смысловые, рефлексивные, оценочные компоненты, поэтому они представляют собой когниции более высокого порядка, выражающиеся в виде ценностей, смыслов, ментальности и т. д. [Кофейникова и др. 2018; Ластовенко 2021]. Они есть высшее проявление человеческого в человеке, поскольку не только выходят за его изначальную данность, которой он наделен от природы как биологическое существо, но и выводят его за эту данность, тем самым делая человека социальным, духовным, моральным и т. д. За счет этого человек превращается из неосознанной эволюционной случайности в закономерность, тенденцию, осознанного субъекта, способного не только к созиданию и преобразению имеющейся реальности, но и к созиданию собственной, в которой прошлое превращается в опыт, настоящее – в путь, а будущее – в планы, но главное – в потенциал. С их помощью человек создает некоторый индивидуальный контекст, дискурс, призму, сквозь которую человек наполняет свое пространство жизни, и на основе которых воспринимает, интерпретирует и действует по отношению к миру.

Таким образом, обозначенные метрические компоненты описывают параметрические характеристики индивидуального когнитивного образовательного пространства. Целью же настоящего исследования выступает апробация приемов статистической реконструкции набора факторов, представляющих собой проекции онтологической сущности теоретического конструкта *индивидуальное когнитивное образовательное пространство*.

Методы и материалы

Выборку исследования ($n = 62$) составили студенты факультета психологии первого года обучения (бакалавриат, специалитет, магистратура).

С опорой на общенаучные принципы системной антропологической психологии [Клочко 2005] для измерения набора факторов теоретического конструкта [Кабрин 2022] был использован интегрированный подход, сочетающий различные реконструируемые методы сбора данных:

1. Экспериментальные: Компромисс скорость-точность, Ментальное вращение [Баланев 2016].
2. Эмпирические психосемантические: Структурно-динамическая модель когнитивно-ноэтического развития личности [Кабрин 2021].
3. Диагностические тестовые: Темпоральные модальности жизнеосуществления [Бредун и др. 2021], Темпорально-когнитивные стратегии решения задач [Бредун, Куликов 2022].
4. Статистические: корреляционный анализ, метод главных компонент, критерий каменистой осыпи, критерий Шапиро-Уилка.

Несмотря на индивидуальную вариативность пространства, содержательная интерпретация полученных компонент позволяет зафиксировать объективные аспекты, описывающие индивидуальное когнитивное образовательное пространство. Одним из способов фиксации сущности пространства является обращение к познавательным, операциональным и темпоральным характеристикам деятельности человека. Многомерность модели теоретического конструкта *индивидуальное когнитивное образовательное пространство* представлена следующими содержательными мерностями:

- темпоральные параметры: эмоциональная фиксация на событиях, рационализация периодов времени жизнеосуществления, сбалансированность модальных оценок;
- когнитивные: контенуальность принятия решения, когнитивная гибкость;
- метакогнитивные: динамические (мотивационное самоопределение, перцепция, имагинация, эмоция), структурные (символический, конструктивный, концептуальный и ценностно-смысловой уровни);
- операциональные: общее время выполнения задачи на точность, общее время выполнения задачи на скорость, среднее время на клик в тестах, пройденная дистанция задачи, время выполнения задачи на ментальное вращение (статически и анимационно), количество верных и неверных ответов.

Таким образом, статистическая реконструкция психологической проекции онтологической сущности

теоретического конструкта *индивидуальное когнитивное образовательное пространство* представлена в виде взаимосвязанных факторов, отражающих специфику многомерной связи параметров измерения.

Результаты

Предварительная оценка характера распределения рассматриваемых параметров, представляющих различные мерности описываемой нами модели *индивидуальное когнитивное образовательное пространство*, проводилась с помощью критерия Шапиро-Уилка. Полученные результаты показали отклонение эмпирических распределений всех измеренных параметров от нормального закона распределения. Данный факт можно считать статистическим подтверждением индивидуальной вариативности пространства в части проявления выделенных нами темпоральных, операциональных, когнитивных и метакогнитивных его характеристик.

Статистическая реконструкция теоретической модели конструкта *индивидуальное когнитивное образовательное пространство* осуществлялась посредством технологии многомерного статистического анализа, используемой для сокращения размерности – метода главных компонент (PCA – Principal Component Analysis). Выбор в пользу именно метода главных компонент среди других многомерных структурных методов был сделан ввиду отсутствия у него строгого требования нормальности распределения. Основное требование к применению метода главных компонент (непрерывные данные) в нашем случае было выполнено. Исходное пространство признаков в процедуре статистической реконструкции было представлено непрерывными переменными ($n = 36$). Метод главных компонент позволил построить новое пространство признаков меньшей размерности, выделить латентные переменные с минимальной потерей информации, исключая т. н. шум, признаки с малыми дисперсиями. Полученная таким образом статистическая модель конструкта представляет собой совокупность латентных переменных, отражающих многомерные связи между рассматриваемым набором параметров теоретической модели.

Оптимальное количество компонент определялось на основе графического изображения критерия каменистой осыпи (рис. 1). В качестве исходных данных, образующих исходное пространство признаков, выступили рассматриваемые нами признаки темпоральных, когнитивных, метакогнитивных и операциональных характеристик деятельности человека. На основании графика каменистой осыпи было принято решение о выделении трех компонент (60,9 %). Полученная матрица компонент представлена в таблице 1.

Табл. 1. Структура взаимосвязей показателей индивидуального когнитивного образовательного пространства

Tab. 1. Interrelations of indicators of individual cognitive education space

Признак	Компоненты (нагрузки)		
	1	2	3
Эмоциональная фиксация на событиях	0,1759	0,1300	0,8494
Рационализация периодов времени жизнеосуществления	-0,1669	-0,2542	0,740
Сбалансированность модальных оценок	-0,2443	-0,1393	0,760
Принятие решения	-0,1610	-0,0356	-0,768
Переключение между задачами	0,3844	-0,0626	0,18099
Мотивационное самоопределение	0,2802	-0,0990	-0,00701
Перцепция (изучение и анализ)	0,0677	-0,2425	0,08778
Имагинация (прогноз, проектирование)	0,2135	-0,3560	-0,12908
Эмоция (оценка эффективности)	0,0276	-0,1030	-0,32014
Символический уровень	-0,1420	0,741	-0,25083
Конструктивный уровень	-0,1820	-0,1668	0,02125
Концептуальный уровень	-0,3341	0,577	-0,04088
Ценностно-смысловой уровень	0,0399	-0,0843	0,543
Общее время выполнения теста на точность	0,815	0,0587	0,425
Среднее время на клик в тесте на точность	0,815	0,0587	0,425
Стандартное отклонение времени на клик в тесте на точность	0,1787	-0,2833	0,521
Общее время выполнения теста на скорость	0,728	-0,0631	0,593
Среднее время на клик в тесте на скорость	0,728	-0,0631	0,593
Стандартное отклонение времени на клик в тесте на скорость	0,483	-0,2977	0,12320
Общая пройденная дистанция в тесте на точность	-0,1939	0,961	-0,07237
Средняя дистанция на клик в тесте на точность	-0,1849	0,962	-0,09367
Стандартное отклонение дистанции на клик в тесте на точность	-0,3831	0,695	-0,04577
Общая пройденная дистанция в тесте на скорость	0,3021	0,755	0,36985
Средняя дистанция на клик в тесте на скорость	0,3505	0,724	0,36691
Стандартное отклонение дистанции на клик в тесте на скорость	-0,2364	0,706	-0,34645
Средняя скорость выполнения теста на точность	-0,490	0,777	-0,29960
Средняя скорость выполнения теста на скорость	-0,454	0,803	-0,31264
Общее время выполнения теста «Ментальное вращение»	0,794	-0,2963	-0,04393
Время выполнения статической части теста «Ментальное вращение»	0,771	-0,3314	0,00515
Время выполнения анимационной части теста «Ментальное вращение»	0,791	-0,2514	-0,09164
Общее количество верных ответов на ментальное вращение	0,894	-0,1735	-0,19253
Количество верных ответов в статической части теста «Ментальное вращение»	0,837	-0,1288	0,02415
Количество верных ответов в анимационной части теста «Ментальное вращение»	0,805	-0,1785	-0,30806
Общее количество ошибок при решении задач на ментальное вращение	-0,894	0,1735	0,19253
Количество ошибок в статической части теста «Ментальное вращение»	-0,837	0,1288	-0,02415
Количество ошибок в анимационной части теста «Ментальное вращение»	-0,805	0,1785	0,30806
Доля объясненной дисперсии, %	28,7	19,5	12,7

В процессе статистической реконструкции была получена статистическая модель ($p < 0,001$) теоретического конструкта *индивидуальное когнитивное образовательное пространство*, состоящая из трех компонент (60,9 %), представляющих собой линейные функции от теоретически выделенных и эмпирически измеренных темпоральных, операциональных, когнитивных и метакогнитивных характеристик. Первая компонента (28,7 %) объединила операциональные характеристики деятельности (показатели времени, скорости, точности и результативности выполнения экспериментальных задач). Вторую (19,5 %) составили операциональные (дистанция и скорость решения задач) и метакогнитивные (символизм, концептуальность) характеристики при доминировании первых. Третья компонента (12,7 %) представлена совокупностью темпоральных (эмоциональная фиксация на событиях, рационализация периодов жизнеосуществления, сбалансированность модальных оценок), когнитивных (особенности принятия решения), метакогнитивных (ценностно-смысловые характеристики) и операциональных (временные характеристики решения задач) характеристик деятельности человека.

Взаимодействие когнитивных и метакогнитивных процессов, их синхронизация статистически реконструировались также посредством метода главных компонент (РСА). В качестве исходного пространства признаков выступили особенности темпорально-когнитивных стратегий решения задач и составляющие позиционных стратегий структурно-динамической модели когнитивно-ноэтического развития личности.

Оптимальное количество компонент определялось с помощью каменной осыпи с параллельным анализом для определения оптимального количества компонент (рис. 2). На основании полученных данных было принято решение о выделении одной компоненты. Полученные результаты представлены в таблице 2.

В соответствии с величинами нагрузок в выделенную компоненту были включены 6 характеристик: показатель темпорально-когнитивных стратегий решения задач *переключение между задачами*, динамические составляющие позиционных стратегий *мотивационное самоопределение*, *проектирование*, *прогнозирование* и структурные составляющие конструктивного и концептуального уровней.

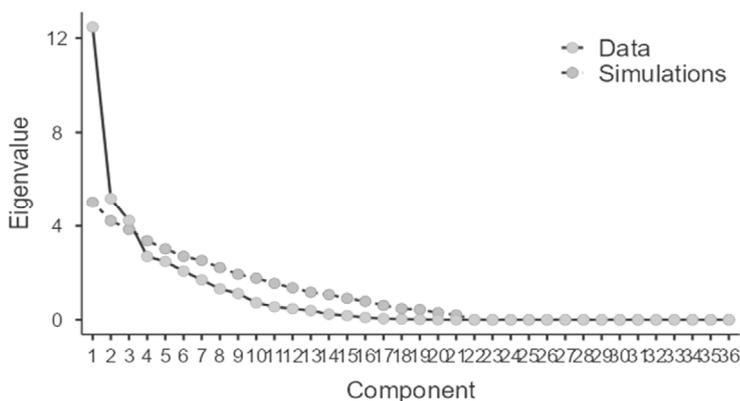

Рис. 1. График каменной осыпи с параллельным анализом для определения оптимального количества компонент модели *индивидуальное когнитивное образовательное пространство*
 Fig. 1. Optimal number of components of individual cognitive education space: scree plot with parallel analysis

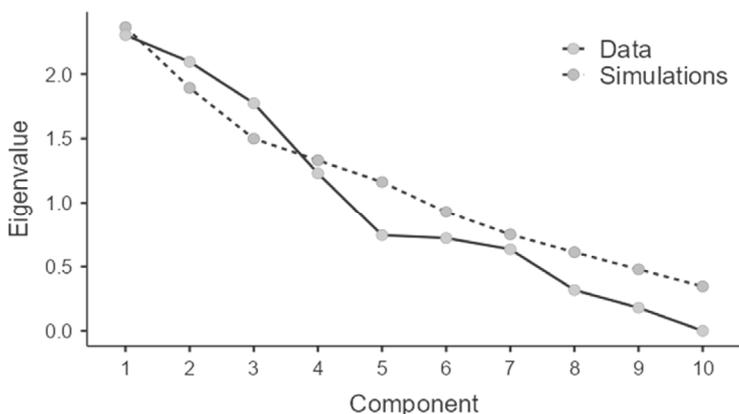

Рис. 2. График каменной осыпи с параллельным анализом для определения оптимального количества компонент составляющих континуума когнитивных и метакогнитивных характеристик
 Fig. 2. Optimal number of components of the continuum of cognitive and metacognitive characteristics: scree plot with parallel analysis

Табл. 2. Структура взаимосвязей показателей темпорально-когнитивных стратегий решения задач и позиционных стратегий структурно-динамической модели когнитивно-ноэтического развития личности

Tab. 2. Interrelations of indicators of temporal-cognitive strategies for solving problems and positional strategies: structural-dynamic model of cognitive-noetic personality development

Признак	Компонента (нагрузки)
Принятие решения	0,206
Переключение между задачами	0,593
Мотивационное самоопределение	0,516
Перцепция (изучение и анализ)	-0,048
Имагинация (прогноз, проектирование)	0,503
Эмоция (оценивание эффективности)	0,419
Символический уровень	-0,289
Конструктивный уровень	-0,760
Концептуальный уровень	-0,679
Ценностно-смысловой уровень	0,298

Полученные результаты статистического анализа методом главных компонент показывают, что способность переключаться между задачами проявляется при выраженной внутренней мотивации, способности прогнозирования результатов, проектирования собственной деятельности с учетом анализа предметно-событийной реальности и возможности создания инструментария для более успешного решения когнитивных задач.

В качестве дополнительного статистического подтверждения взаимосвязи когнитивных и метакогнитивных характеристик индивидуального когнитивного образовательного пространства, раскрытия особенностей этих взаимосвязей можно привести результаты корреляционного анализа. Было установлено, что показатель *переключение между задачами* положительно коррелирует с динамической эмоциональной составляющей позиционных стратегий ($r = 0,467$; $p = 0,001$) и отрицательно – со структурной составляющей конструктивного уровня позиционных стратегий ($r = -0,548$; $p = 0,01$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что люди, которые способны достаточно быстро и легко переключаться между задачами, подстраиваться к изменяющейся ситуации, способны и эффективно оценивать достигаемые результаты, рефлексировать, анализировать успехи и неудачи, конструктивно воспринимать обратную связь, что, возможно, позволяет им наиболее успешно адаптироваться к изменениям.

С другой стороны, люди с высокими способностями переключаемости между задачами, возможно, менее успешны в детальном анализе определенной предметно-событийной реальности, они более ориентированы на эмоциональную оценку достигаемых результатов, чем на выделение и анализ конкретизирующих и обобщающих признаков. Они не сосредотачиваются на деталях, их деятельность направлена на поиск общих объективных показателей для более успешной адаптации к новым реалиям.

Заключение

Проведенная и представленная в данной работе статистическая реконструкция теоретического конструкта *индивидуальное когнитивное образовательное пространство* позволяет зафиксировать действительное наличие четырех мерностей (компонент) этого пространства: операциональность, когниция, темпоральность и метакогниция. Это подтверждают результаты, полученные в ходе применения метода главных компонент, а также корреляционного анализа.

Предыдущие исследования феномена позволили сделать вывод о наличии взаимосвязи между темпоральностью и метакогнитивными процессами. Результаты, полученные в ходе нашего актуального исследования, позволяют дополнить этот вывод, поскольку они демонстрируют наличие и специфику влияния метакогнитивных характеристик человека на когнитивные.

На наш взгляд, особого внимания заслуживает полученное в процессе статистической реконструкции модели распределение объясняемой дисперсии между компонентами, которое указывает на факт преобладания операциональной составляющей (развитые навыки, усвоенные алгоритмы действий) при организации индивидуального когнитивного образовательного пространства студента и осуществлении им различной деятельности. Полученные данные подтверждают имеющиеся у преподавателей вузов наблюдения о доминировании у студентов шаблонных и стереотипных моделей поведения как в процессе обучения, так и при конструировании студентами собственного индивидуального когнитивного образовательного пространства.

Полученный опыт применения приемов статистической реконструкции теоретического конструкта (на примере конструкта *индивидуальное когнитивное образовательное пространство*) открывает новые возможности для разработки аналитического инструментария, позволяющего осуществлять психологическую интерпретацию получаемых эмпирических данных с опорой на объяснительный потенциал концептуальных построений постнеклассического уровня научной рациональности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Д. Ю. Баланев – концептуализация идеи, формулирование целей и задач исследования. Э. А. Щеглова – применение статистических и других формальных методов для анализа данных исследования. Е. В. Бредун – интерпретация полученных данных, подготовка и редактирование текста.

П. Р. Тютюнников – подготовка и написание текста.

Contribution: D. Yu. Balanev developed the research concept and formulated its objectives.

E. A. Shcheglova used statistical and other formal methods. E. V. Bredun interpreted the data obtained and wrote the manuscript.

P. R. Tyutyunnikov wrote and edited the manuscript.

Финансирование: Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2020-0040.

Funding: The research was part of the state task of the Ministry of Education and Science of Russia, project No. FSWM-2020-0040.

Литература / References

- Абульханова К. А. Время личности и ее жизненного пути. *Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир*. 2017. Т. 1. № 1. С. 165–200. [Abulkhanova K. A. Time of personality and its vital way. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Chelovek i mir*, 2017, (1): 165–200. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ytamp>
- Баланев Д. Ю. Экспериментальные и исследовательские приемы реконструкции перцептивного пространства человека. In: Ключко В. Е., Краснорядцева О. М., Баланев Д. Ю. *Приемы и методы психологической реконструкции жизненного мира человека: постнеклассический ракурс*. Томск: ТГУ, 2016. С. 131–167. [Balanev D. Yu. Experimental and research techniques for the reconstruction of the human perceptual space. In: Klochko V. E., Krasnoryadtseva O. M., Balanev D. Yu. *Techniques and methods of psychological reconstruction of the human life world: a post-non-classical perspective*. Tomsk: TSU, 2016, 131–167. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tyhowz>
- Баланев Д. Ю., Кабрин В. И., Лукьянов О. В., Краснорядцева О. М., Щеглова Э. А., Бредун Е. В. Когнитивное индивидуальное образовательное пространство: технологии изучения и построения стратегий конструирования. Томск: ТГУ, 2022а. 234 с. [Balanev D. Yu., Kabrin V. I., Lukyanov O. V., Krasnoryadtseva O. M., Shcheglova E. A., Bredun E. V. *Cognitive individual education space: Technologies for studying and constructing design strategies*. Tomsk: TSU, 2022a, 234. (In Russ.)]
- Баланев Д. Ю., Тютюнников П. Р., Кох Д. А. Сенсомоторная активность как фактор развития когнитивного ресурса. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022б. Т. 24. № 6. С. 752–759. [Balanev D. Yu., Tyutyunnikov P. R., Koh D. A. Human sensorimotor activity as a factor of cognitive resource development. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022b, 24(6): 752–759. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-752-759>
- Березина Т. Н. Эмоциональная безопасность образовательной среды и когнитивные процессы. *Современное образование*. 2019. № 3. С. 29–43. [Berezina T. N. Emotional security of educational environment and cognitive processes. *Modern Education*, 2019, (3): 29–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8736.2019.3.29191>
- Бредун Е. В., Куликов И. А. Диагностические маркеры темпорально-когнитивных стратегий решения жизненных задач. *Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал*: VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 25–26 ноября 2021 г.) Петрозаводск: Версо, 2022. С. 66–74. [Bredun E. V., Kulikov I. A. Diagnostic markers of temporal-cognitive strategies for solving life problems. *Psychological health of a person: life resource and life potential*: Proc. VIII Intern. Sci.-Prac. Conf., Krasnoyarsk, 25–26 Nov 2021. Petrozavodsk: Verso, 2022, 66–74. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ytgtcz>
- Бредун Е. В., Щеглова Э. А., Смешко Е. В., Шмер Т. А. Диагностические возможности опросника «Темпоральные модальности жизнеосуществления». *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 82. С. 174–190. [Bredun E. V., Shcheglova E. A., Smeshko E. V., Shmer T. A. Diagnostic capabilities of "Temporal modality of life fulfillment" questionnaire. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2021, (82): 174–190. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/82/10>
- Волохова В. И., Кошенова М. И., Шабанов Д. М. Исследование динамики психологического времени в эпоху юности. *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки*. 2020. № 4. С. 75–90. [Volokhova V. I., Koshenova M. I., Shabanov D. M. Study of psychological time dynamics at the age of youth. *Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*, 2020, (4): 75–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2020.4.7>

- Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. 487 с. [Vygotsky L. S. *Collected works. Vol. 1. Theory and history of psychology*. Moscow: Pedagogika, 2013, 432. (In Russ.)]
- Иванова С. В. Формирование «человека познающего» как актуальная задача образования. *Ценности и смыслы*. 2021. № 1. С. 44–49. [Ivanova S. V. Formation of a "man cognizing" as a relevant task of education. *Values and Meanings*, 2021, (1): 44–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2021-1-44-49>
- Кабрин В. И. Коммуникативная психосемантика когнитивно-ноэтического развития личности. *Сибирский психологический журнал*. 2022. № 85. С. 51–71. [Kabrin V. I. Communicative psychosemantics of cognitive-noetic development of the personality. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2022, (85): 51–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/85/3>
- Кабрин В. И. Холистическая модель когнитивно-ноэтического развития личности. *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 81. С. 6–27. [Kabrin V. I. A holistic model for individual noetic-cognitive development. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2021, (81): 6–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267081/81/1>
- Карадже Т. В. Темпоральность как динамическая характеристика изменений социальной системы. *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2022. Т. 13. № 2. С. 130–143. [Karadzhe T. V. Temporality as a dynamic characteristic processes and changes in the social system. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*, 2022, 13(2): 130–143. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2022-13-2-130-143>
- Касторнова В. А. Некоторые подходы к определению образовательного пространства. *Педагогическое образование в России*. 2014. № 8. С. 43–48. [Kastornova V. A. Some approaches to the definition of educational environment. *Pedagogical Education in Russia*, 2005, (8): 43–48. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/snjvip>
- Каширина О. В., Филюшкина Д. В. Приоритетные потребности и формирование нового типа мышления молодежи поколения Z как цивилизационного субъекта, устремленного в будущее. *Общество: философия, история, культура*. 2021. № 7. С. 13–18. [Kashirina O. V., Filyushkina D. V. Priority needs and formation of a new type of thinking of the youth of generation Z as a civilizational subject, looking to the future. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2021, (7): 13–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/fik.2021.7.1>
- Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005. 174 с. [Klochko V. E. *Self-organization in psychological systems: problems of emergence of the mental space of a person (introduction into the transpective analysis)*. Tomsk: TSU, 2005, 174. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxpeuv>
- Клочко В. Е., Галажинский Э. В., Красноярцева О. М., Лукьянов О. В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат. *Сибирский психологический журнал*. 2015. № 56. С. 9–20. [Klochko V. E., Galazhinsky E. V., Krasnoryadtseva O. M., Lukyanov O. V. System anthropological psychology: framework of categories. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2015, (56): 9–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/56/2>
- Клочко В. Е., Красноярцева О. М. Особенности операционализации понятия «инновационный потенциал личности». *Вестник Томского государственного университета*. 2010. № 339. С. 151–154. [Klochko V. E., Krasnoryadtseva O. M. Peculiarities of "innovative potential of personality operational definition. *Tomsk State University Journal*, 2010, (339): 151–154. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nbinyz>
- Кофейникова Ю. Л., Николаева Е. С., Суховершина Ю. В. Метакогнитивные особенности студентов с ползависимыми и полнезависимыми когнитивными стилями. *Педагогика и психология образования*. 2018. № 2. С. 103–116. [Kofeynikova Yu. L., Nikolaeva E. S., Sukhovershina Yu. V. Metacognitive peculiarities of students with field-dependent and hollow-dependent cognitive styles. *Pedagogy and Psychology of Education*, 2018, (2): 103–116. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xuxqnv>
- Красноярцева О. М. Психолого-образовательное сопровождение подготовки специалиста. *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 305. С. 165–168. [Krasnoryadtseva O. M. Psychology-educational accompanied by training of specialist. *Tomsk State University Journal*, 2007, (305): 165–168. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/khnqdz>
- Красноярцева О. М., Бредун Е. В., Кабрин В. И., Щеглова Э. А. Реконструкция темпоральных индикаторов индивидуального процесса решения когнитивной задачи. *Психология сегодня: актуальные исследования и перспективы*: Всерос. психол. форум. (Екатеринбург, 28–30 сентября 2022 г.) Екатеринбург: УрФУ, 2022. Т. 1. С. 458–462. [Krasnoryadtseva O. M., Bredun E. V., Kabrin V. I., Shcheglova E. A. Reconstruction of temporal indicators of the individual process of solving a cognitive task. *Psychology Today: Current Research and Prospects*: All-Russian Psychol. Forum, Ekaterinburg, 28–30 Sep 2022. Ekaterinburg: UrFU, 2022, vol. 1, 458–462. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/alzkmr>

- Курицын А. А., Чистопольская А. В. Роль моторного компонента в процессе решения инсайтных задач. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. Т. 17. № 4. С. 645–657. [Kuritsyn A. A., Chistopolskaya A. V. The role of motor component in insight problem solving. *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*, 2020, 17(4): 645–657. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-4-645-657>
- Ластовенко Д. В. Особенности саморегуляционных и метакогнитивных характеристик студентов инженерных специальностей ракетно-космической отрасли. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2021. Т. 9. № 1. [Lastovenko D. V. Features of self-regulatory and metacognitive characteristics of engineering students in the rocket and space industry. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2021, 9(1). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/48PSMN121.html> (accessed 10 Apr 2023). <https://www.elibrary.ru/rjcvmv>
- Лукьянов О. В. Готовность быть. Введение в транстемпоральную психологию. М.: Смысл, 2009. 231 с. [Lukyanov O. V. *Willingness to be. Introduction to transtemporal psychology*. Moscow: Smysl, 2009, 231. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxxqkl>
- Лукьянов О. В. Проблема становления идентичности в эпоху социальных изменений. Томск: ТГУ, 2008. 212 с. [Lukyanov O. V. *Identity development in an era of social change*. Tomsk: TSU, 2008, 212. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rutwal>
- Макаров И. Н., Кутузова А. Б. Влияние моторной тренировки на процесс разделения чанков в инсайтных задачах. *PSY-Вышка: Междунар. науч. конф.* (Москва, 31 октября – 2 ноября 2019 г.) М.: ВШЭ, 2020. С. 145–147. [Makarov I. N., Kutuzova A. B. Effect of motor training on chunk separation in insight tasks. *PSY-HSE: Intern. Sci. Conf.*, Moscow, 31 Oct – 2 Nov 2019. Moscow: HSE, 2020, 145–147. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vbeqqo>
- Мартыанова Г. Ю. Исследование связи временной перспективы и саморегуляции в трудной жизненной ситуации. *Психолог*. 2020. № 1. С. 34–43. [Martyanova G. Yu. The study of correlation between time perspective and self-regulation in a difficult life situation. *Psychologist*, 2020, (1): 34–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2020.1.32180>
- Панюкова Ю. Г. Психологическая репрезентация антропогенной пространственно-предметной среды повседневной жизни: теоретическая модель. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2020. № 12. С. 140–146. [Panyukova Yu. G. Psychological representation of everyday life anthropogenic spatial environment: Theoretical model. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2020, (12): 140–146. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/spp.2020.12.26>
- Сибиряков И. В. Феномен когниции в научном дискурсе. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2014. № 6. С. 85–88. [Sibiriyakov I. V. The phenomenon of cognititia in scientific discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, (6): 85–88. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/snjbqr>
- Anders R., Oravec Z., Alario F.-X. Improved information pooling for hierarchical cognitive models through multiple and covaried regression. *Behavior Research Methods*, 2018, 50: 989–1010. <https://doi.org/10.3758/s13428-017-0921-7>
- Gärdenfors P. From sensations to concepts: A proposal for two learning processes. *Review of Philosophy and Psychology*, 2019, 10(3): 441–464. <https://doi.org/10.1007/s13164-017-0379-7>
- Gibson B. S., Healey M. K., Schor D., Gondoli D. M. Space and time in the similarity structure of memory. *Psychonomic Bulletin & Review*, 2021, 28: 2003–2011. <https://doi.org/10.3758/s13423-021-01940-x>
- Sáringer S., Fehér Á., Sály G., Kaposvári P. Online measurement of learning temporal statistical structure in categorization tasks. *Memory & Cognition*, 2022, 50(7): 1530–1545. <https://doi.org/10.3758/s13421-022-01302-5>
- Schneegans S., Schönner G. 13 – Dynamic field theory as a framework for understanding embodied cognition. *Handbook of Cognitive Science*, eds. Calvo P., Gomila A. San Diego: Elsevier, 2008, 241–271. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-046616-3.00013-X>
- Simchy-Gross R., Margulis E. H. Expectation, information processing, and subjective duration. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 2018, 80(1): 275–291. <https://doi.org/10.3758/s13414-017-1432-4>
- Tausen B. M. Thinking about time: identifying prospective temporal illusions and their consequences. *Cognitive Research: Principles and Implications*, 2022, 7. <https://doi.org/10.1186/s41235-022-00368-8>
- Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting time in perspective: A valid, reliable, individual-difference metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, 77(6): 1271–1288. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0022-3514.77.6.1271>

оригинальная статья

Особенности психического и физического развития детей дошкольного возраста, рожденных с помощью ВРТ

Бохан Татьяна Геннадьевна
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Россия, Томск
<https://orcid.org/0000-0002-9628-1470>
Scopus Author ID: 56820133000

Лещинская Светлана Борисовна
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Россия, Томск
<https://orcid.org/0000-0001-9564-085X>
Scopus Author ID: 57204199403

Силаева Анна Владимировна
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Россия, Томск
<https://orcid.org/0000-0003-2251-5200>
Scopus Author ID: 57207571308
silaevaav@yandex.ru

Терехина Ольга Владимировна
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Россия, Томск
<https://orcid.org/0000-0003-0964-9175>
Scopus Author ID: 57194090204

Поступила в редакцию 12.03.2023. Принята после рецензирования 19.06.2023. Принята в печать 19.06.2023.

Аннотация: Представлены результаты эмпирического исследования особенностей психического и физического развития детей в возрасте 4-х лет, зачатых посредством ВРТ. Выборку составили 90 детей, зачатых посредством ВРТ, и 130 детей от спонтанной беременности. Показано отсутствие значимых отличий от контрольной группы в поведении, эмоциональном развитии, полоролевой идентичности, определенных показателях интеллектуального развития, физическом развитии, эмоциональном и поведенческом компонентах питания, рисках для здоровья зубов. У детей, зачатых посредством ВРТ, выявлены значимо более выраженные симптомы нарушений социального развития и менее развитые способности к обобщению при низком размере эффекта данных различий. Симптомы нарушений социального развития проявились в более медленном развитии речи, дефектах произношения, внимании к мелким деталям, которые не замечают взрослые, отрицательной реакции на смену режима. В связи с этим выявление ранних симптомов нарушений становится важной задачей в психолого-медико-педагогической помощи ребенку и семье. Относительно особенностей когнитивного развития установлено, что в основной эмпирической группе параметр *способность к обобщению* был выражен значимо ниже, чем в контрольной группе, что может быть объяснено особенностями темпа развития и воспитательных условий, что также требует дальнейшего исследования. Представлены особенности питания, специфичные для детей группы ВРТ. Показано наличие значимых взаимосвязей между показателями различных составляющих психического развития, между показателями психического и физического развития детей, зачатых посредством ВРТ, совпадающих и различных с контрольной группой. Отсутствие различий в остальных показателях психического развития детей и анализ данных позволяют заключить, что большинство детей обеих исследуемых групп не проявляли в своем поведении признаков гиперактивности, невнимательности, агрессивного поведения, а наоборот, характеризовались как способные к проявлению сочувствия, совместным играм, к дружбе, взаимовыручке, конструктивному решению конфликтов, характеризовались достаточным уровнем развития когнитивных способностей. У большинства детей полоролевая идентичность формировалась согласно возрастной норме. Полученные данные свидетельствуют о благоприятном развитии большинства детей дошкольного возраста, зачатых посредством ВРТ, существовании групп риска неблагоприятного развития, требующих наблюдения и своевременной коррекции.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, экстракорпоральное оплодотворение, психическое развитие, когнитивное развитие, физическое развитие, поведение, дошкольный возраст

Цитирование: Бохан Т. Г., Силаева А. В., Лещинская С. Б., Терехина О. В. Особенности психического и физического развития детей дошкольного возраста, рожденных с помощью ВРТ. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 5. С. 606–614. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-606-614>

full article

Mental and Physical Development of Preschool Children Born After Assisted Reproduction

Tatiana G. Bokhan

Tomsk State University, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0000-0002-9628-1470>

Scopus Author ID: 56820133000

Anna V. Silaeva

Tomsk State University, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0000-0003-2251-5200>

Scopus Author ID: 57207571308

silaevaav@yandex.ru

Svetlana B. Leshchinskaia

Tomsk State University, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0000-0001-9564-085X>

Scopus Author ID: 57204199403

Olga V. Terekhina

Tomsk State University, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0000-0003-0964-9175>

Scopus Author ID: 57194090204

Received 12 Mar 2023. Accepted after peer review 19 Jun 2023. Accepted for publication 19 Jun 2023.

Abstract: This empirical study compared the mental (intellectual, personal, emotional, social) and physical development of four-year-old children conceived by assisted reproduction technology (ART) with that of naturally conceived children. The sample consisted of 90 ART children and 130 spontaneously conceived children (control). The research revealed no significant differences in behavior, emotional development, gender roles, intellectual development (visual-motor coordination, logical thinking, vocabulary, conceptual knowledge, speech development, counting and reading skills), physical development, emotional and behavioral eating habits, and dental health. The ART children demonstrated significantly higher symptoms of social developmental disorders and lower levels of categorizing skills, with a low effect size. The article introduces significant relationships across various components of mental development, as well as between mental and physical development of ART children vs. control. The majority of preschool children conceived by ART had normative development, but the study revealed a risk group and problem areas of development, which require monitoring and early correction.

Keywords: assisted reproductive technology, fertilization in vitro, mental development, cognitive development, physical development, behavior, preschool age

Citation: Bokhan T. G., Silaeva A. V., Leshchinskaia S. B., Terekhina O. V. Mental and Physical Development of Preschool Children Born After Assisted Reproduction. *SibScript*, 2023, 25(5): 606–614. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-606-614>

Введение

В научной литературе имеются противоречивые данные относительно здоровья и развития детей, зачатых с применением вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), рост количества которых отмечается во всем мире¹. Можно условно выделить пять групп исследований [Силаева 2021: 5]. Первую группу составляют исследования, подтверждающие превышение показателей психического развития, в частности когнитивного и речевого [Barbuscia et al. 2019], у детей от индуцированной беременности по сравнению с детьми от естественного зачатия. Другие исследования утверждают об отсутствии существенных различий в когнитивном [Hart, Norman 2013b: 246], эмоциональном [Heijligers et al. 2018: 2155] и социальном развитии [Hart, Norman 2013b: 246],

состоянии здоровья [Hart, Norman 2013a: 237] у детей, родившихся после ВРТ. Третья группа данных указывает, что отклонения от нормы развития носят временный [Carson et al. 2010: 249] или неравномерный характер в возрастной динамике [Berntsen et al. 2019: 142]. Выявлена гендерная специфика когнитивного, социального развития [Xing et al. 2011: 752] и дезадаптивных симптомов [Zachor, Ben Itzhak 2011: 2953] у детей, рожденных посредством ВРТ. Последняя, выделенная нами группа исследовательских данных констатирует у детей группы ВРТ ряд проблем: нарушение внутриутробного развития, частоту преждевременных родов, меньшую массу тела; увеличение частоты церебрального паралича [Fauser et al. 2014: 164], задержку развития

¹ ESHRE ART fact sheet (2022). URL: <https://www.eshre.eu/Europe/Factsheets-and-infographics> (accessed 3 Feb 2022).

нервной системы [Hvidtjørn et al. 2011: 499], риски нарушений психического развития [Соловьева 2014: 268], соматические [Fauser et al. 2014: 163], поведенческие и эмоциональные проблемы, повышенный риск аутизма [Djuwantono et al. 2020; Zachor, Ben Itzhak 2011: 2954] и дефицита внимания [Hvidtjørn et al. 2011: 498], психопатологические нарушения [Fauser et al. 2014: 165], задержку речевого [Соловьева 2014: 268; Hvidtjørn et al. 2011: 498] и нарушения моторного развития [Al-Hathlol et al. 2020: 63], прогнозируются негативные изменения в развитии и состоянии здоровья в более поздних возрастных периодах [Rumbold et al. 2017: 1494].

Изучение состояния здоровья и психического развития детей, рожденных с помощью ВРТ, в возрастном контексте позволило выявить как определенные особенности, так и отсутствие таковых. Например, среди проблем здоровья детей в младенчестве и раннем детстве отмечают недоношенность, малый вес, болезни кожи, органов дыхания, эндокринной, пищеварительной, мочеполовой системы, подверженность инфекциям, аномалии и отставание в развитии [Fauser et al. 2014: 163]. В то же время в катамнестическом исследовании детей группы ВРТ от рождения до 3-х лет обнаружено, что большинство доношенных детей имели нормативные показатели физического и нервно-психического развития [Rumbold et al. 2017: 1493]. В исследовании [Соловьева 2014: 268] уровень познавательного развития, соответствующий возрастной норме, выявлен реже у детей группы ВРТ, наблюдалось больше детей со снижением интеллектуальной деятельности, чем у зачатых спонтанно, однако к концу раннего возраста показатели познавательного развития детей улучшились.

В период дошкольного возраста в выборке детей ЭКО чаще диагностируются бронхиальная астма, более быстрый рост [Fauser et al. 2014: 167], неврологические заболевания и нарушения психического развития [Djuwantono et al. 2020], отмечается более выраженная задержка формирования регулятивных механизмов поведения, приводящих к дезадаптации, чем в группе детей от спонтанной беременности [Xing et al. 2011: 753]. В сравнительном лонгитюдном исследовании показано, что параметры поведенческого, когнитивного и моторного развития у 5-летних детей значительно улучшились по сравнению с оценками на первом году жизни, но отмечалась тенденция к ухудшению показателей двигательных навыков [Meijerink et al. 2016]. Результаты других исследований указывают на сопоставимые рост и развитие детей от разного типа зачатия [Hart, Norman 2013a: 238], отсутствие различий в когнитивном развитии [Xing et al. 2011: 753], состоянии здоровья [Hart, Norman 2013a; 2013b], коммуникации, социализации, двигательных навыках,

работоспособности и самоорганизации [Xing et al. 2011: 752]. Такие противоречивые данные, на наш взгляд, обусловлены тем, что большинство исследований изучают показатели физического здоровья, психического развития детей изолированно и часто вне системы определяющих их биопсихосоциальных факторов [Кешишян и др. 2014: 15; Fauser et al. 2014: 178]. Необходимо отметить, что при этом комплексные лонгитюдные исследования, охватывающие весь период детства, отсутствуют, несмотря на то что в нашей стране данная технология применяется с 1986 г.

Гипотеза: выявленные нами на этапах лонгитюдного исследования в ранних периодах развития (ново-рожденность, 9, 18 и 29 месяцев) определенные особенности психического и физического развития детей, рожденных с помощью ВРТ, позволяют предположить, что специфичные особенности психического и физического развития с учетом возраста и характера зачатия могут существовать и у детей в возрасте 4-х лет. Цель – выявить особенности психического и физического развития детей, рожденных с помощью ВРТ, в сравнении с показателями развития детей от естественного зачатия.

Методы и материалы

Организационные методы: лонгитюдный, сравнительный, комплексный, включение контрольной группы; эмпирические психодиагностические методики. Сбор эмпирического материала осуществлялся на седьмой «волне» лонгитюдного исследования биопсихосоциальных факторов раннего детского развития, соответствующей возрасту детей 4-х лет. В исследовании участвовали две группы: основная – дети, родившиеся с помощью ВРТ (90 человек); контрольная – дети от естественной физиологической беременности (130 человек).

Психологическая диагностика поведения и эмоционального развития ребенка осуществлялась с помощью следующих методик:

- «Поведение Вашего ребенка» [Côté et al. 2017] – для оценки выраженности у ребенка гиперактивности ($\alpha = 0,6$), просоциального поведения ($\alpha = 0,7$), физической агрессии ($\alpha = 0,7$), невнимательности ($\alpha = 0,6$);
- «Ваш ребенок дома» [Goodman 1997: 581] направлена на оценку проблем поведения ребенка (непослушание, драчливость, ложь, плохое отношение к людям; $\alpha = 0,6$); эмоциональных симптомов (тревожность, депрессивность; $\alpha = 0,6$); застенчивости ($\alpha = 0,6$).

Для статистической обработки результатов были вычислены общий показатель проблем поведения ($\alpha = 0,8$), общий показатель эмоционального развития ($\alpha = 0,7$), представленный суммой по шкалам *эмоциональные симптомы* и *застенчивость*.

Психологическая диагностика полоролевой идентичности осуществлялась с помощью методики «Опросник активности дошкольника» [Golombok, Rust 1993: 134], позволяющей оценить игры, игрушки и занятия, свойственные девочкам и свойственные мальчикам, предпочитаемые ребенком. Общий показатель полоролевой идентичности вычислялся согласно оригинальной методике [Golombok, Rust 1993: 134].

Особенности общения были изучены при помощи методики CHAT (Checklist for Autism in Toddlers), адаптированной под задачи исследования ($\alpha = 0,6$).

Психологическая диагностика интеллектуального развития осуществлялась с помощью методик Parent-Administered PARCA и Parent-reported PARCA [Oliver et al. 2002: 344], включающих интерактивные задания для ребенка и анкеты; вычислялась сумма баллов по каждому из заданий и общий балл по всем интерактивным заданиям. «Общий уровень развития речи» (сокращенная версия Мак-Артуровского опросника речевого развития в адаптации [Petrill et al. 2004]) нацелен на изучение активного словарного запаса ребенка ($\alpha = 0,7$), открытых вопросов к родителям, позволяющих оценить соответствие уровня речевого развития ребенка возрастной норме ($\alpha = 0,6$); развитие начальных навыков счета, чтения и письма оценивалось при помощи разделов Числа, Книги ($\alpha = 0,6$). Для статистической обработки результатов на основе всех показателей когнитивного развития (интерактивные задания, общая осведомленность, речь, счет, чтение) вычислялся общий показатель когнитивного развития ребенка.

Оценка физического развития детей (проблемы физического здоровья и перенесенные заболевания, кормление ребенка, здоровье зубов²) осуществлялась с помощью следующих методик:

- «Здоровье Вашего ребенка» состоит из трех разделов (оценка частоты инфекционных заболеваний ребенка за последние три месяца; оценка перенесенных заболеваний, состояний или травм; выявление частоты приема антибактериальных препаратов), вычислен общий балл проблем со здоровьем ($\alpha = 0,6$).
- «Особенности питания ребенка» включает вопросы для оценки, как часто еда ребенка отличается от еды остальных членов семьи, какие существуют у детей трудности с приемом пищи ($\alpha = 0,6$), как часто употребляются ребенком основные продукты питания; как оценивают родители индекс массы тела ребенка; эмоциональный компонент приема пищи ребенком ($\alpha = 0,6$).
- «Зубы Вашего ребенка» представляет оценку рисков для здоровья зубов, для этого вычислялся общий показатель риска для здоровья зубов ($\alpha = 0,6$).

Результаты

Большинство детей группы ВРТ не имели выраженных проблем поведения и демонстрировали высокую выраженность просоциального поведения. Тем не менее 25,7 % детей редко проявляли просоциальное поведение; 24 % демонстрировали высокую выраженность гиперактивности; 19,9 % детей – выраженные проявления физической агрессии; 18,4 % были невнимательными; 23,9 % детей имели проблемы с поведением в социуме. Указанные характеристики были свойственны детям обеих эмпирических групп, различия не значимы: просоциальное поведение ($U = 4582,5$; $p = 0,57$); гиперактивность ($U = 4456$; $p = 0,26$); физическая агрессия ($U = 4374$; $p = 0,19$); невнимательность ($U = 4413$; $p = 0,22$); проблемы поведения ($U = 4390$; $p = 0,27$); общий показатель ($U = 4330$; $p = 0,10$).

По показателям эмоционального развития ни один ребенок из детей основной эмпирической группы не показал, по мнению родителей, максимально возможный балл по шкале психоэмоциональных проблем (14 баллов) при наличии в выборке детей с максимально возможными показателями по шкале застенчивости (6 баллов). При этом 75 % детей набрали менее половины возможных баллов по каждой из шкал, что свидетельствует о низкой выраженности у данных детей эмоциональных симптомов и об их психоэмоциональном благополучии, по мнению их родителей. 16 % детей вошло в группу риска по высокой степени выраженности тревожности, страхов и плаксивости, по выраженной застенчивости и замкнутости. Данные особенности эмоционального развития наблюдались у детей обеих групп, значимые различия в эмоциональном благополучии ($U = 4558$; $p = 0,49$), застенчивости ($U = 4787$; $p = 0,90$), в общем балле ($U = 3933,00$; $p = 0,54$) отсутствовали.

Выявление особенностей формирования в структуре личности полоролевой идентичности на основе изучения особенностей поведения детей, специфичных для формирующейся маскулинной или феминной полоролевой идентичности, с помощью описательной статистики показало следующие результаты с учетом биологического пола детей. У большинства мальчиков и девочек группы ВРТ полоролевая идентичность формировалась согласно возрастной норме, и средние значения соответствовали нормативным показателям. Тем не менее была выявлена немногочисленная группа детей (10,3 % мальчиков и 5,8 % девочек) с нарушением формирования полоролевой идентичности, что проявлялось в предпочтении игр и интересов, свойственных противоположному полу. Сравнительный анализ не выявил значимых различий в формировании полоролевой

² Quebec Longitudinal Study of Child Development (QLSCD). URL: <https://www.maelstrom-research.org/study/qlscd> (accessed 8 Jan 2023).

идентичности у детей группы ВРТ и детей контрольной группы как для мальчиков ($U = 1271,50$; $p = 0,48$), так и для девочек ($U = 712$; $p = 0,08$).

Показатели социального развития свидетельствуют, что общая выраженность нарушений социального развития находилась у большинства детей группы ВРТ на низком уровне (менее 10 баллов при максимально возможном показателе 28). Ни один из детей не набрал выше 17 баллов, что свидетельствует о благополучии социального развития детей, отсутствии у них выраженной симптоматики аутизма. При этом у 18,6 % детей отмечается медленное развитие речи (43 %), дефекты произношения (36 %), а также такие поведенческие особенности, как внимание к мелким деталям (100 %), отрицательная реакция на смену режима (57 %), что может являться характерологическими особенностями детей, не связанными с вероятным расстройством. В частности, внимание к мелким деталям, которые не замечают взрослые, является особенностью возрастного развития ребенка, проявлением интереса к окружающему миру, что обнаружено у 97 % детей основной эмпирической группы. Межгрупповые различия по данному показателю были значимыми: дети группы ВРТ имели значимо более выраженные симптомы нарушений социального развития по сравнению с естественно зачатыми детьми ($U = 3757$; $p = 0,01$; $r = 0,19$), низкий размер эффекта данных различий свидетельствует об их низкой выраженности.

Большая часть детей группы ВРТ продемонстрировала достаточный уровень когнитивного развития (способности к обобщению, зачатки логики, пассивный словарный запас, зрительно-моторная координация). Медиана по показателю пассивного словарного запаса (методика «Смотрим на картинки») соответствовала максимально возможному показателю по шкале, что свидетельствует о наличии у детей достаточного словарного запаса, соответствующего возрастной норме. Наиболее успешно дети справились с заданиями на диагностику развития способностей к обобщению (уровень выше среднего имели 70,8 % детей) и пассивного словарного запаса (72,4 % детей имели уровень выше среднего). Также 51,6 % детей имели зрительно-моторную координацию на уровне выше среднего; 26,3 % детей – на низком уровне. При этом ни один из детей не набрал максимально возможный балл по заданиям «Нарисуй», направленным на выявление уровня зрительно-моторной координации. Наибольшие трудности у детей вызвали задания, направленные на диагностику зачатков логического мышления: только 34,1 % детей имели уровень выше среднего; 22,7 % – низкий уровень; 43,2 % детей – средний уровень. Значимые межгрупповые различия были выявлены

только для способностей к обобщению: дети, зачатые посредством ВРТ, имели значимо более низкий балл при низкой выраженности данных различий ($U = 3913$; $p = 0,01$; $r = 0,18$). Уровень зрительно-моторной координации ($U = 4922$; $p = 0,69$), логического мышления ($U = 4660,50$; $p = 0,66$) и пассивного словарного запаса ($U = 4870$; $p = 0,67$), общий балл когнитивного развития ($U = 4653,50$; $p = 0,24$) значимо не различались.

Далее диагностировались показатели когнитивного развития детей: общая осведомленность, активная речь, возможности счета, чтения и письма, на основе этих показателей выводился общий показатель когнитивного развития. Дети группы ВРТ обладали высоким уровнем общей осведомленности, более 75 % детей дали не менее половины правильных ответов, из них 28 % детей имели высокий уровень общей осведомленности. 24 % детей имели запас общих знаний ниже среднего. Медиана и первый квартиль показателя развития речи согласно возрасту у детей группы ВРТ соответствовали максимально возможному показателю по шкале – высокому уровню сформированности речи. У 79,7 % детей к дошкольному возрасту речь была полностью сформирована: они говорили длинными и сложными предложениями, отвечали на вопросы родителей словами, а не действиями, произносили слова в соответствии с возрастом. Отдельные признаки отставания развития речи выявлены у 20,3 % детей: они говорили фразами из двух-трех слов или полными, но простыми и короткими предложениями, имели дефекты произношения.

Уровень активного словарного запаса находился у большинства детей группы ВРТ на достаточно высоком уровне, соответствующем возрасту. Среди 18,7 % детей с низким показателем большинство детей не могли назвать день и месяц своего рождения, испытывали трудности с употреблением временных конструкций. Уровень развития начальных навыков счета находился у детей группы ВРТ на среднем уровне. Большинство детей умели считать до 10 (87,8 %) и сравнивать простые числа (72,3 %). При этом 86,3 % детей еще не умели писать числа от 0 до 10 по порядку; 63,4 % детей не понимали простое сложение; 77,8 % детей – простое вычитание. Высоким уровнем развития числовых способностей обладали 37,8 % детей, низким – 36 %.

Навыки чтения и письма находились у большинства детей, зачатых посредством ВРТ, на среднем уровне. Низкий уровень развития данных навыков был выявлен у 26,7 % детей, высокий – у 16 %. 89,3% детей не знали наизусть весь алфавит. Большинство детей к возрасту 4-х лет нравились книги (91,7 %), они могли назвать букву (62,5 %) и звук буквы (68,1 %), пересказать сказку (81,1 %), различать похожие слова на слух (60,3 %). Межгрупповые различия в общей осведомленности ($U = 4627$; $p = 0,79$),

словарном запасе ($U = 4473,5$; $p = 0,72$), общем уровне развития речи ($U = 4280$; $p = 0,54$), счете ($U = 4039$; $p = 0,09$) и чтении ($U = 4655,0$; $p = 0,93$) были незначимы.

Представление о физическом развитии и состоянии здоровья детей было получено на основании показателей частоты инфекционных заболеваний, перенесенных заболеваний, состояний и травм, индекса проблем здоровья, трудностей приема пищи, эмоционального благополучия во время приема пищи, рисков для здоровья зубов. Были вычислены общий показатель частоты заболеваемости, общий показатель перенесенных заболеваний и индекс проблем со здоровьем как сумма баллов по всем вопросам раздела. По всем показателям у детей группы ВРТ медиана находилась в пределах низких значений (1–3 балла), что свидетельствует об общем благополучном состоянии здоровья. Высокий уровень частоты заболеваний был выявлен у 19 % детей, низкий – у 59,5 %. Высокий суммарный индекс проблем со здоровьем был выявлен у 17,7 % детей, низкий – у 43,2 %. Межгрупповые различия были незначимы: частота заболеваний ($U = 4563,5$; $p = 0,80$); перенесенные заболевания ($U = 3747$; $p = 0,60$); общий показатель ($U = 4415$; $p = 0,47$).

У большинства детей группы ВРТ рацион питания был разнообразным и включал все продукты, необходимые для роста и развития. Наиболее редко употребляемыми продуктами являлись рыба и морепродукты, бобовые, макароны и рис. Чаще всего дети употребляли фрукты, овощи, хлеб, сухие завтраки и каши, молоко и выпечку. У половины детей рацион питания не отличался от рациона других членов семьи. Употребляли в пищу блюда, приготовленные для них отдельно, иногда 39 % детей, почти всегда – 11 %. Значимые различия были выявлены для частоты употребления фруктов: дети группы ВРТ употребляли фрукты чаще по сравнению с естественно зачатými детьми ($U = 3800$; $p = 0,04$; $r = 0,15$), при этом выраженность различий находилась в пределах низких значений. Большинство детей (89 %) группы ВРТ, по оценке матерей, имели нормальный вес, 8 % детей – недостаток веса, 3 % – избыточный вес. Межгрупповые различия были незначимы ($\chi^2 = 0,04$; $p = 0,98$).

Изучение поведенческого и эмоционального компонентов питания ребенка позволило заметить, что у детей группы ВРТ медиана по показателю трудностей кормления находилась на уровне одной трети максимально возможного балла, что свидетельствует об общем низком уровне выраженности данного показателя. Высокий уровень трудностей кормления имели 15,6 % детей, низкий – 15,5 %. Наиболее часто встречающимися проблемами являлся отказ есть полезную пищу (75,8 %), перекусы между основными приемами

пищи (56,7 %), отказ от еды (50,4 %). Эмоциональное состояние во время приема пищи в большинстве семей было достаточно благополучным. Медиана по данному показателю находилась в пределах высоких значений (14 из 18 баллов). Высокий уровень благополучия был выявлен у 36,9 % семей, низкий – у 20,5 %. Межгрупповые различия были незначимы: трудности приема пищи ($U = 4444,50$; $p = 0,33$); эмоциональное благополучие ($U = 4257$; $p = 0,20$).

Низкую выраженность риска для здоровья зубов имели 22,8 % детей группы ВРТ, высокую – 15 %. Большинство детей группы ВРТ никогда не употребляли сухофрукты; употребляли мороженое, сладкие напитки, печенье и сладости 1–3 раза в неделю. Межгрупповые различия в общем показателе риска для здоровья зубов были незначимы ($U = 4639$; $p = 0,88$). Приблизительно одинаковое число детей группы ВРТ чистили зубы самостоятельно (27 %), с помощью взрослого (22 %), или же зубы ребенку чистил взрослый (23 %). Большая часть детей группы ВРТ впервые посетили стоматолога для осмотра зубов; 10,8 % – из-за кариеса; 2,7 % – из-за травмы зубов; 1,4 % – из-за проблем с деснами и нарушением роста зубов (стоматит, молочная адентия). 8,1 % детей не посещали стоматолога к дошкольному возрасту.

С помощью корреляционного анализа были выявлены значимые взаимосвязи между показателями различных составляющих психического развития, а также между показателями психического и физического развития детей. Обнаружено, что общая осведомленность положительно взаимосвязана с когнитивным развитием ($r = 0,28$; $p = 0,02$), общим уровнем развития речи ($r = 0,42$; $p = 0,00$), счетом ($r = 0,31$; $p = 0,01$), чтением ($r = 0,44$; $p = 0,00$) и особенностями поведения – просоциальным поведением ($r = 0,29$; $p = 0,01$). Общий уровень развития речи положительно взаимосвязан с чтением ($r = 0,43$; $p = 0,00$) и отрицательно – с невнимательностью ($r = -0,30$; $p = 0,01$). Показатель счета обратно взаимосвязан с гиперактивностью ($r = -0,27$; $p = 0,02$) и невнимательностью ($r = -0,23$; $p = 0,05$). Просоциальное поведение имело прямую значимую связь наряду с общей осведомленностью и с показателями чтения ($r = 0,28$; $p = 0,01$) и обратные связи – с проблемами социального развития ($r = -0,27$; $p = 0,02$) и невнимательностью ($r = -0,33$; $p = 0,00$). Физическая агрессия обнаружила положительную корреляционную связь с гиперактивностью ($r = 0,37$; $p = 0,00$). Проблемы поведения положительно взаимосвязаны с гиперактивностью ($r = 0,42$; $p = 0,00$), невнимательностью ($r = 0,46$; $p = 0,00$), физической агрессией ($r = 0,63$; $p = 0,00$) и отрицательно – с просоциальным поведением ($r = -0,27$; $p = 0,00$). Психоэмоциональные проблемы имеют положительные взаимосвязи с показателями невнимательности ($r = 0,29$; $p = 0,01$) и проблем

поведения ($r = 0,23$; $p = 0,04$). Застенчивость отрицательно связана с просоциальным поведением ($r = -0,24$; $p = 0,04$) и положительно – с психоэмоциональными проблемами ($r = 0,43$; $p = 0,00$). Полоролевая идентичность обнаружила положительные связи с гиперактивностью ($r = 0,27$; $p = 0,01$) и физической агрессией ($r = 0,28$; $p = 0,02$). Проблемы социального развития показывают обратную взаимосвязь с чтением ($r = -0,27$; $p = 0,02$). Общий показатель проблем со здоровьем отрицательно связан с застенчивостью ($r = -0,24$; $p = 0,05$) и положительно – с полоролевой идентичностью ($r = 0,36$; $p = 0,00$). Трудности приема пищи ребенком отрицательно коррелировали с его просоциальным поведением ($r = -0,27$; $p = 0,02$), положительно – с невнимательностью ($r = 0,35$; $p = 0,00$) и проблемами поведения ($r = 0,26$; $p = 0,03$).

Обсуждение

Обобщая результаты проведенного исследования и исходя из предложенной гипотезы, следует сделать акцент на том, что при всестороннем изучении психического и физического развития детей дошкольного возраста, родившихся от разного типа зачатия, выявлены различия только по трем показателям. Одной из отличительных особенностей детей группы ВРТ от контрольной являлся показатель нарушений социального развития. Дети группы ВРТ имели значимо более выраженные симптомы нарушений социального развития, проявляющиеся в более медленном развитии речи, дефектах произношения, внимании к мелким деталям, которые не замечают взрослые, отрицательной реакции на смену режима. Несмотря на низкий размер эффекта, свидетельствующий о низкой выраженности различий, выявленный факт требует исследовательского внимания, уточнения и более углубленного изучения в связи с риском расстройств аутистического спектра у детей ВРТ [Zachor, Ben Itzhak 2011: 2954]. В связи с этим выявление ранних симптомов нарушений становится важной задачей в психолого-медико-педагогической помощи ребенку и семье. Относительно особенностей когнитивного развития установлено, что в основной эмпирической группе параметр *способность к обобщению* был выражен значимо ниже, чем в контрольной группе, что может быть объяснено особенностями темпа развития и воспитательных условий [Головей и др. 2016: 28], что также требует дальнейшего исследования.

Отсутствие различий в остальных показателях психического развития детей и анализ данных позволяют заключить, что большинство детей обеих исследуемых групп не проявляли в своем поведении признаков гиперактивности, невнимательности, агрессивного поведения, а наоборот, характеризовались как способные к проявлению сочувствия, совместным играм, к дружбе,

взаимовыручке, конструктивному решению конфликтов, характеризовались достаточным уровнем развития когнитивных способностей. У большинства детей полоролевая идентичность формировалась согласно возрастной норме. Однако сравнение полученных результатов исследования с общемировыми затруднено в связи с отсутствием подобных в научной литературе. В каждой исследуемой выборке были выявлены дети группы риска, требующие дальнейшего наблюдения в возрастной динамике. Единственным показателем межгруппового различия физического развития детей являлся рацион питания: дети группы ВРТ употребляли фрукты чаще по сравнению с естественно зачатыми детьми.

Результаты лонгитюдного исследования, полученные на предыдущих срезах, позволяют заметить, что с возрастом детей межгрупповых различий становится меньше. Ранее нами было выявлено, что новорожденные группы ЭКО характеризовались значимо меньшим весом и длиной тела при рождении и значимо меньшим сроком гестации. В младенчестве у них отмечались более низкий рост, более низкий уровень моторного развития, при этом они более предсказуемы в своем поведении и реагировании; меньшая частота травм, что может указывать на более высокий уровень заботы или гиперопекающую родительскую стратегию, что согласуется с литературными данными [Rumbold et al. 2017: 1493]. В раннем детстве (29 месяцев) дети группы ЭКО уже имели в среднем более высокий рост, меньше болели инфекционными заболеваниями; в психическом развитии выявлена большая выраженность способности к конструкторской деятельности, их поведение характеризуется менее выраженными проблемами трудного детского темперамента, в то же время отмечается более медленное развитие речи и более низкий уровень моторного развития по сравнению с контрольной группой [Бохан и др. 2022: 412]. Выявленные значимые корреляции предполагают связи между собой интеллектуального, эмоционального и поведенческого аспектов психического развития, а также их связь с физическим развитием детей. При этом отмечаются общие и различные тенденции в этих взаимосвязях в эмпирических группах, что может указывать на источники и причины трудностей в развитии детей, необходимость дифференцировать задачи, направления и целевые мишени психологической коррекции. Можно заметить, что просоциальное поведение, которое характеризует ребенка как доброго, отзывчивого, эмпатийного, способного и желающего помогать другим, прямо связано с интеллектуальным, эмоциональным, социальным развитием, снижением выраженности поведенческих проблем и с отсутствием трудностей кормления детей группы ВРТ.

Заключение

Результаты исследования показателей психического развития и состояния здоровья детей в возрасте 4-х лет, рожденных с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, в сравнении с показателями развития детей от естественного зачатия доказывают при благоприятном развитии большинства детей существование определенных особенностей и общих тенденций в фактах и закономерностях взаимосвязей психического и физического развития на этапе раннего дошкольного возраста. Приведенные в обсуждении факты указывают на необходимость дальнейшего наблюдения развития детей на последующих возрастных этапах с учетом системы биопсихосоциальных факторов с целью разработки программ ранней дифференцированной психологической диагностики, профилактики и развития.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бохан Т. Г., Силаева А. В., Терехина О. В., Шабаловская М. В., Лещинская С. Б., Гайфулина Ж. Ф. Влияние здоровья матери на психическое развитие и здоровье детей, рожденных с помощью экстракорпорального оплодотворения, в лонгитуде. *Психиатрия, психотерапия и клиническая психология*. 2022. Т. 13. № 4. С. 407–420. [Bokhan T. G., Silaeva A. V., Terekhina O. V., Shabalovskaya M. V., Leshchinskaia S. B., Gaifulina Ja. F. Influence of maternal health on mental development and health of children born through in vitro fertilization, in longitudinal study. *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*, 2022, 13(4): 407–420. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34883/PI.2022.13.4.010>
- Головей Л. А., Савенышева С. С., Энгельгардт Е. Е. Структура семьи и родительское воспитание как факторы интеллектуального развития дошкольников. *Социальная психология и общество*. 2016. Т. 7. № 3. С. 18–32. [Golovey L. A., Savenysheva S. S., Engelgardt E. E. Family structure and upbringing as factors of intellectual development of preschool children. *Social Psychology and Society*, 2016, 7(3): 18–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/sps.2016070302>
- Кешишян Е. С., Царегородцев А. Д., Зиборова М. И. Состояние здоровья и развитие детей, рожденных после экстракорпорального оплодотворения. *Российский вестник перинатологии и педиатрии*. 2014. Т. 59. № 5. С. 15–25. [Keshishian E. S., Tsaregorodtsev A. D., Ziborova M. I. The health status of children born after in vitro fertilization. *Rossiyskiy Vestnik Perinatologii i Pediatrii*, 2014, 59(5): 15–25. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/swmgzsb>
- Силаева А. В. Здоровье матери как фактор психического развития и здоровья детей, рожденных посредством экстракорпорального оплодотворения: дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2021. 205 с. [Silaeva A. V. *Mother's health as a factor in the mental development and health of children conceived by assisted reproductive technologies*. Cand. Psych. Sci. Diss. Tomsk, 2021, 205. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wqipsn>
- Соловьёва Е. В. Дети, зачатые посредством ЭКО: особенности психического развития. *Психологическая наука и образование www.psyedu.ru*. 2014. Т. 6. № 1. С. 261–272. [Solovyeva E. V. Children conceived by IVF: specifics of mental development. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie www.psyedu.ru*, 2014, 6(1): 261–272. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/psyedu.2014060129>
- Al-Hathlol K., Al-Obaid O. M., Al-Gholaiqa T. S., Al-Hathlol B., Abdulaal A. E., Al-Hajress R. I., Al-Joufi F. A., Al-Hassan N. F., Al-Otaibi A. G. School performance and long-term outcomes of very preterm children conceived via in vitro fertilization. *JBRA Assisted Reproduction*, 2020, 24(1): 61–65. <https://doi.org/10.5935/1518-0557.20190063>

Критерии авторства: Т. Г. Бохан – концептуализация, формулирование целей, задач и методологии, критический пересмотр статьи в части значимого интеллектуального содержания. А. В. Силаева – интерпретация результатов, написание Введения, Обсуждения, Заключения. С. Б. Лещинская – математико-статистическая обработка результатов, написание Результаты. О. В. Терехина – написание Методов и материалов.

Contribution: T. G. Bokhan developed the research idea, goals, objectives, and methodology, as well as provided a critical revision of the manuscript in terms of significant intellectual content. A. V. Silaeva was responsible for the interpretation the empirical results and wrote the Introduction, Discussion, and Conclusion. S. B. Leshchinskaia was responsible for the mathematical and statistical processing of the results and wrote the Results. O. V. Terekhina wrote the Methods and Materials.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Financing: This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030).

- Barbuscia A., Myrskylä M., Goisis A. The psychosocial health of children born after medically assisted reproduction: Evidence from the UK Millennium Cohort Study. *SSM – Population Health*, 2019, 7. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2019.100355>
- Berntsen S., Söderström-Anttila V., Wennerholm U. B., Laivuori H., Loft A., Oldereid N. B., Romundstad L. B., Bergh C., Pinborg A. The health of children conceived by ART: 'the chicken or the egg?'. *Human Reproduction Update*, 2019, 25(2): 137–158. <https://doi.org/10.1093/humupd/dmz001>
- Carson C., Kurinczuk J. J., Sacker A., Kelly Y., Klemetti R., Redshaw M., Quigley M. A. Cognitive development following ART: effect of choice of comparison group, confounding and mediating factors. *Human Reproduction*, 2010, 25(1): 244–252. <https://doi.org/10.1093/humrep/dep344>
- Côté S. M., Larose M.-P., Geoffroy M. C., Laurin J., Vitaro F., Tremblay R. E., Ouellet-Morin I. Testing the impact of a social skill training versus waiting list control group for the reduction of disruptive behaviors and stress among preschool children in child care: the study protocol for a cluster randomized trial. *BMC psychology*, 2017, 5(1). <https://doi.org/10.1186/s40359-017-0197-9>
- Djuwantono T., Aviani J. K., Permadi W., Achmad T. H., Halim D. Risk of neurodevelopmental disorders in children born from different ART treatments: a systematic review and meta-analysis. *Journal of Neurodevelopmental Disorders*, 2020, 12. <https://doi.org/10.1186/s11689-020-09347-w>
- Fauser B. C., Devroey P., Diedrich K., Balaban B., Bonduelle M., Delemarre-van de Waal H. A., Estella C., Ezcurra D., Geraedts J. P. M., Howles C. M., Lerner-Geva L., Serna J., Wells D. Health outcomes of children born after IVF/ICSI: a review of current expert opinion and literature. *Reproductive BioMedicine Online*, 2014, 28(2): 162–182. <https://doi.org/10.1016/j.rbmo.2013.10.013>
- Golombok S., Rust G. The Pre-School Activities Inventory: A standardized assessment of gender role in children. *Psychological Assessment*, 1993, 5(2): 131–136.
- Goodman R. The Strengths and Difficulties Questionnaire: a research note. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 1997, 38(5): 581–586. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.1997.tb01545.x>
- Hart R., Norman R. J. The longer-term health outcomes for children born as a result of IVF treatment: Part I – General health outcomes. *Human Reproduction Update*, 2013a, 19(3): 232–243. <https://doi.org/10.1093/humupd/dms062>
- Hart R., Norman R. J. The longer-term health outcomes for children born as a result of IVF treatment: Part II – Mental health and development outcomes. *Human Reproduction Update*, 2013b, 19(3): 244–250. <https://doi.org/10.1093/humupd/dmt002>
- Heijligers M., Verheijden L. M. M., Jonkman L. M., van der Sangen M., Meijer-Hoogeveen M., Arens Y., van der Hoeven M. A., de Die-Smulders C. E. M. The cognitive and socio-emotional development of 5-year-old children born after PGD. *Human Reproduction*, 2018, 33(11): 2150–2157. <https://doi.org/10.1093/humrep/dey302>
- Hvidtjørn D., Grove J., Schendel D., Schieve L. A., Sværke C., Ernst E., Thorsen P. Risk of autism spectrum disorders in children born after assisted conception: a population-based follow-up study. *Journal of Epidemiology and Community Health*, 2011, 65(6): 497–502. <https://doi.org/10.1136/jech.2009.093823>
- Meijerink A. M., Ramos L., Janssen A. J. W. M., Maas-van Schaaijk N. M., Meissner A., Repping S., Mochtar M. H., Braat D. D. M., Fleischer K. Behavioral, cognitive, and motor performance and physical development of five-year-old children who were born after intracytoplasmic sperm injection with the use of testicular sperm. *Fertility and sterility*, 2016, 106(7): 1673–1682. <https://doi.org/10.1016/j.fertnstert.2016.09.011>
- Oliver B. R., Dale P., Saudino K., Petrill S., Pike A., Plomin R. The validity of a parent-based assessment of cognitive abilities in three-year olds. *Early Child Development and Care*, 2002, 172(4): 337–348. <https://doi.org/10.1080/03004430212713>
- Petrill S. A., Pike A., Price T., Plomin R. Chaos in the home and socioeconomic status are associated with cognitive development in early childhood: Environmental mediators identified in a genetic design. *Intelligence*, 2004, 32(5): 445–460. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2004.06.010>
- Rumbold A. R., Moore V. M., Whitrow M. J., Oswald T. K., Moran L. J., Fernandez R. C., Barnhart K. T., Davies M. J. The impact of specific fertility treatments on cognitive development in childhood and adolescence: A systematic review. *Human Reproduction*, 2017, 32(7): 1489–1507. <https://doi.org/10.1093/humrep/dex085>
- Xing L.-F., Qu F., Qian Y.-L., Zhang F.-H., Zhu Y.-M., Xu X.-F. The social adaptation of children born after ICSI compared with IVF conceived children: A study from China. *Journal of Obstetrics and Gynaecology*, 2011, 31(8): 751–753. <https://doi.org/10.3109/01443615.2011.606937>
- Zachor D. A., Ben Itzhak E. Assisted reproductive technology and risk for autism spectrum disorder. *Research in Developmental Disabilities*, 2011, 32(6): 2950–2956. <https://doi.org/10.1016/j.ridd.2011.05.007>

оригинальная статья

Особенности проявления комплексного посттравматического стресса у людей с разными типами привязанности к матери

Капустина Татьяна Викторовна
Тихоокеанский государственный медицинский
университет, Россия, Владивосток
<https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>
Scopus Author ID: 57188637910
12_archetypesplus@mail.ru

Родникова Екатерина Алексеевна
Тихоокеанский государственный медицинский
университет, Россия, Владивосток
<https://orcid.org/0000-0003-3630-6231>

Поступила в редакцию 13.02.2023. Принята после рецензирования 12.04.2023. Принята в печать 17.04.2023.

Аннотация: Любые виды проявления насилия приводят к нарушению психического развития, психического здоровья личности и общества в целом. У людей, переживших в детстве психическую травму, может развиваться спектр различных симптомов, которые могут проявляться в виде комплексного посттравматического стресса (КПТС). Это формирует актуальность исследования КПТС в контексте привязанности. В статье приведены результаты эмпирического исследования проявления КПТС у людей с разными типами привязанности к матери. Теоретический объект – КПТС и его критерии (симптомы), которые диагностировались посредством ряда методик. Подход к их оценке представляет научную новизну исследования. Выборка исследования: 82 человека 32–60 лет, была разделена на две группы – основную (30 человек с КПТС) и группу сравнения (52 человека без его проявлений). Выявлено, что для людей с КПТС характерны амбивалентный и дезорганизованный типы привязанности. Получены психологические портреты для людей с разными типами привязанности, которые позволили сделать вывод, что описание амбивалентного и дезорганизованного типа напоминает описание человека с КПТС. Однако результаты статистики с использованием точного критерия Фишера показали значимые различия в преобладании дезорганизованного типа у людей с КПТС и не показали такового с амбивалентным. Можно предположить, что негативный детский опыт людей с амбивалентной привязанностью не является для них достаточно травматичным, чтобы привести к последствиям в виде КПТС. Выявленный преобладающий дезорганизованный тип привязанности с описанными личностными особенностями в эмоциональной сфере и сфере межличностного взаимодействия формирует мишеневые точки для оказания психологической помощи людям с КПТС.

Ключевые слова: комплексный посттравматический стресс, привязанность к матери, типы привязанности, ранний детский опыт, диагностика привязанности, диагностика КПТС

Цитирование: Капустина Т. В., Родникова Е. А. Особенности проявления комплексного посттравматического стресса у людей с разными типами привязанности к матери. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 5. С. 615–624. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-615-624>

full article

Complex Post-Traumatic Stress in People with Different Types of Child-Mother Attachment

Tatyana V. Kapustina
Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok
<https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>
Scopus Author ID: 57188637910
12_archetypesplus@mail.ru

Ekaterina A. Rodnikova
Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok
<https://orcid.org/0000-0003-3630-6231>

Received 13 Feb 2023. Accepted after peer review 12 Apr 2023. Accepted for publication 17 Apr 2023.

Abstract: Violence affects mental development and health. Childhood traumas trigger a range of different symptoms, which may manifest as a complex post-traumatic stress disorder (CPTSD). This empirical study focused on the correlation between CPTSD and the type of child-mother attachment. The experiment involved 82 people aged 32–60 y.o., 30 of which

were diagnosed with CPTSD while 52 people served as control. Psychological profiling showed that the CPTSD group demonstrated ambivalent and disorganized types of child-mother attachment. However, the Fisher's ratio test revealed no significant differences for the ambivalent type. Probably, in this case, the negative childhood experience was not traumatic enough to lead to CPTSD. The predominant disorganized type of child-mother attachment formed target points for providing psychological assistance to people with CPTS.

Keywords: complex post-traumatic stress disorder (CPTSD), mother-child attachment, types of attachment, early childhood experience, diagnosis of attachment, diagnosing complex post-traumatic stress

Citation: Kapustina T. V., Rodnikova E. A. Complex Post-Traumatic Stress in People with Different Types of Child-Mother Attachment. *SibScript*, 2023, 25(5): 615–624. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-615-624>

Введение

Реалии современного мира подчеркивают актуальность изучения травматизации личности и ее последствий. Любые виды проявления насилия приводят к нарушению психического развития, психического здоровья личности и общества в целом [Кадыров и др. 2016; Падун 2016; Cloitre 2020; Spinazzola et al. 2018]. Детский возраст является наиболее уязвимым перед жестоким и пренебрежительным обращением со стороны взрослых, жизнь детей напрямую зависит от них, поэтому они не могут им противостоять [Боулби 2004; Исакова 2020]. Травма развития может сформироваться не только в результате физического, сексуального или психологического насилия, но и при пренебрежительном отношении, как физического, так и эмоционального характера. В большинстве случаев тем человеком, который с самого рождения опекает ребенка и заботится о нем, является мать. Как показывают отечественные и зарубежные исследования в области привязанности, именно ранний опыт взаимодействий и взаимоотношений с матерью является ключевым в построении дальнейших отношений с другими людьми, т. е. они и определяют особенности межличностного взаимодействия взрослого человека, умение или неумение противостоять внешней среде, особенности в эмоциональной сфере [Волкова и др. 2017; Исакова 2020; Суворова и др. 2016; Cooke et al. 2019; Punamäki et al. 2019]. Эти взаимоотношения также могут быть предиктором травматизации личности.

У тех людей, которые пережили в детстве психическую травму, может развиваться спектр различных симптомов, которые могут проявляться в виде комплексного посттравматического стресса (КПТС) [Ушаков, Кадыров 2021; Cloitre 2020; Karatzias et al. 2018; Van Dijke et al. 2015]. В современной психологии понятие КПТС является не в полной мере сформированным, описать это понятие становится возможным через призму посттравматического стресса (ПТС), посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и комплексного посттравматического стрессового расстройства (КПТСР) [Ушаков, Кадыров 2021]. КПТС является более

мягкой формой КПТСР и не считается расстройством в силу того, что имеет непсихотический характер. КПТСР же определяется как клинический синдром, который появляется в результате множественных травмирующих событий, возникающих как в раннем возрасте в контексте близких межличностных отношений, носящих повторяющийся и продолжительный характер, так и во взрослом [Екимова, Лучникова 2020]. Исследования последних лет доказывают связь КПТСР не только с детской травмой, но и с влиянием различных форм психической травмы во взрослом возрасте, преимущественно межличностного характера [Екимова, Лучникова 2020; Brewin et al. 2017; Howard et al. 2021; Hyland et al. 2017; Van Dijke et al. 2015].

Но, как уже было отмечено выше, особенности межличностной и эмоциональной сферы могут определяться особенностью межличностных отношений с объектом привязанности в детстве. Поэтому в нашей работе КПТС будет пониматься как психологическое состояние, возникшее после такого травматического события, произошедшего в детском возрасте, которое оказало мощное воздействие на психику личности, и обусловленное комплексом симптомов со сниженным уровнем проявления, состоящих из основных элементов ПТСР (повторное переживание травматического события, избегание воспоминаний, ощущение угрозы) и трех дополнительных элементов: эмоциональная дисрегуляция, нарушение самовосприятия, трудности в общении с людьми. В таблице 1 представлено дифференцирование понятий КПТСР и КПТС.

Поскольку в основе КПТС лежат события, произошедшие в детском возрасте, то целью данной статьи является описание КПТС в контексте типов привязанности к матери.

Методы и материалы

В исследовании приняли участие 82 человека в возрасте от 32 до 60 лет, средний возраст – 39,7 лет, они были разделены на две группы. В основную группу вошли 30 человек, имеющих признаки КПТС: травматический

Табл. 1. Комплексное посттравматическое стрессовое расстройство и комплексный посттравматический стресс: дифференцировка понятий

Tab. 1. Complex post-traumatic stress vs. complex post-traumatic disorder

	КПТСР	КПТС
Различия	Высокая интенсивность проявления описанных симптомов	Сниженный, непсихотический характер проявления описанных симптомов
Сходства	<ul style="list-style-type: none"> возникает после травматического события, произошедшего в детском возрасте включает 3 основных элемента ПТСР: повторное переживание травматического события в настоящем, избегание травматических воспоминаний, ощущение реальной угрозы включает 3 дополнительных элемента: эмоциональная дисрегуляция, негативная самооценка, трудности с межличностным взаимодействием 	

опыт, полученный в детском возрасте; признаки ПТС: повторное переживание травматического события, избегание воспоминаний, ощущение текущей угрозы; трудности в межличностных отношениях; негативная Я-концепция; трудности в эмоциональной регуляции.

Группу сравнения составили 52 человека, у которых КПТС отсутствует.

Для определения КПТС были выбраны методики, представленные в таблице 2. Также в работе применялся опросник для диагностики типа привязанности (ДТП) Е. Е. Волковой, Т. В. Капустиной и Р. В. Кадырова [Родникова, Волкова 2021] и дополнительные методики, которые помогли определить отличия между выборками в индивидуально-личностных характеристиках и особенностях раннего опыта отношений в семье: Индивидуально-типологический опросник Л. Н. Собчик [Собчик 2008] и анкета «Ранний опыт отношений в семье» [Кадыров 2023: 465–473]. Статистическая обработка данных проводилась в программе Statistica 10.0. Среди методов обработки данных для оценки различий между двумя выборками (имеющих и не имеющих КПТС) использовался U-критерий Манна-Уитни. Точный критерий Фишера применялся для выявления того, какой из типов привязанности превалирует в каждой группе (с КПТС и без). Для оценки различий между типами привязанности по уровню какого-либо признака был использован непараметрический H-критерий Краскела-Уоллеса. Был выбран уровень значимости не более 0,05 ($p \leq 0,05$).

Результаты

Согласно приведенным в таблице 2 методикам, на первом этапе исследования выборка была разделена на две группы. Описывая основную выборку с КПТС более развернуто (30 человек), следует уточнить, что для них характерно наличие травматического опыта, полученного в детстве, что при отсутствии психологического вмешательства с большой вероятностью приведет к возникновению негативных последствий в виде постоянного ощущения угрозы, хотя ситуация произошла давно и в данный момент им ничего не угрожает, избегания негативных переживаний, воспоминаний, а также мест, которые напоминают о травмирующем событии, повторяющихся навязчивых воспоминаний о травмирующем событии, возможно, дистрессовых сновидений. В связи с чем у них имеются трудности в межличностном взаимодействии, недоверие к окружающим, сложности в установлении близких отношений из-за страха повторно столкнуться с тем, что было пережито в детстве. Самооценка становится неустойчивой, негативной, тем самым в критические моменты свои возможности оцениваются неадекватно, из-за чего, придя в привычное состояние, может появиться чувство вины в произошедшем. Эмоциональное состояние является неустойчивым. Оно меняется под воздействием мыслей о травмирующем событии и в процессе взаимодействия с людьми, под влиянием ошибочной интерпретации их поведения ввиду трудностей ментализации.

По результатам диагностики типа привязанности надежный тип был диагностирован у 17 респондентов, вошедших в группу сравнения (без КПТС), амбивалентный – у 41 респондента, 11 из которых вошли в основную группу (с КПТС), 30 – в группу сравнения. Избегающая привязанность оказалась присуща 3 респондентам, не имеющим КПТС. Дезорганизованная привязанность характерна для 21 респондента, 19 из которых имеют КПТС и входят в основную группу, а 2 человека не имеют и входят в группу сравнения. В рамках данной работы была проведена статистическая обработка с использованием критерия Фишера (табл. 3).

Для основной группы (с КПТС) преобладающей является дезорганизованная привязанность, для группы сравнения – надежная, избегающая и амбивалентная. Вероятно, это связано с тем, что дезорганизованная привязанность формируется в семьях, где ребенок систематически подвергается физическому, сексуальному или психологическому насилию со стороны родителей [Жихарева 2013; Исакова 2020; Cooke et al. 2019], что является травматичным для ребенка, а следовательно, высока вероятность появления симптомов КПТС. Что касается избегающей привязанности, несмотря на то что получились статистически значимые различия, утверждать

Табл. 2. Критерии и методики диагностики комплексного посттравматического стресса

Tab. 2. Diagnosing complex post-traumatic stress: criteria and methods

Компонент	Симптомы	Методики
Травматизация	Установление факта травматизации в межличностных отношениях	Пересмотренный опросник «Негативный детский опыт» (ACE) в адаптации А. Громовой [Катан 2020] (положительный ответ на вопросы 5, 8, 10)
		LEC-5 в адаптации Н. В. Тарабриной [Тарабрина и др. 2017] (обозначенное как <i>случалось со мной</i> или <i>был свидетелем</i> в вопросах 6, 7, 8); PCL-5 в адаптации Н. В. Тарабриной [Тарабрина и др. 2017] (травматическое событие, связанное с межличностным взаимодействием)
Компоненты ПТС	Повторное переживание события в настоящем	PCL-5 [Тарабрина и др. 2017] (кластер В)
	Избегание мыслей о событии	PCL-5 [Тарабрина и др. 2017] (кластер С)
	Ощущение текущей угрозы	PCL-5 [Тарабрина и др. 2017] (кластер Е)
Компоненты КПТС	Трудности в отношениях с людьми	Опросник «Определение социально-психологической дистанции» (СПД) С. В. Духновского [Духновский 2012] (пониженный показатель по шкалам Com-d, и / или Emo-d, и / или Act-d)
	Негативная Я-концепция	Шкала базисных убеждений М. А. Падун и А. В. Котельниковой [Падун, Котельникова 2008] (шкала <i>образ Я</i>)
		Методика СПД С. В. Духновского [Духновский 2012] (шкала Si имеет пониженный результат)
Трудности с эмоциональной регуляцией	Опросник эмоциональной дисрегуляции Н. А. Польской [Польская, Разваляева 2017] (одна или более шкал имеют высокий результат)	

Табл. 3. Частота встречаемости типов привязанности к матери в группах с комплексным посттравматическим стрессом и без него с использованием точного критерия Фишера

Tab. 3. Child-mother attachment types in groups with and without complex post-traumatic stress, Fisher's test

Вид травматического события	Частота встречаемости		Φ	p
	Основная группа (n = 30)	Группа сравнения (n = 52)		
Надежная привязанность	-	17	5,58	0,000
Амбивалентная привязанность	11	30	1,67	0,047
Избегающая привязанность	-	3	2,09	0,018
Дезорганизованная привязанность	19	2	6,38	0,000

об отсутствии взаимосвязи между данной привязанностью и КПТС нельзя в силу небольшого количества респондентов, имеющих избегающую привязанность. Для того чтобы наши умозаключения в контексте избегающего типа привязанности были более точными, необходимо расширить выборку, что и планируется сделать в дальнейшем.

Для того чтобы определить, имеются ли значимые различия в компонентах КПТС между респондентами с разными типами привязанности, была проведена

статистическая обработка с использованием критерия Краскела-Уолисса с целью определить, для какого типа привязанности в большей степени характерны компоненты КПТС. В таблице 4 представлены результаты сравнения надежного, амбивалентного и дезорганизованного типа привязанности по разным методикам, указаны результаты медианного теста. Избегающий тип не был включен в исследование ввиду малого количества респондентов, у которых был диагностирован данный тип привязанности.

Табл. 4. Значимые различия проявлений комплексного посттравматического стресса у людей с разными типами привязанности к матери, выявленные с помощью критерия Краскела-Уоллиса
 Tab. 4. Significant differences in complex post-traumatic stress in people with different types of mother-child attachment, Kruskal-Wallis test

Шкала	Значение Краскела-Уоллиса, H	p	Медиана
Шкала базисных убеждений М. А. Падуна			
Доброжелательность окружающего мира	16,76	0,0002	43 / 33 / 27
Справедлив	10,21	0,0061	24 / 22 / 19
Образ Я	28,65	0,0000	37 / 28 / 24
Удача	7,23	0,0269	38 / 31 / 33
Опросник Социально-психологической дистанции С. В. Духновского			
Cog-d	9,87	0,0072	51 / 45 / 42
Com-d	8,41	0,0149	50 / 46 / 44
Emo-d	10,20	0,0061	55 / 50 / 44
Опросник эмоциональной дисрегуляции Н. А. Польской			
Руминация	20,03	0,0000	12 / 13 / 17
Избегание	24,37	0,0000	10 / 12 / 17
Трудности ментализации	17,31	0,0002	18 / 21 / 25

Прим.: В колонке Медиана указаны значения для сравниваемых выборок: надежный (n = 17) / амбивалентный (n = 41) / дезорганизованный (n = 21).

По результатам методики «Шкала базисных убеждений» доброжелательность окружающего мира в большей мере преобладает у надежного типа привязанности. Это говорит о том, что респонденты с надежной привязанностью чувствуют себя в безопасности и доверяют окружающему миру [Боулби 2004; Суворова и др. 2016]. Базовое доверие к миру формируется в первые несколько лет жизни ребенка (от 1 до 3 лет), если нет «обрыва» в контексте с матерью и ребенок чувствует ее любовь [Боулби 2004; Исакова 2020]. Ребенок доверяет окружающему миру в лице взрослых. Как пишет О. В. Суворова и соавторы, и этим можно подытожить вышеописанное, что люди с надежным типом привязанности способны выстраивать прочные взаимоотношения благодаря позитивному детскому опыту взаимодействия со значимым взрослым (в частности, с матерью) [Суворова и др. 2016].

Справедливость также больше присуща надежному типу привязанности, однако стоит отметить, что ни у одного из типов медиана не является высокой. Так, у надежного и амбивалентного типа – средние значения по этой шкале, а для дезорганизованной привязанности характерен низкий уровень выраженности. Вероятно, респонденты, имеющие надежный тип привязанности, не в полной мере согласны с тем, что мир справедлив. Возможно, в их жизни происходили ситуации, которые доказывали им обратное, и это не обязательно могли быть ситуации, связанные с близкими отношениями. Говоря об амбивалентном типе, полученные результаты можно объяснить тем, что происходило с такими респондентами в детстве. Как писал Дж. Боулби, при амбивалентной привязанности мать то проявляла любовь к ребенку, то была к нему холодна, в свою очередь малыш не понимал причины такого поведения, винил себя [Боулби 2004; Волкова и др. 2017], вероятно, из-за этого появилось чувство несправедливости. Однако были периоды, когда мать все же проявляла любовь, и мир казался справедливым. Таким образом, убеждение о том, что каждый получает то, что заслуживает по принципу справедливости, не в полной мере у них сформировалось.

Респонденты с дезорганизованной привязанностью в детстве подвергались разного рода насилию со стороны близкого окружения по малейшему поводу или без него [Боулби 2004], это объясняет их убеждение в том, что мир несправедлив. Убеждение в том, что *Я хороший и достойный любви* (образ Я), в большей мере характерен для надежного типа. Это можно объяснить тем, что такие люди росли в любви и заботе, соответственно они верят в то, что и в окружающем мире будет такая же атмосфера. О. В. Суворова и соавторы подтверждают полученные умозаключения и пишут, что люди с надежным типом привязанности больше ценят и уважают себя, во многом считают себя удачливыми благодаря тому, что чувствовали свою ценность от объекта привязанности (матери) [Суворова и др. 2016].

Для амбивалентной и дезорганизованной привязанности баллы являются средними, соответственно, в какой-то мере они считают себя достойными любви, несмотря на то что не всегда получали ее в детстве. Вероятно, в их окружении были люди, которые полюбили их и помогли им поверить в то, что они ценны. Удача в большей степени характерна для надежного типа, однако и для остальных типов (амбивалентного и дезорганизованного) баллы являются высокими. Они верят в свою везучесть. Вероятно, это можно объяснить тем, что, несмотря на негативный детский опыт, во взрослой жизни нашлись люди, которые показали им «другую жизнь», заботу и любовь, поэтому они могут считать себя везучими людьми.

Исходя из результатов по методике «Социально-психологическая дистанция», когнитивная составляющая (Cog-d) больше присуща надежному типу привязанности. Такие люди открыты для общения и способны к взаимопониманию, т. к. в детстве мать чутко отзывалась на их просьбы и удовлетворяла все насущные потребности. Как писала Т. В. Исакова, опыт первичных отношений ребенка с матерью основывается на необходимости ощущать близость. И если в рамках первичных взаимоотношений ребенок получает это чувство защищенности и доверия, то становится способным переключать свое внимание на окружающий мир, общаясь с окружением на основании того, как общалась с ним мать [Исакова 2020]. Для амбивалентной и дезорганизованной привязанности характерны пониженные показатели взаимопонимания. Такие люди не готовы слышать и понимать других людей, т. к. в детстве мать не слышала и не понимала их. В отличие от надежного типа, при котором мать старалась удовлетворять все возникающие у ребенка потребности, при данных типах потребности ребенка игнорировались [Боулби 2004]. Между матерью и ребенком не было взаимопонимания, что и перенеслось на будущие взаимоотношения с окружением.

Коммуникативная составляющая (Com-d) более выражена у надежного типа привязанности и указывает на степень доверия к своему собеседнику. Лица с амбивалентной и дезорганизованной привязанностью не готовы открываться людям и доверять им, как уже было описано ранее, это связано с несформированностью в детстве доверия к миру в целом и к матери в частности.

Эмотивная составляющая (Emo-d), как и все описанные ранее, в большей мере преобладает у надежного типа и указывает на эмоциональную вовлеченность, способность любить и проявлять свои чувства. Такие люди в детстве были окружены любовью и заботой, исходя из чего, для них любить и заботиться о ком-то – абсолютно естественно. Они способны формировать тесную связь с человеком, ведь именно такая связь у них была сформирована с матерью. На этой основе, считает Л. В. Жихарева, у них формируется установка, что близкие отношения дают защищенность и поддержку, освобождая от тревоги и напряжения. Поэтому респондентам с надежной привязанностью свойственна способность к самораскрытию и свободному выражению чувств [Жихарева 2013].

Люди с амбивалентной привязанностью, исходя из средних результатов по методике, вероятно, хотя бы близости и способны поддерживать тесный контакт, но они боятся, что их бросят, поэтому привыкли держать дистанцию. Мать в детстве не всегда была рядом, проявляя

амбивалентность по отношению к ребенку. С одной стороны, она показала ему, что такое любовь и забота, с другой – показала, что это временно. Из-за чего и возникла дилемма и, вероятно, страх близости и боязнь проявить свои чувства.

Люди с дезорганизованной привязанностью не привыкли проявлять свои чувства, для них характерна холодность и эмоциональная отчужденность. К ним в детстве мать не проявляла признаков любви и заботы, а напротив, демонстрировала холодность. Такие люди боятся близости, поскольку у них никогда ее не было.

По результатам опросника эмоциональной дисрегуляции между типами привязанности имеются отличия. Руминация в большей степени характерна для дезорганизованного типа и указывает на то, что такие люди застревают на негативных переживаниях. Это можно объяснить их негативным детским опытом, заполненным негативно окрашенными переживаниями. Таких переживаний оказалось много, из-за чего, скорее бессознательно, происходит постоянное мысленное возвращение к данному опыту. То психологическое пренебрежение, эмоциональная холодность родителей, унижение, отсутствие одобрения, похвалы, игнорирование потребностей ребенка, все то, что характерно для детского опыта людей с дезорганизованной привязанностью, наносит глубокие психологические травмы, которые спустя долгие годы всплывают в виде руминаций [Сурова 2021]. Для амбивалентного и надежного типа руминация не характерна. Вероятно, в их детском опыте было не так много ситуаций, вызывающих негативные эмоции, возможно, положительных эмоций было больше, либо они смогли справиться с негативным опытом, прибегая к помощи специалиста, либо самостоятельно.

Избегание также характеризует лиц с дезорганизованной привязанностью. Это говорит о том, что они стараются избегать негативных эмоций, которые вызывают у них боль, однако, как мы видим, исходя из описанного выше, у них это не получается, и негативные эмоции бессознательно продолжают крутиться в голове. М. А. Падун подтверждает, что нарушение регуляции эмоций, в том числе и избегание негативных, связано с пережитой психической травмой, что характерно для дезорганизованного типа привязанности [Падун 2016]. Трудности ментализации в большей степени характеризуют дезорганизованный тип привязанности. Им сложно понимать свои и чужие эмоции, интерпретировать поведение других людей ввиду своего негативного опыта. В детстве самые близкие для них люди – родители – причиняли им боль, подвергали любого рода насилию. Вероятно, они стали видеть угрозу и в других людях и воспринимать их поведение как угрожающее.

Таким образом, было выявлено, что КПТС характерен для нарушенной (дезорганизованной) привязанности и не присущ ненадежным типам. Избегающая привязанность, как уже было описано ранее, не была включена в исследование ввиду небольшого количества респондентов, имеющих данный тип. По остальным же типам привязанности (надежному, амбивалентному и дезорганизованному) статистические значимые различия были получены.

Лица, имеющие надежный тип привязанности, открыты для общения, способны к взаимопониманию. Они доверяют своему окружению и партнеру, если отношения имеются, эмоционально вовлечены в данные взаимоотношения, способны любить и выражать свои чувства. При этом и себя считают достойными любви и уважения.

Люди с амбивалентным типом привязанности не могут в полной мере доверять своему окружению, слышать и понимать, им хочется близости и тепла, но они боятся, что их бросят или сделают больно, они видят в окружающих угрозу, поэтому привыкли держать дистанцию. Однако они считают себя достойными любви, несмотря на то что не всегда получали ее в детстве и сами не готовы открыться и начать с кем-либо отношения. Они верят, что в их жизни рано или поздно произойдет что-то хорошее, верят в свою удачу. Они стараются забыть ситуации, которые вызывали у них негативные эмоции, пытаются избегать данных воспоминаний, чтобы снова не почувствовать ту же боль.

Для лиц с дезорганизованным типом привязанности характерно отсутствие доверия к окружающим людям и миру в целом. Им сложно строить близкие отношения, открываться людям, они не умеют выражать свои чувства и считают себя недостойными любви. Они считают мир несправедливым и беспокоятся о том, что с ними произойдет что-то плохое, кто-то причинит им боль и вызовет негативные эмоции, в окружающих видят угрозу, склонны избегать негативных эмоций и воспоминаний.

Важно отметить, что описание амбивалентного и дезорганизованного типа напоминает описание человека с КПТС. Напомним, что основными компонентами КПТС являются негативная самооценка, трудности эмоциональной регуляции и сложности во взаимодействии с людьми. Это мы и видим в описании данных типов. Однако результаты статистики с использованием точного критерия Фишера показали взаимосвязь КПТС с дезорганизованным типом и не показали таковой с амбивалентным. Можно предположить, что негативный детский опыт людей с амбивалентной привязанностью не является для них достаточно травматичным, чтобы привести к последствиям в виде КПТС.

Возможно, они обращались за профессиональной помощью либо справились с проблемой самостоятельно.

На следующем этапе исследования был проведен статистический анализ с целью определения отличий в личностных характеристиках и особенностях раннего детского опыта между группой с КПТС и без него. Для этого были использованы дополнительные методики: Индивидуально-типологический опросник (ИТО) Л. Н. Собчик, анкета «Ранний опыт отношений в семье» и непараметрический U-критерий Манна-Уитни (табл. 5).

Табл. 5. Значимые различия между основной группой (n = 30) и группой сравнения (n = 52) по методике ИТО Л. Н. Собчик и анкете «Ранний опыт отношений в семье»
Tab. 5. Experimental group (n = 30) vs. control (n = 52): L. N. Sobchik's Individual-Typological Questionnaire and the Questionnaire of Early Family Relations

Шкалы	Значение суммы критерия Манна-Уитни, U	Значение верхних критических точек, Z	p
Индивидуально-типологический опросник Л. Н. Собчик			
Экстраверсия	606,5	-1,689	0,048
Агрессивность	606,0	1,709	0,047
Тревожность	439,5	3,315	0,000
Зависимость	599,5	1,750	0,041
Конформность	464,0	3,059	0,001
Компромисность	622,0	2,512	0,006
Анкета «Ранний опыт отношений в семье»			
Отторжение	165,0	5,929	0,000
Отсутствие ласки	443,5	3,261	0,000
Отсутствие эмоциональной доступности	531,0	2,417	0,008
Негативное подкрепление	361,5	4,061	0,000
Отсутствие поддержки	371,0	3,975	0,000
Насилие	255,0	5,075	0,000
Недостаток внимания	264,0	4,987	0,000

Люди, имеющие КПТС, необщительны, тревожны, агрессивны, но конфликта избегают, они готовы идти на компромисс и склонны следовать имеющимся правилам в обществе. Вероятно, это можно объяснить тем, что ранний опыт взаимодействия матери и ребенка является матрицей всех последующих взаимоотношений человека, а в данном случае взаимоотношения были нарушены, доверие к миру не сформировалось, из-за чего такие люди в поиске близких отношений ожидают, что их обидят и отвергнут, поэтому им проще закрыться от всех. Как уже отмечалось ранее, такие люди в детстве систематически подвергались насилию, их интересами пренебрегали, внимание от родителей они получали только в форме агрессивных действий, они не имели опыта надежной привязанности, поэтому и предпочитают строить свои взаимоотношения на основе агрессии, таким способом они выражают свое желание близости, ведь именно так и делала мать по отношению к ним. Необщительность, закрытость, отсутствие доверия к миру – все это схоже с описанием дезорганизованного типа привязанности, что снова подтверждает взаимосвязь между данным нарушением привязанности и КПТС.

Согласно результатам анкеты «Ранний опыт отношений в семье», люди с КПТС чувствуют себя нелюбимыми, отторгнутыми своей семьей, им не хватает от родителей ласки, теплоты, эмоциональной доступности, понимания, поддержки и внимания. По отношению к ним родители используют негативное подкрепление, вероятно, в форме любого рода насилия. Насилие может являться травматичным для ребенка, что повышает шансы на возникновение симптомов КПТС. Такие результаты можно объяснить тем, что родители не демонстрировали сигналы привязанности, эмоционально не откликнулись на ребенка и не удовлетворяли его потребности. Описанные результаты по анкете напоминают картину дезорганизованного типа привязанности. Насилие, которое характерно, в частности, для данного типа, отсутствие теплоты, любви, что в свою очередь во взрослом возрасте превращается в нехватку данных чувств, указывают на нарушенный вариант развития привязанности, что позволяет еще раз подтвердить полученные ранее результаты о взаимосвязи между дезорганизованным типом и КПТС.

Литература / References

- Бowlby Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. 2-е изд. М.: Акад. проект, 2004. 232 с. [Bowlby J. *The making and breaking affectional bonds*. 2nd ed. Moscow: Akad. projekt, 2004, 232. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxillp>
- Волкова Е. Е., Капустина Т. В., Черемискина И. И. Развитие модели привязанности в контексте различных теоретических подходов. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2017. Т. 6. № 1А. С. 45–53. [Volkova E. E., Kapustina T. V., Cheremiskina I. I. The development of the model of attachment in the context of different theoretical conceptions. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2017, 6(1A): 45–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytbaqj>

Заключение

Симптомы КПТС (эмоциональная дисрегуляция, трудности во взаимоотношениях с людьми, негативная Я-концепция) характерны в большей степени для нарушенного варианта развития – дезорганизованной привязанности – и в некоторой степени для амбивалентного типа. Избегающая привязанность не была включена в исследование ввиду малого количества респондентов с данным типом. Результаты статистически подтверждены. Более подробно описывая сферу межличностного взаимодействия у людей с КПТС и дезорганизованным типом привязанности, стоит отметить их замкнутость, необщительность, что создает трудности для общения. Им становится нелегко строить близкие отношения, а ощущение ненужности и отсутствие поддержки со стороны близкого окружения приводит к отгороженности от общества и создает сложности во взаимоотношениях с другими людьми, что не может не сказаться на их самооценке. Помимо эмоциональной дисрегуляции, люди с нарушенным вариантом привязанности и КПТС имеют особенности в эмоциональной сфере, в частности проявляют тревожность и агрессивность.

Полученные результаты имеют практическую значимость при работе с лицами, находящимися в состоянии КПТС. Выявленный преобладающий дезорганизованный тип привязанности с описанными личностными особенностями в эмоциональной сфере и сфере межличностного взаимодействия формирует мишеневые точки для оказания психологической помощи людям с КПТС.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

- Духновский С. В. Разработка методики «Определение социально-психологической дистанции в межличностных отношениях». *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*. 2012. № 19. С. 41–46. [Dukhnovsky S. V. Elaborating the methods "Monitoring of the socio-psychological distance in interpersonal relationships". *Vestnik Iuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Psikhologiya*, 2012, (19): 41–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ozkrxp>
- Екимова В. И., Лучникова Е. П. Комплексная психологическая травма как следствие экстремального стресса. *Современная зарубежная психология*. 2020. Т. 9. № 1. С. 50–61. [Ekimova V. I., Luchnikova E. P. Complex psychological trauma as a consequence of extreme stress. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2020, 9(1): 50–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090105>
- Жихарева Л. В. Теория привязанности, теоретические и практические аспекты. *Перспективы науки и образования*. 2013. № 4. С. 144–154. [Zhikhareva L. V. Attachment theory, theoretical and practical aspects. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya*, 2013, (4): 144–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzyier>
- Исакова Т. В. Влияние типа привязанности на формирование личности и особенности построения межличностных отношений взрослого человека. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*. 2020. № 10. С. 39–44. [Isakova T. V. The influence of the type of attachment on the formation of the personality and peculiarities of the construction of interpersonal relationships of the adult. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Serii: Poznanie*, 2020, (10): 39–44. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2020.10.07>
- Кадыров Р. В. Посттравматическое стрессовое расстройство (PTSD). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 644 с. [Kadyrov R. V. Post-Traumatic Stress Disorder (PTSD). 2nd ed. Moscow: Iurait, 2023, 644. (In Russ.)]
- Кадыров Р. В., Ковалев И. А., Ильина И. С. Психическая травма раннего возраста и психологические характеристики наркозависимых. *Тихоокеанский медицинский журнал*. 2016. № 4. С. 66–69. [Kadyrov R. V., Kovalev I. A., Ilina I. S. Early psychic trauma and psychological characteristics of drug addicted personality. *Pacific Medical Journal*, 2016, (4): 66–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17238/PmJ1609-1175.2016.4.66-69>
- Катан Е. А. Использование международного Опросника неблагоприятного детского опыта для выявления психотравмирующих факторов в детском и подростковом возрасте. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*. 2020. Т. 20. № 1. С. 112–120. [Katan E. A. Purpose of international questionnaire adverse childhood experiences to identify psychotraumatic factors in childhood and adolescence. *Voprosy psikhicheskogo zdorovia detei i podrostkov*, 2020, 20(1): 112–120. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rutklc>
- Падун М. А. Нарушение регуляции эмоций после психической травмы. *Психологический журнал*. 2016. Т. 37. № 4. С. 74–84. [Padun M. A. Disturbances of emotion regulation after psychological trauma. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2016, 37(4): 74–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/whfrpx>
- Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман. *Психологический журнал*. 2008. Т. 29. № 4. С. 98–106. [Padun M. A., Kotelnikova A. V. Modification of R. Janoff-Bulman's procedure for personality basic beliefs study. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2008, 29(4): 98–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jhlatn>
- Польская Н. А., Разваляева А. Ю. Разработка опросника эмоциональной дисрегуляции. *Консультативная психология и психотерапия*. 2017. Т. 25. № 4. С. 71–93. [Polskaya N. A., Razvaliaeva A. Yu. The development of the "Emotion dysregulation" questionnaire. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2017, 25(4): 71–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpp.2017250406>
- Родникова Е. А., Волкова Е. Е. Разработка опросника для диагностики типов привязанности: первый этап. *Социально-психологические технологии развития личности: VI Междунар. науч.-практ. конф. (Херсон, 22 апреля 2021 г.)* Херсон: Вишемирский В. С., 2021. С. 346–349. [Rodnikova E. A., Volkova E. E. Developing a questionnaire to diagnose attachment types: stage one. *Socio-Psychological Technologies for Personality Development: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., Kherson, 22 Apr 2021. Kherson: Vishemirskii V. S.*, 2021, 346–349. (In Russ.)]
- Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб.: Речь, 2008. 624 с. [Sobchik L. N. *Psychology of individuality. Theory and practice of psychodiagnostics*. St. Petersburg: Rech, 2008, 480. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxvmij>
- Суворова О. В., Черемисова И. В., Мамонова Е. Б. Привязанность к матери как фактор Я-концепции подростков. *Вестник Мининского университета*. 2016. № 2. [Suvorova O. V., Cheremisova I. V., Mamonova E. B. Attachment to the mother as a factor of self-concept of adolescent. *Vestnik of Minin University*, 2016, 2. (In Russ.)] URL: <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/221/222> (10 Jan 2023). <https://elibrary.ru/whhbjd>

- Сулова Т. С. Руминация как следствие детской психологической травмы: феномен «мысленного самоулавивания» и адаптивное мышление. *Общество, педагогика, психология: теория и практика: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч.* (Чебоксары, 28 мая 2021 г.) Чебоксары: Среда, 2021. С. 385–388. [Surova T. S. Ruminations as consequence of child psychological trauma: phenomenon of "mental self-reconciliation" and adaptive thinking. *Obshchestvo, pedagogika, psikhologiiia: teoriia i praktika: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Cheboksary, 28 May 2021.* Cheboksary: Sreda, 2021, 385–388. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31483/r-98707>
- Тарабрина Н. В., Харламенкова Н. Е., Падун М. А., Хажуев И. С., Казымова Н. Н., Быховец Ю. В., Дан М. В. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности. М.: ИП РАН, 2017. 338 с. [Tarabrina N. V., Kharlamenkova N. E., Padun M. A., Khazhuev I. S., Kazymova N. N., Bykhovets Yu. V., Dan M. V. *Intense stress in the context of psychological safety.* Moscow: IP RAS, 2017, 338. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zfgjrr>
- Ушаков В. Р., Кадыров Р. В. Комплексный посттравматический стресс у молодых людей. *Научные исследования XXI века.* 2021. № 6. С. 373–381. [Ushakov V. R., Kadyrov R. V. The problem of cdiagnosis of complex post-traumatic stress in young people. *Nauchnye issledovaniia XXI veka,* 2021, (6): 373–381. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/awkjrn>
- Brewin C. R., Cloitre M., Hyland P., Shevlin M., Maercker A., Bryant R. A., Humayun A., Jones L. M., Kagee A., Rousseau C., Somasundaram D., Suzuki Y., Wessely S., Van Ommeren M., Reed G. M. A review of current evidence regarding the ICD-11 proposals for diagnosing PTSD and complex. *Clinical Psychological Review,* 2017, 58: 1–15. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2017.09.001>
- Cloitre M. ICD-11 Complex post-traumatic stress disorder: simplifying diagnosis in trauma populations. *The British Journal of Psychiatry,* 2020, 216(3): 129–131. <https://doi.org/10.1192/bjp.2020.43>
- Cooke J. E., Racine N., Plamondon A., Tough S., Madigan S. Maternal adverse childhood experiences, attachment style, and mental health: Pathways of transmission to child behavior problems. *Child Abuse & Neglect,* 2019, 93: 27–37. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2019.04.011>
- Howard A., Agathos J. A., Phelps A., Cowlshaw S., Terhaag S., Arjmand H.-A., Armstrong R., Berle D., Steel Z., Brewer D., Human B., Herwig A., Wigg C., Kemp P., Wellauer R., O'Donnell M. L. Prevalence and treatment implications of ICD-11 complex PTSD in Australian treatment-seeking current and ex-serving military members. *European Journal of Psychotraumatology,* 2021, 12(1): 1–13. <https://doi.org/10.1080/20008198.2020.1844441>
- Hyland P., Murphy J., Shevlin M., Vallières F., McElroy E., Elklit A., Christoffersen M., Cloitre M. Variation in post-traumatic response: the role of trauma type in predicting ICD-11 PTSD and CPTSD symptoms. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology,* 2017, 52: 727–736. <https://doi.org/10.1007/s00127-017-1350-8>
- Karatzias T., Shevlin M., Hyland P., Brewin C. R., Cloitre M., Bradley A., Kitchiner N. J., Jumbe S., Bisson J. I., Roberts N. P. The role of negative cognitions, emotion regulation strategies, and attachment style in complex post-traumatic stress disorder: Implications for new and existing therapies. *British Journal of Clinical Psychology,* 2018, 57(2): 177–185. <https://doi.org/10.1111/bjc.12172>
- Punamäki R.-L., Qouta S. R., Diab S. Y. The role of maternal attachment in mental health and dyadic relationships in war trauma. *Heliyon,* 2019, 5(12). <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2019.e02867>
- Spinazzola J., Van der Kolk B., Ford J. D. When nowhere is safe: Interpersonal trauma and attachment adversity as antecedents of posttraumatic stress disorder and developmental trauma disorder. *Journal of Traumatic Stress,* 2018, 31(5): 631–642. <https://doi.org/10.1002/jts.22320>
- Van Dijke A., Ford J. D., Frank L. E., Van der Hart O. Association of childhood complex trauma and dissociation with complex posttraumatic stress disorder symptoms in adulthood. *Journal of Trauma & Dissociation,* 2015, 16(4): 428–441. <https://doi.org/10.1080/15299732.2015.1016253>

© 2023. Руденко С. Л.

Взаимосвязь субъективного качества жизни

оригинальная статья

Взаимосвязь субъективного качества жизни и социального восприятия у лиц с истерическим неврозом

Руденко Светлана Львовна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Белгород

<https://orcid.org/0000-0002-4628-5764>

rudenkosl.r1@mail.ru

Поступила в редакцию 24.05.2023. Принята после рецензирования 12.07.2023. Принята в печать 24.07.2023.

Аннотация: Исследование посвящено изучению различных аспектов качества жизни у лиц с истерическим неврозом в связи с нозологически предопределенными особенностями их социального восприятия. В условиях недостаточно глубокого и фрагментарного освоения данного проблемного поля фиксируется стремительный рост числа больных с клинически очерченным ограничением жизнедеятельности, вызывающим необходимость социальной защиты. Высокая распространенность инвалидизации среди контингента с истерическим неврозом побуждает к поиску клинико- и социально-психологических механизмов, запускающих ригидную, трудно корригируемую программу невротического истерического развития личности, и ориентирует на обнаружение рычагов терапевтического влияния для преодоления дезадаптирующих паттернов. Методы: «Опросник невротических состояний» К. К. Яхина, Д. М. Менделевича, «Опросник качества жизни ВОЗ» ВОЗ – СПб НИПНИ им. В. М. Бехтерева, «Опросник для оценки социального функционирования и качества жизни психически больных» И. Я. Гуровича, А. Б. Шмуклера, тесты «Распознавание эмоций» Н. Г. Гаранян, «Поза и жест» Н. С. Курека, «Социальный интеллект» J. P. Guilford, M. O. Sullivan в адаптации Е. С. Михайловой. Эмпирическое исследование позволило установить, что больные имеют средний уровень качества жизни в связи с необходимостью постоянного психиатрического сопровождения, проблемами самореализации в труде и выстраивании личных отношений. Отмечается умеренное снижение социального восприятия. Понимание контекста ситуаций, антиципация последствий затруднены клинической симптоматикой, препятствующей надежной концентрации внимания на перцептивных элементах. Кататимный способ мышления создает почву для неконтролируемых проекций. Больные с минимальными дефицитами социальной перцепции и интеллекта активно функционируют в обществе, имеют возможность сравнивать и критически оценивать свое положение, поэтому выражают неудовлетворенность собственным благополучием. Дефект в области социального восприятия хронифицирует невроз, происходит примирение со статусом *инвалид*, постепенно снижаются притязания и отмечается не критичная положительная оценка жизни. Соответственно прослеживается тесная обратная связь между изучаемыми характеристиками, требующая их учета при определении мишеней психотерапии и реабилитации.

Ключевые слова: истерический невроз, качество жизни, социальное восприятие, дезадаптация, инвалидизация, реабилитация

Цитирование: Руденко С. Л. Взаимосвязь субъективного качества жизни и социального восприятия у лиц с истерическим неврозом. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 5. С. 625–634. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-625-634>

full article

Quality of Life and Social Perception in Patients with Hysterical Neurosis

Svetlana L. Rudenko

Belgorod State National Research University, Russia, Belgorod

<https://orcid.org/0000-0002-4628-5764>

rudenkosl.r1@mail.ru

Received 24 May 2023. Accepted after peer review 12 Jul 2023. Accepted for publication 24 Jul 2023.

Abstract: Hysterical neurosis affects social perception and, thus, the quality of life. This problem has received only fragmentary scientific attention so far, in spite of the rapid increase in the number of citizens with clinical disabilities, the risk of which is quite high in patients with hysterical neurosis. This article introduces the clinical and socio-

psychological mechanisms that trigger the rigid patterns of neurotic hysterical personality development, as well as various therapeutic ways to overcome them. The study involved K. K. Yakhin and D. M. Mendelevich's Questionnaire of Neurotic States, the Quality of Life Questionnaire issued by the World Health Organization, I. Ya. Gurovich and A. B. Shmukler's Questionnaire for Assessing Social Functioning and Quality of Life of People with Mental Health Issues, N. G. Garanyan's Emotion Recognition Test, N. S. Kurek's Pose and Gesture Test, J. P. Guilford and M. O. Sullivan's Social Intelligence Test adapted by E. S. Mikhailova. The empirical research revealed that the patients had an average level of quality of life because they needed constant psychiatric support and experienced problems at work and in private life. The patients also demonstrated a moderate decrease in social perception. The clinical symptoms prevented them from concentrating on perceptual elements, making them unable to understand the context and anticipate consequences. Their catathymic perception caused uncontrolled projections. However, patients with minimal deficit of social perception and intelligence, being active community members, were able to compare and critically assess their life situation. As a result, they expressed dissatisfaction with their well-being. Their deficient social perception chronicled neurosis; eventually, the patients accepted their clinical status, lowered their claims, and developed an uncritical positive assessment of life. The study revealed a strong feedback between the quality of life and social perception, which may help in psychotherapy and rehabilitation of patients with hysterical neurosis.

Keywords: hysterical neurosis, quality of life, social perception, maladaptation, disability, rehabilitation

Citation: Rudenko S. L. Quality of Life and Social Perception in Persons with Hysterical Neurosis. *SibScript*, 2023, 25(5): 625–634. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-625-634>

Введение

Период последних десятилетий XX в. и начала XXI в. связан с появлением большого количества прогрессивных исследований в области когнитивного функционирования, в частности социального метаанализа. Однако в настоящее время по-прежнему отсутствует исчерпывающее представление о феноменологии социальной перцепции и понимании человека человеком, особенно на материале различных когорт психически больных.

Центральным конструктом настоящего исследования выступает социальное восприятие, анализ которого выстроен с учетом исторической хронологии его этимологической трансформации от зарубежной модели психического, заключающейся в понимании и распознавании ментальных состояний и их организации в модели (единичные, ситуативные и внеситуативные) [Сергиенко и др. 2020: 503], до толкования принятого в отечественной социальной психологии, где социальное восприятие выступает условием взаимодействия в группе, а учет индивидуальных установок, привычек и каузальных атрибуций становится основой успеха в общении. Соответственно под социальным восприятием необходимо понимать процесс собственно перцепции, понимания и оценки людьми социальных объектов: самих себя, других людей, социальных общностей через механизмы эмпатии, рефлексии, атрибуции, идентификации и стереотипизации [Скорородова 2020].

Впервые внимание ученых было сосредоточено на процессах переработки социальной информации среди страдающих шизофренией: параноидной, клинически четко очерченной, затем неврозоподобной, требующей более высокого профессионализма

в дифференциации стертых симптомов заболевания. Показано, что социальное восприятие больных шизофренией, независимо от ее формы, значительно искажено недоучетом социальных аспектов взаимодействия, паралогикой в трактовке вербального и невербального поведения людей, полисемантизмом в определении эмоциональных состояний [Baron-Cohen 1994; Brüne 2005; Frith 1996; Green 1998; Langdon et al. 2002].

Особенности расшифровки социальных детерминант поведения у больных невротизмом привлекли внимание ученых позднее. Признано, что данную группу отличают дефициты способности считывать эмоциональные реакции по внешним проявлениям, задающие основу формирования невротического рисунка поведения [Пуговкина, Паламарчук 2013]. Установлено влияние проекций фрустрированных потребностей. Больных дезориентируют скрытые любовно-эротические желания, стремление к самоутверждению и власти [Менделевич, Пыркова 2015; Fonagy et al. 2002]. Настойчивая демонстративная самопрезентация препятствует реалистичным оценкам, больные сосредоточены на себе и невнимательны к деталям состояний, испытываемым другими людьми [Strauss 1983; Van Rooy, Visveswaran 2004]. Нарушение социального восприятия при данной нозологии оказывает неблагоприятное этиопатогенетическое влияние, способствует переходу ядерных симптомов в хроническую форму и существенно утяжеляет состояние пациентов [Broome 2004; Wearden et al. 2000].

Принимаемая во внимание и поддерживая личностно-центрированную тенденцию в медицине, которая четко прослеживается в научных работах современных авторов

и контрастирует с устаревшим подходом, ставящим во главу угла исключительно продолжительность жизни больного и его безопасность для общества, следует подчеркнуть, что методология настоящего исследования базируется на идеях гуманистической психологии. Поэтому его внутренняя логика определяет изучение совокупности переживаний и отношений человека, связанных с индивидуальной ценностью здоровья, смыслом жизни и возможностями личности устанавливать взаимосвязи с внешним миром в соответствии с актуальными потребностями и индивидуальными возможностями [Еремян, Щелкова 2022]. В концептуализации ВОЗ важнейшим аспектом выступает освоение комплекса индивидуальных восприятий больными их положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в связи с их целями и ожиданиями, стандартами и трудностями [Грязнова и др. 2020].

В литературе есть указания на то, что лица с неврозами имеют низкий уровень субъективной удовлетворенности жизнью, особенно в аспектах общения с другими людьми, сексуальных отношений, трудовой занятости и финансовой обеспеченности [Гундаров 1995; Куприянова, Семке 2004; Najran 2006; McCall 1975; Sirgy 2021]. Приоритет изучения субъективной стороны качества жизни, сосредоточение на опыте, хотя и обусловленном внешними факторами, но имеющем весомый отпечаток личности, в контексте данного исследования имеет большое значение, особенно при переходе неврозика к статусу *инвалид*, поскольку доказано отрицательное влияние данного статуса на представление о себе и, соответственно, репертуар исполняемых социальных ролей [Виленский 2020; Николаева 1987; Парсонс 2018; Прохорова, Мекка 2005].

Отчасти это связано с тем, что лица с психиатрическими диагнозами стигматизированы во всех сферах жизни общества, при этом не имеют доступа в учреждения, где проходят лечение другие пациенты [Гофман 2007]. Несмотря на то что данному контингенту гарантированы разнонаправленные меры реабилитации, в сравнении с инвалидами, имеющими заболевания соматической сферы, пациенты с психопатологией оказываются перед необходимостью самостоятельно заботиться о восстановлении своего здоровья. Рекомендации, прописанные в индивидуальных программах, гарантируют медицинскую помощь, но необходимое психологическое сопровождение фактически оказывается доступным только в стенах стационаров психиатрических больниц. На этой основе у лиц с истерическим неврозом формируется социально санкционированная девиация, состоящая в примирении со своим статусом, всецелом принятии роли больного, закономерном уклонении от обязанностей, нежелании возвращаться к прежней

жизни и грубо претенциозном, нарочито манипулятивном поведении, в котором читается непонимание норм ролевых моделей и правил и недоучет ситуационных обстоятельств [Жигунова 2011; Николаев, Лазарева 2013; Kozłowska 2007].

Теоретические искания в аспекте взаимосвязи качества жизни и когнитивной переработки эмоциональной информации у лиц с истерическим неврозом, способности больных с данным диагнозом понимать собственные эмоции и состояния других людей, а также регулировать на этой основе свое поведение показали полное отсутствие доказательной информации. Вопрос взаимосвязи качества жизни и социального восприятия рассматриваемого контингента не изучен.

Гипотеза состоит в предположении, что лица с истерическим неврозом располагают низким уровнем качества жизни, имеющим тесную взаимосвязь с выраженным нарушением социального восприятия. Целью настоящего исследования выступило изучение корреляции качества жизни с особенностями главных компонентов социального восприятия (социальной перцепции и интеллекта) на модели когорты лиц с истерическим неврозом. Своевременность научного поиска продиктована потребностью в расширении представлений о клинико- и социально-психологических факторах формирования устойчиво невротической конституции, необходимостью повышения эффективности психотерапевтической помощи и увеличения реабилитационного потенциала данного контингента.

Выстроен алгоритм, состоящий из задач, требующих поэтапного решения:

1. Измерить качество жизни больных.
2. Установить степень выраженности и характер нарушения структурных компонентов процесса детекции эмоций.
3. Показать взаимосвязь качества жизни и социального восприятия у лиц с истерическим неврозом.

Методы и материалы

Психический статус лиц с истерическим неврозом составлен при помощи «Опросника невротических состояний» К. К. Яхина, Д. М. Менделевича [Яхин, Менделевич 1978]. Методика разработана с учетом клинически значимых невротических симптомов, диагностическую батарею составляют наиболее распространенные признаки различных вариантов неврозов. Инструмент позволяет прицельно оценить состояния тревоги, депрессии, астении, наличие истерических форм реагирования, обсессивно-фобических паттернов и возможных нарушений вегетативного плана. Выстраиваемый профиль позволяет увидеть ведущие симптомы и их сочетания, очертить типичное и уникальное

в каждой клинической картине. Больным адресуется 68 вопросов, ранжированных по степени информативности. Оценка признаков производится дифференцированно на основе 5-балльной системы: 1 балл – всегда, 2 – часто, 3 – иногда, 4 – редко, 5 – никогда.

Оценка качества жизни произведена посредством «Опросника качества жизни ВОЗ» ВОЗ – СПб НИПНИ им. В. М. Бехтерева [Бурковский и др. 2017]. Выбор данного опросника связан с тем, что он позволяет получить как общую оценку, так и детализированную характеристику качества жизни, может быть применен в различных группах обследуемых, в том числе с психическими заболеваниями. В сравнении со специализированными модификациями, инструмент дает возможность проводить единую диагностическую процедуру для различных нозологических групп и здоровых людей. Состоит из 100 вопросов, оцениваемых от 1 до 5 баллов. В опроснике выделено 6 блоков, касающихся физической активности, психологического комфорта и независимости, отношений с другими людьми, духовности и окружающей среды. Каждый домен подразделяется на 24 субсферы. Предполагает оценку удовлетворенности различными сферами и расчет комплексного показателя качества жизни.

Дополнительным инструментом определения активной социальной включенности и оценки качества жизни выступил «Опросник для оценки социального функционирования и качества жизни психически больных» И. Я. Гуровича, А. Б. Шмуклера [Гурович, Шмуклер 1998]. Данная методика включена в перечень инструментов исследования в связи с простотой ее применения, возможностью предъявления вопросов в форме полуструктурированного интервью. Данный подход исключает высокие трудозатраты и способствует существенному сокращению времени обследования. Беседа ведется по блокам, описывающим различные области социальной активности, с опорой на 82 характеристики социального статуса пациента и удовлетворенности соответствующим аспектом жизни. Оценке подлежат физическая работоспособность, интеллектуальная эффективность, социальная контактность, включая широту, состав круга общения, характер отношений с людьми. Опросник имеет описательный характер и требует качественного анализа полученной информации с учетом данных из медицинской карты и сведений, полученных от родственников.

Исследование особенностей социальной перцепции или первого компонента социального восприятия реализовано с помощью теста «Распознавание эмоций» Н. Г. Гаранян [Гаранян 1986]. В выборе данного психодиагностического инструмента приоритетом выступило детальное исследование изолированно лицевой

экспрессии, что не позволяли осуществить прочие известные методики, оценивающие мимику в комплексе с другими невербальными паттернами. Тест предназначен для выявления уровня способности идентифицировать эмоциональные состояния человека по его мимическим проявлениям. Инструмент содержит 18 карточек с фотографиями лица женщины, показывающей разнообразные мимические этюды: презрение, гнев, страх, радость, удивление, страдание. Согласно инструкции необходимо определить ведущее состояние. Эмоции могут быть названы различно, поэтому ответы подлежат сверке со списком синонимов в словаре теста. Все высказывания протоколируются и распределяются на верные и неверные.

Применен тест «Поза и жест», разработанный Н. С. Куреком [Курек 1986]. Данный тест диагностирует особенности перцепции эмоций другого человека по пантомимике. Обследуемый должен идентифицировать эмоциональные состояния по 20 рисункам поз и жестов, выражающих презрение, гнев, страх, радость, удивление, страдание. Эмоции могут быть названы различно, поэтому они, как и в предыдущем тесте, сверяются со списком синонимов. Высказывания записываются и подлежат соотнесению с таблицей правильных вариантов ответов.

Для изучения интеллектуального компонента социального восприятия применен тест «Социальный интеллект» J. P. Guilford, M. O. Sullivan в адаптации Е. С. Михайловой [Михайлова 1996]. Данный инструмент предпочтителен, поскольку позволяет всесторонне, по сюжетным картинкам и фразам в контексте различных ситуаций общения, оценить второй компонент социального восприятия. Тест обладает высокой дискриминативной валидностью и имеет достаточный прогностический потенциал, с его помощью можно производить измерения социального интеллекта независимо от других способностей и получать связь результатов с реальным поведением и адаптированностью. Тест состоит из 4 субтестов, реализуемых как на невербальном, так и вербальном стимульном материале. Каждый субтест содержит от 12 до 15 заданий, направленных на анализ интерперсональных отношений. Прохождение субтестов лимитировано по времени.

Математико-статистическая обработка данных состояла в определении средних значений, стандартных отклонений, значимости различий с помощью F-критерия Фишера, проведении процедуры установления меры линейной связи между случайными величинами на основе ранговой корреляции Спирмена, а также кластерного анализа на основе евклидовой метрики. Технической платформой выступили компьютерные программы Microsoft Excel и IBM SPSS Statistics Standard

Edition 17.0, реализующие базовые процедуры статистики с возможностью визуализации и анализа данных.

Основную группу составили лица с истерическим неврозом в количестве 120 человек. Возраст больных – в пределах 25–50 лет ($37,5 \pm 1,57$). Невроз был установлен и подвергался малоэффективной терапии на протяжении 1–25 лет ($12,75 \pm 1,37$). Обследуемые были привлечены к исследованию и проходили психодиагностику в ситуации освидетельствования на базе медико-социальной экспертизы психиатрического бюро № 5 г. Белгород.

В ходе формирования основной группы поведение больных проверялось на наличие рентной мотивации и установочных стратегий. Исключению подлежали обследуемые с признаками симуляции, метасимуляции (в формах экзацербации и пролонгации), аггравации, претендующие на получение юридически необоснованных выгод от признания статуса *инвалид*.

Совместно с врачами-психиатрами экспертной комиссии проведена предварительная диагностика на предмет дифференциации с внешне сходными неврозоподобными нозологиями, имеющими в основе шизофренический и органический радикалы. Также не вошли в состав лица с психопатиями, аддикциями (в виде алкоголизма и наркомании) и хроническими соматическими патологиями в стадии обострения.

120 нормотипичных обследуемых были привлечены к исследованию через специально созданную группу самопознания на базе частного психологического центра г. Белгород. Контингент группы сравнения предварительно проходил беседу с психиатром организации и был протестирован основными патофизиологическими пробами на предмет изменений психических процессов. В ходе психодиагностики признаков нарушений не выявлено. Мотивацией выступила возможность безвозмездного информирования о состоянии собственного психического здоровья и получение консультации психолога. Половые и возрастные характеристики группы сравнения не имеют достоверных различий с аналогичными параметрами больных ($p \leq 0,05$).

Все обследованные подписали добровольные согласия на проведение психодиагностики, в которых были даны четкие разъяснения по процедуре исследования и предоставлена гарантия конфиденциальности паспортных данных (имени и места регистрации).

Результаты

Оценка невротических состояний (табл. 1)

В психическом статусе больных подтвержден истерический тип поведения ($-5,95 \pm 0,58$), очерчивающий выраженные проявления демонстративности, эгоцентризма, самовнушаемости, инфантильной требовательности. Отмечены яркие и экстраординарные вегетативные

расстройства ($-6,5 \pm 0,79$) в виде не имеющих соматической почвы кардио- и гастралгий, одышки, кашля, мнимой беременности и смерти, викарных кровотечений. Пограничные значения фиксируются по параметрам депрессии ($-2,88 \pm 0,23$), тревоги ($-1,3 \pm 0,18$), навязчивых страхов ($1,2 \pm 0,15$) и астении ($1,11 \pm 0,15$). Показатели обследуемых основной группы и контингента сравнения имеют статистически значимые различия ($p < 0,05$).

Табл. 1. Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний: средние взвешенные оценки больных истерическим неврозом и здоровых обследуемых
Tab. 1. Clinical questionnaire for identifying and assessing neurotic conditions in patients with hysterical neurosis vs. control, mean values

Шкала	Больные истерическим неврозом	Здоровые обследуемые	F-критерий Фишера
Тревога	$-1,3 \pm 0,18$	$3,11 \pm 0,15$	0,02
Невротическая депрессия	$-2,88 \pm 0,23$	$4,32 \pm 0,12$	0,02
Астения	$1,11 \pm 0,15$	$4,81 \pm 0,09$	0,03
Истерический тип реагирования	$-5,95 \pm 0,58$	$3,25 \pm 0,23$	0,01
Обсессивно-фобические нарушения	$1,2 \pm 0,15$	$4,12 \pm 0,26$	0,03
Вегетативные нарушения	$-6,5 \pm 0,79$	$5,8 \pm 0,14$	0,01

Оценка качества жизни (табл. 2)

Лица с истерическим неврозом обнаруживают выраженную неудовлетворенность доменами *уровень независимости, физическая сфера, социальные отношения и психологическая сфера*. Отмечается средний уровень удовлетворенности сферами *духовная сфера и окружающая среда*. При этом объективно только 34 (28,33 %) обследуемых имеют высокий уровень социального функционирования, 86 (71,67 %) больных дезадаптированы в различных сферах жизни общества. Они не способны выдержать все образовательные ступени, часто прерывают обучение; проявляют нестабильность на рабочих местах, поскольку конфликтны с коллегами и руководством; не могут устанавливать длительные партнерские отношения, основанные на доверии и взаимопонимании, склонны к импульсивным разводам. Уровень качества жизни и действительной социальной включенности контрстирующего контингента высокий ($p \leq 0,05$).

Табл. 2. Опросник «ВОЗ КЖ-100»: средние взвешенные оценки больных истерическим неврозом и здоровых обследуемых

Tab. 2. WHO Quality of Life Questionnaire 100: patients with hysterical neurosis vs. control, mean values

Шкала	Больные истерическим неврозом	Здоровые обследуемые	F-критерий Фишера
Физическая сфера	7,52 ± 0,08	18,82 ± 0,13	0,01
Психологическая сфера	6,43 ± 0,13	18,21 ± 0,24	0,01
Уровень независимости	7,62 ± 0,06	19,22 ± 0,06	0,01
Социальные отношения	6,5 ± 0,11	14,99 ± 0,29	0,03
Окружающая среда	10,34 ± 0,06	17,81 ± 0,03	0,03
Духовная сфера (духовность / религия / личные убеждения)	12,27 ± 0,0	18,39 ± 0,21	0,03

Аспекты распознавания лицевой экспрессии (рис. 1)

Перцепция эмоциональных состояний по выразительным движениям мышц лица реализуется на среднем уровне ($11,38 \pm 0,4$). Среди здоровых обследуемых показатель расшифровки состояний по лицу – в норме ($17,06 \pm 0,33$; $p = 0,04$). Дифференцированный подход к анализу прочтения больными эмоций показал серьезные трудности квалификации презрения ($0,33 \pm 0,05$) и страдания ($0,55 \pm 0,05$). Определение удивления ($2,23 \pm 0,08$) и страха ($2,31 \pm 0,07$) снижено умеренно. Больные с легкостью распознают гнев ($2,97 \pm 0,03$) и радость ($2,99 \pm 0,12$).

Аспекты распознавания пантомимической экспрессии (рис. 2)

Определение больными эмоций по пластике тела оценено аналогично результатам сканирования состояний по тесту лицевых вариаций ($12,45 \pm 0,83$). Здоровые обследуемые не имеют проблем идентификации экспрессии по пантомимике ($18,19 \pm 0,97$; $p = 0,04$). Профиль, составленный из оценок по шести эмоциям, полностью совпадает с распределением числовых эквивалентов параметров лицевой перцепции.

Аспекты социального интеллекта (рис. 3)

Интеллект лиц с истерическим неврозом, связанный со способностью видеть, как меняется смысл речевых посланий в зависимости от характера социальных ситуаций, в которых они произносятся ($2,24 \pm 0,16$), улавливать изменения ситуаций во времени ($2,32 \pm 0,25$), предвидеть

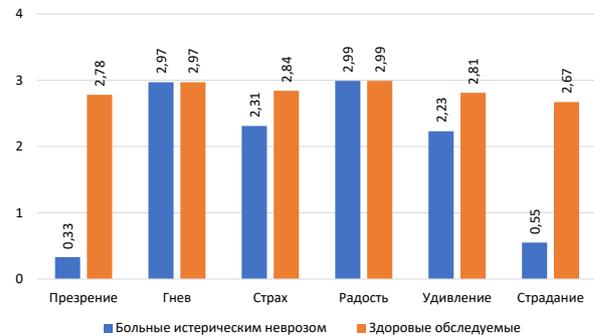

Рис. 1. Тест «Распознавание эмоций»: средние взвешенные оценки больных истерическим неврозом и здоровых обследуемых
Fig. 1. Recognition of Emotions: patients with hysterical neurosis vs. control, mean values

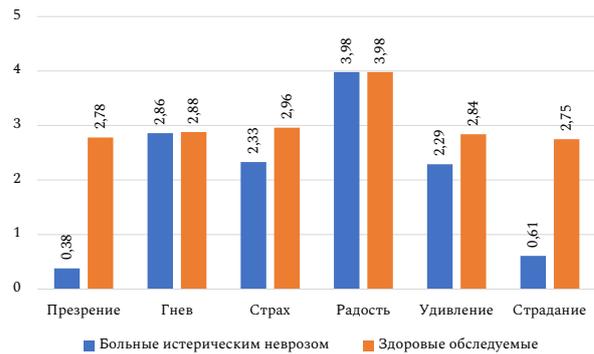

Рис. 2. Тест «Поза и жест»: средние взвешенные оценки больных истерическим неврозом и здоровых обследуемых
Fig. 2. Pose and Gesture: patients with hysterical neurosis vs. control, mean values

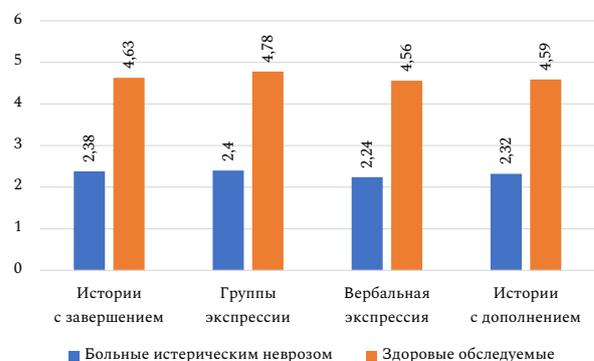

Рис. 3. Тест «Социальный интеллект»: средние взвешенные оценки больных истерическим неврозом и здоровых обследуемых
Fig. 3. Social Intelligence: patients with hysterical neurosis vs. control, mean values

их исходы ($2,38 \pm 0,34$), в том числе на основе исключительно невербальных сигналов ($2,4 \pm 0,39$), является средним. В группе сравнения субтесты, отражающие социальный интеллект, пройдены успешно, на высоком уровне ($p = 0,03$). Выявлена достоверная обратная связь социального восприятия с уровнем качества жизни ($p < 0,05$). Установлено, что чем эффективнее определение эмоций по мимической экспрессии ($-0,95$; $r = 0,01$), позе и жестам ($-0,83$; $r = 0,02$), чем более очевиден контекст социальных ситуаций ($-0,99$; $r = 0,01$), тем ниже показатели субъективного благополучия изучаемого контингента.

Кластерный анализ

Результаты в виде дерева кластеризации представлены на рисунке 4. Графически показаны 2 группы больных, численность объединений которых полностью соответствует результатам методики социального функционирования. В первую когорту вошли 86 (71,67 %) больных с отчетливым снижением социальной перцепции и интеллекта, низкой социальной включенностью и парадоксальной положительной оценкой качества жизни. Вторую группу составили 34 (28,33 %) обследуемых с незначительным нарушением социального восприятия и высоким уровнем социального функционирования. Данный контингент категорично выражал неудовлетворенность жизнью.

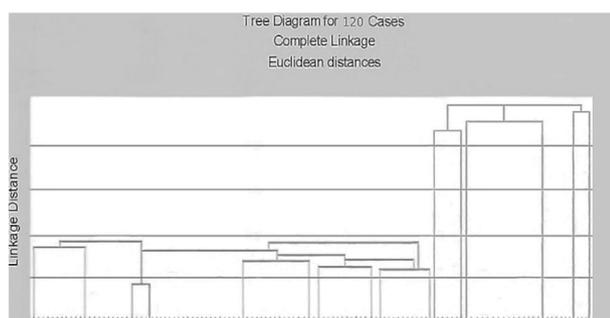

Рис. 4. Дендрограмма показателей социального восприятия больных истерическим неврозом

Fig. 4. Indicators of social perception in patients with hysterical neurosis

Обсуждение

Снижение качества жизни у лиц с истерическим неврозом связано с зависимостью от лекарств и процесса лечения, с проблемами трудоустройства и сохранения занятости. Больные не удовлетворены собой в физическом плане, поскольку часто испытывают снижение активности и усталость, а также в психологическом – из-за преобладания негативных эмоций. Представителей основной группы не устраивают личные

отношения, в том числе сексуальные, равно как и повседневные бытовые контакты с окружающими людьми, поскольку отсутствует желаемая социальная поддержка. Обследуемые религиозно ориентированы либо имеют личные верования. Духовность позволяет структурировать опыт, интериоризовать его, ассимилировать, дает ощущение благополучия и выступает опорой. Больные удовлетворены физическими, экологическими и эстетическими характеристиками места проживания, уровнем медицинской помощи и мерами содействия в социальной сфере, возможностями для отдыха, открытостью необходимой информации, доступностью образовательных программ, обеспечивающих возможность получения новых навыков.

Обобщив результаты оценки компонентов социального восприятия (собственно социальной перцепции и интеллекта), можно утверждать, что отмечается умеренное снижение данного процесса. Больные мыслят кататимно, опираясь не на системные доказательства, а на доминирующий аффект. В работе со сложным стимульным материалом с легкостью актуализируют проекции, в трактовках звучат темы, отражающие компенсаторную эгоцентрическую фиксацию, а также центральные внутриличностные противоречия в диадах притязаний и возможностей, объективных задач функционирования и состояния здоровья. Следовательно, составление полного представления о ситуации, антиципация последствий затруднены артефактами в виде клинически четко очерченной истерической симптоматики с вегетативными сенсациями, препятствующей концентрации, распределению и переключаемости внимания в ходе коммуникации. Также значительное влияние оказывают неконтролируемые проекции, связанные с бессознательными тенденциями, критика к которым полностью отсутствует. Трактовки отвечают ведущему конфликту, формирующему патогенез невроза.

Больные с минимальными дефицитами социальной перцепции и интеллекта участвуют во всех социальных процессах, имеют возможность сравнивать и критически оценивать свое положение. Дефект в области социального метаанализа способствует проблемам в отношениях с окружающими людьми и хронифицирует невроз. Социальная дезадаптация и постепенная дезинтеграция объясняют смирение с условиями жизни инвалида и большую удовлетворенность жизнью.

Заключение

Лица с истерическим неврозом имеют конверсионные симптомы, не поддающиеся купированию медикаментозным путем. Клинически оформленная картина с богатой палитрой феноменов: когнитивных, эмоциональных и поведенческих, дезадаптирующих

и стигматизирующих в обществе, – служит весомым основанием измерения качества жизни и поиска коррелятов данного параметра с целью последующей реабилитации больных.

Обследуемые основной группы имеют значительное снижение качества жизни в связи с психическим состоянием и необходимостью непрерывного лечения в отсутствие желаемой социальной поддержки; в средней степени удовлетворены уровнем своей духовности и характеристиками окружающей среды.

Больные не дифференцируют сложные эмоции по мимике и пантомимике. Эффективность социального восприятия увеличивается по мере уменьшения перцептивных элементов стимульных портретов и сцен, сокращения необходимости фиксации внимания. Выявлена тесная обратная связь между качеством жизни и социальным восприятием.

Таким образом, научное предположение в аспекте выраженности измеряемых характеристик больных не подтвердилось. Несмотря на то что удовлетворенность жизнью и социальное восприятие имеют неодинаковый уровень частных параметров, в суммарных показателях данные характеристики соответствуют умеренной степени. Полное подтверждение гипотезы наблюдается в части взаимосвязи качества жизни и социального

восприятия, что раскрывает и показывает механизм хронификации состояний невротической природы и инвалидизации. Итоговые выводы подтверждают необходимость психологической помощи, ориентированной на устранение выявленных дефицитов и достижение приоритета – реабилитации больных.

Практическая значимость проведенного исследования определяется возможностью использования его результатов в решении диагностических задач, для построения прогноза эффективности психологических интервенций. Полученные данные применимы для построения корректных индивидуальных программ реабилитации, ориентированных на восстановление способности понимать и анализировать поведение, намерения и чувства окружающих. Результаты исследования могут использоваться в программах подготовки медицинских психологов, психиатров, психотерапевтов и социальных работников.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бурковский Г. В., Коцюбинский А. П., Левченко Е. В., Ломаченков А. С., Кабанов М. М. Использование опросника качества жизни (версия ВОЗ) в психиатрической практике. *Психосоциальная реабилитация в психиатрии и неврологии. Методологические и организационные аспекты*, ред. Н. Г. Незнанов. СПб.: СпецЛит, 2017. С. 561–600. [Burkovsky G. V., Kotsyubinsky A. P., Levchenko E. V., Lomachenkov A. S., Kabanov M. M. The Quality of Life Questionnaire (WHO version) in psychiatric practice. *Psychosocial rehabilitation in psychiatry and neurology. Methodological and organizational aspects*, ed. Neznanov N. G. St. Petersburg: SpetsLit, 2017, 561–600. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ysr1re>
- Виленский О. Г. Психиатрия. М.: Вузовская книга, 2020. 188 с. [Vilenskiy O. G. *Psychiatry*. Moscow: Vuzovskaya kniga, 2020, 188. (In Russ.)]
- Гараян Н. Г. Соотношение положительных и отрицательных эмоций у больных шизофренией: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1986. 23 с. [Garanyan N. G. *Correlation of positive and negative emotions in patients with schizophrenia*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1986, 23. (In Russ.)]
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Директ-Медиа, 2007. 546 с. [Goffman E. *The presentation of self in everyday life*. Moscow: Direct-Media, 2007, 546. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qohber>
- Грязнова Е. В., Агеева Е. Л., Мазина Е. В., Рыноква И. Ю. Критерий качества жизни, связанный со здоровьем: необходимость разработки как категории педагогической науки. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020. Т. 9. № 1. С. 250–253. [Gryaznova E. V., Ageeva E. L., Mazina E. V., Rynkova I. U. Criterion of quality of life related to health: The need to develop as a category of pedagogical science. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2020, (1): 250–253. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0901-0059>
- Гундаров И. А. Роза «Качества жизни». *Сибирское здоровье*. 1995. № 1. С. 15–16. [Gundarov I. A. The rose of life quality. *Sibirskoe zdorovie*, 1995, (1): 15–16. (In Russ.)]
- Гурович И. Я., Шмуклер А. Б. Опросник для оценки социального функционирования и качества жизни психически больных. *Социальная и клиническая психиатрия*. 1998. Т. 8. № 2. С. 35–40. [Gurovich I. Ya., Shmukler A. B. Questionnaire for assessing the social functioning and quality of life in patients with mental health issues. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhatriia*, 1998, 8(2): 35–40. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pzjuuz>

- Еремян З. А., Щелкова О. Ю. История становления и развития концепции качества жизни в медицине. *Психология. Психофизиология*. 2022. Т. 15. № 1. С. 37–49. [Yeremyan Z. A., Shchelkova O. Yu. The concept of quality of life in medicine. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya*, 2022, 15(1): 37–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/jpps220104>
- Жигунова Г. В. Социальная идентификация лиц с инвалидностью. *В мире научных открытий*. 2011. № 5-1. С. 484–490. [Zhigunova G. V. Social identification of persons with disabilities. *V mire nauchnykh otkrytii*, 2011, (5-1): 484–490. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/opvzdv>
- Куприянова И. Е., Семке В. Я. Качество жизни и психическое здоровье. Томск: РАСКО, 2004. 121 с. [Kupriyanova I. E., Semke V. Ya. *Quality of life and mental health*. Tomsk: RASKO, 2004, 121. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rxaxer>
- Курек Н. С. Исследование эмоциональной сферы больных шизофренией на модели распознавания эмоций по невербальной экспрессии. *Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*. 1986. № 12. С. 1831–1837. [Kurek N. S. Emotional sphere in schizophrenic patients: a model of emotion recognition by nonverbal expression. *Zhurnal nevropatologii i psikhiatrii im. S. S. Korsakova*, 1986, (12): 1831–1837. (In Russ.)]
- Менделевич В. Д., Пыркова К. В. Исследования эмоционального интеллекта и креативности у больных с невротическими расстройствами. *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 3. [Mendelevich V. D., Pyrkova K. V. The research of emotional intelligence and creativity of patient with neurotic disorders. *Modern problems of science and education*, 2015, (3): 18–19. (In Russ.)] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20326> (accessed 15 Mar 2023). <https://www.elibrary.ru/tyskxk>
- Михайлова Е. С. Методика исследования социального интеллекта: адаптация теста Дж. Гилфорда и М. Салливена: Руководство по использованию. СПб.: Иматон, 1996. 56 с. [Mikhailova E. S. *Methodology guidelines for researching social intelligence*, adapted by J. Guilford and M. Sullivan. St. Petersburg: Imaton, 1996, 56. (In Russ.)]
- Николаев Е. Л., Лазарева Е. Ю. Адаптация и адаптационный потенциал личности: соотношение современных исследовательских подходов. *Вестник психиатрии и психологии Чувашии*. 2013. № 9. С. 18–32. [Nikolaev E. L., Lazareva E. Yu. Adaptation and personality adaptive potential: current research approaches. *Vestnik psikhiatrii i psikhologii Chuvashii*, 2013, (9): 18–32. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rsbqvl>
- Николаева В. В. Влияние хронической болезни на психику: психологическое исследование. М.: МГУ, 1987. 167 с. [Nikolaeva V. V. *Effect of chronic illness on the psyche: psychological research*. Moscow: MSU, 1987, 167. (In Russ.)]
- Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Акад. проект, 2018. 434 с. [Parsons T. *The structure of social action*. Moscow: Akad. projekt, 2018, 434. (In Russ.)]
- Прохорова М. В., Мекка О. А. Инвалидность в контексте теории жизненного мира личности. *Успехи современного естествознания*. 2005. № 1. С. 88–89. [Prokhorova M. V., Mekka O. A. Disability in the context of the theory of the personal life world. *Advances in current natural sciences*, 2005, (1): 88–89. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ijejdl>
- Пуговкина О. Д., Паламарчук Л. С. Социальный интеллект и хронификация депрессии. *Консультативная психология и психотерапия*. 2013. № 1. С. 114–125. [Pugovkina O. D., Palamarchuk L. S. Social intelligence and depression chronicification. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2013, 114–125. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tvfpyp>
- Сергиенко Е. А., Уланова А. Ю., Лебедева Е. И. Модель психического. Структура и динамика. М.: ИП РАН, 2020. 536 с. [Sergienko E. A., Ulanova A. Yu., Lebedeva E. I. *Cognitive model. Structure and dynamics*. Moscow: IP RAS, 2020, 536. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ibfnzm>
- Скороходова Т. Г. Методология познания социальных процессов. Пенза: ПГУ, 2020. 186 с. [Skorokhodova T. G. *Methodology of cognition of social processes*. Penza: PSU, 2020, 186. (In Russ.)]
- Яхин К. К., Менделевич Д. М. Клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний. *Казанский медицинский журнал*. 1978. Т. 59. № 4. С. 51–53. [Yakhin K. K., Mendelevich D. M. Clinical questionnaire for identifying and evaluating neurotic states. *Kazan Medical Journal*, 1978, 59(4): 51–53. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xvinkj>
- Baron-Cohen S. How to build a baby that can read minds: cognitive mechanisms in mind reading. *Cahiers de Psychologie Cognitive / Current Psychology of Cognition*, 1994, 13(5): 513–552.
- Broome M. R. A neuroscience of hysteria? *Current Opinion in Psychiatry*, 2004, 17(6): 465–469. <http://dx.doi.org/10.1097/00001504-200411000-00008>
- Brüne M. "Theory of mind" in Schizophrenia: A Review of the Literature. *Schizophrenia Bulletin*, 2005, 31(1): 21–42. <https://doi.org/10.1093/schbul/sbi002>
- Fonagy P., Gergely G., Jurist E. L., Target M. *Affect regulation, mentalization, and the development of the self*. L.: Routledge, 2002, 592. <https://doi.org/10.4324/9780429471643>

- Frith C. D. Brain mechanisms for 'having a theory of mind'. *Journal of Psychopharmacology*, 1996, 10(1): 9–15. <https://doi.org/10.1177/026988119601000103>
- Green M. F. *Schizophrenia from a neurocognitive perspective: Probing the impenetrable darkness*. Boston: Allyn & Bacon, 1998, 190.
- Hajiran H. Toward a quality of life theory: net domestic product of happiness. *Social Indicators Research*, 2006, 75(1): 31–43. <http://dx.doi.org/10.1007/s11205-004-4646-5>
- Kozłowska K. The developmental origins of conversion disorders. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*, 2007, 12(4): 487–510. <https://doi.org/10.1177/1359104507080977>
- Langdon R., Coltheart M., Ward P. B., Catts S. V. Disturbed communication in schizophrenia: The role of poor pragmatics and poor mind-reading. *Psychological medicine*, 2002, 32(7): 1273–1284. <https://doi.org/10.1017/S0033291702006396>
- McCall S. Quality of life. *Social Indicators Research*, 1975, (2): 229–248. <https://doi.org/10.1007/BF00300538>
- Sirgy M. J. *The psychology of quality of life: Hedonic well-being, life satisfaction, and eudaimonia*. 3rd ed. Springer Nature Switzerland AG, 2021, XXXV+791. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-71888-6>
- Strauss E. Perception of emotional words. *Neuropsychologia*, 1983, 21(1): 99–103. [https://doi.org/10.1016/0028-3932\(83\)90104-5](https://doi.org/10.1016/0028-3932(83)90104-5)
- Van Rooy D. L., Visveswaran C. Emotional intelligence: A meta-analytic investigation of predictive validity and nomological net. *Journal of Vocational Behavior*, 2004, 65(1): 71–95. [https://doi.org/10.1016/S0001-8791\(03\)00076-9](https://doi.org/10.1016/S0001-8791(03)00076-9)
- Wearden A. J., Tarrrier N., Barrowclough C., Zastowny T. R., Rahill A. A. A review of expressed emotion research in health care. *Clinical Psychology Review*, 2000, 20(5): 633–666. [https://doi.org/10.1016/S0272-7358\(99\)00008-2](https://doi.org/10.1016/S0272-7358(99)00008-2)

оригинальная статья

Взаимосвязь гендерных стереотипов и совладания с трудными жизненными ситуациями

Белинская Елена Павловна
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Россия, Москва
<http://orcid.org/0000-0002-3057-5273>
Scopus Author ID: 57221043995
elena_belinskaya@list.ru

Авазматова Фарангис Хуршид кизи
Филиал Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова в городе Ташкенте,
Республика Узбекистан, Ташкент
<https://orcid.org/0009-0004-2504-2685>

Поступила в редакцию 28.06.2023. Принята после рецензирования 20.09.2023. Принята в печать 25.09.2023.

Аннотация: Рассмотрена проблема субъективного переживания трудной жизненной ситуации во взаимосвязи с гендерными ауто-стереотипами у девушек и женщин, имеющих различную степень выраженности мизогинных установок. На первом этапе эмпирического исследования использовались количественные методы: шкальные опросники, направленные на выявление особенностей стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями, характеристик самоотношения, степени выраженности мизогинных установок; на втором – качественные: анализ свободных ассоциаций для определения структуры представлений о жизненных трудностях, типичных для женщин и мужчин; тематический анализ результатов фокус-группового исследования о предпочитаемых стратегиях совладания. Выборка исследования – 312 респонденток 18–45 лет, жительницы г. Ташкент. Результаты свидетельствуют о взаимосвязи между параметрами самоотношения и выраженностью мизогинных установок: чем выше уровень уверенности в себе, самопринятия, саморуководства и открытости в коммуникации, тем в меньшей степени проявляются ощущения своей социальной уязвимости, личностной неполноценности и чувства опасности в ряде жизненных ситуаций; чем выше уровень внутренней конфликтности представлений о себе и склонности к самообвинению, тем более выражены мизогинные установки. Ведущей характеристикой трудной жизненной ситуации остается ее связанность с полоролевой принадлежностью. Структура представлений о типичных трудных ситуациях для женщин оказалась внутренне противоречивой: на уровне ядра доминировали ассоциации о сексуальном и физическом насилии, преимущественно в семье, а на уровне периферии – о характере межличностных отношений в семейной системе. Тематический анализ результатов фокус-групп показал, что возможность использования респондентками различных копинг-стратегий в трудных ситуациях зависит от ограничений, обусловленных мизогинными установками. Сделан вывод о неоднозначной связи выраженности мизогинии как гендерного ауто-стереотипа с особенностями стратегий совладания с трудностями.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, трудная жизненная ситуация, стратегии совладания, мизогиния, самоотношение, структура представлений

Цитирование: Белинская Е. П., Авазматова Ф. Х. Взаимосвязь гендерных стереотипов и совладания с трудными жизненными ситуациями. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 5. С. 635–644. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-635-644>

full article

Gender Stereotypes and Coping with Adversities

Elena P. Belinskaya
Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow
<http://orcid.org/0000-0002-3057-5273>
Scopus Author ID: 57221043995
elena_belinskaya@list.ru

Farangis Kh. Avazmatova
Lomonosov Moscow State University in Tashkent Branch,
Republic of Uzbekistan, Tashkent
<https://orcid.org/0009-0004-2504-2685>

Received 26 Jun 2023. Accepted after peer review 20 Sep 2023. Accepted for publication 25 Sep 2023.

Abstract: Women's subjective experience of life hardships may be connected with gender self-concept and misogynistic attitudes. This empirical study of external and internal misogyny as a gender stereotype consisted of two stages. The first stage relied on such quantitative methods as scale questionnaires to identify the coping strategies,

self-attitudes, and misogynistic ideas. The second stage used two qualitative methods: the free associations method helped to define the concept of adversity in men and women while the thematic analysis identified the default coping strategies in the focus group. The study involved 312 women aged 18–45 y.o. from Tashkent, Uzbekistan. The research revealed a relationship between some parameters of self-attitude and the severity of misogynistic attitudes. For example, prominent self-confidence, self-acceptance, self-guidance, and openness in communication accompanied low scores for social vulnerability, personal inferiority, and a sense of danger. Internal conflicts and self-blame corresponded with strong misogynistic attitudes. In general, the gender role remained a prevailing characteristic of adversity. The adversity concept demonstrated an inner contradiction: the core concentrated on sexual and physical family violence while the periphery was more about interpersonal family relations. The thematic analysis showed that the choice of coping strategy depended on the limitations caused by misogynistic attitudes. However, the relationship between the misogynistic gender stereotyping and the choice of coping strategy proved to be ambiguous.

Keywords: gender stereotypes, difficult life situation, coping strategies, misogyny, self-attitude, structure of representations

Citation: Belinskaya E. P., Avazmatova F. Kh. Gender Stereotypes and Coping with Adversities. *SibScript*, 2023, 25(5): 635–644. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-635-644>

Введение

Традиционно при изучении феномена сексизма исследователи рассматривают его как проявление негативного либо враждебного отношения к представителям гендерных групп, т. е. как идеологию и практику дискриминации людей по признаку пола во всех областях человеческой деятельности [Бем 2004; Unger, Crawford 1993]. Однако эмпирические исследования и современная социальная практика показывают, что психологическое содержание сексистских установок отличается определенной противоречивостью. Так, сегодня предложен новый взгляд на сформировавшиеся «классические» исследования данного феномена, а именно идея об амбивалентности установок, которые могут формироваться по отношению к гендерным группам, о двух сторонах сексизма: наличии как враждебного, так и доброжелательного отношения в рамках одного и того же феномена [Glick et al. 2000; Viki et al. 2003].

Хотя в большинстве случаев сексистские установки рассматриваются как форма отношения к женщинам, примечательно, что при этом довольно редко упоминается такой феномен, как мизогиния (женоненавистничество), который во многом схож с проявлениями враждебного сексизма [Christopher, Mull 2006; Gilmore 2001], но отличается от него по некоторым характеристикам и скорее должен быть определен как отдельное масштабное явление, связанное не только с сексизмом, но и с целым рядом гендерных установок, что на уровне межгрупповых отношений как минимум приводит к переживаниям аутгрупповой дискриминации [Bailey 2021; Jane 2014; Johnson 2014; Wessinger 2020], а как максимум – существенно влияет на процессы социальной стратификации в целом [Bates 2021]. Данное явление может иметь различную степень выраженности и проявляться как через физическое насилие, так и через психологическое,

а способы реализации подобного насилия различны – через финансовую зависимость, социальную изоляцию, объективацию, унижение человека по фактору половой принадлежности. Далеко не всегда мизогиния может быть заметной, явной или демонстративной: она вариативно реализуется на разных этапах социализации [Maccoby, Jacklin 1987]; в силу особенностей уклада того или иного общества может восприниматься как социальная норма и потому не быть «выпуклой» для социального восприятия [Glick et al. 2000]; мизогинный дискурс может быть активно представлен преимущественно в виртуальной коммуникации, как бы «уходя» из пространства реального социального взаимодействия [Jackson et al. 2020; Marwick, Caplan 2018; Zeinert et al. 2021].

Несмотря на уже достаточную укорененность самого термина в гендерной психологии, феномен мизогинии как разновидности гендерных установок до сих пор недостаточно представлен в прикладных исследованиях, что, на наш взгляд, связано с двумя обстоятельствами:

1. Если речь идет об эмпирической операционализации *внутренней* мизогинии, понимаемой как принятие и разделение самими женщинами мизогинных социальных установок [Manne 2019], то она, очевидно, не может быть рассмотрена в отрыве от психологических защит личности, которые в силу своей неосознаваемости ставят под сомнение любые эмпирические данные.

2. Сложности изучения *внешней* мизогинии связаны с социально-оценочной нагруженностью поставленной задачи, решение которой может быть заблокировано доминирующими в том или ином обществе идеологическими установками и прямыми правовыми предписаниями.

Понимая эти ограничения, мы ставили перед собой задачу исследования представлений женщин о феномене мизогинии, что включало в себя, с одной стороны, прояснение вопросов социально дозволенного

и недозволенного, определенного ряда ограничений, стандартов и требований, которые выдвигаются по отношению к женщинам окружающими (близким социальным кругом и обществом в целом), т. е. их восприятия внешней мизогинии, а с другой – изучение женского самоотношения в связи с полоролевой принадлежностью и возможных собственных мизогинных установок как внутренней мизогинии. При этом, как представляется, внутренняя мизогиния может быть тесно связана с трансляцией негативных установок по отношению к своей группе принадлежности, что имеет неоднозначное влияние на ощущение женщиной собственной значимости и ценности, ее самопринятие, уверенность в себе и самоотношение в целом в силу, например, давно отмеченного факта возможности получения субъективных, психологических выгод при социальном стигматизировании [Crocke, Major 1989].

Очевидно, что наиболее «выпукло» представления о внешней и внутренней мизогинии актуализируются в ситуациях, которые представляют какую-либо сложность и требуют совладания, что и обусловило выдвигание основных эмпирических гипотез исследования:

1. Использование респондентками копинг-стратегий в трудных жизненных ситуациях взаимосвязано с мизогинными установками (внутренней мизогинией).
2. Ведущей характеристикой трудной жизненной ситуации для респонденток является ее связанность с фактом их полоролевой принадлежности.

Методы и материалы

Эмпирическое исследование включало в себя два этапа. На первом использовались количественные методы: шкальные опросники, направленные на выявление особенностей стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями, характеристик самоотношения, степени выраженности мизогинных установок. На втором – качественные методы: анализ свободных ассоциаций для определения структуры представлений о жизненных трудностях; тематический анализ результатов фокус-группового исследования.

Шкальные опросники:

- Опросник способов совладания (WC0) Р. Лазаруса и С. Фолкман [Крюкова, Куфтяк 2007];
- опросник «Методика исследования самоотношения» (МИС) С. Р. Панталева [Панталева 1993];
- авторский опросник, направленный на выявление уровня внутренней мизогинии, который включал в себя следующие шкалы: ощущение своей социальной уязвимости; чувство личностной неполноценности; ощущение собственной небезопасности; женская самооценка (в том числе отношение к собственной сексуальности) и приверженность

традиционным гендерным стереотипам. Опросник был разработан на основе пилотажного этапа исследования, проведенного в 2022 г. на выборке в 200 респондентов, и показал свою достаточную конструктивную валидность.

Качественные методы и методики:

- свободные ассоциации на три объекта: типичная трудная жизненная ситуация для мужчины; типичная трудная жизненная ситуация для женщины; ситуация, которая не представляет для меня трудности как женщины; полученные результаты в дальнейшем обрабатывались согласно методике П. Вержеса [по: Бовина 2007];
- фокус-группы, гайд которых был центрирован на характеристиках типичных трудных жизненных ситуаций, связанных с ними переживаний и представлений о себе, а также возможных способах их преодоления; полученные материалы обрабатывались с помощью тематического анализа.

Выборка: всего в исследовании приняли участие 312 респонденток в возрасте от 18 до 45 лет (медиана возраста = 28,4), постоянно проживающие в Ташкенте, русскоязычные, получающие / получившие высшее образование, представительницы различных этнических групп и религиозных конфессий. В рамках качественного этапа исследования было проведено 5 фокус-групп, общее количество участниц – 45 человек (медиана возраста = 22,1), рекрутированных из числа респонденток первого этапа исследования.

Результаты и обсуждение

Первый этап исследования

После проверки на нормальность распределения основных показателей для определения взаимосвязи особенностей самоотношения респонденток и выраженности мизогинных установок использовался коэффициент Спирмена.

Показатели по шкале открытости в самоотношении (напомним, что ее высокие значения характеризуют осознанную закрытость в коммуникации, нежелание выдавать значимую информацию о себе) обратно коррелируют с такими показателями опросника мизогинных установок, как ощущение социальной уязвимости ($r = -0,253$; $p \leq 0,000$), собственной неполноценности ($r = -0,194$; $p = 0,001$), небезопасности в связи с полом ($r = -0,257$; $p \leq 0,000$), а также с отношением к собственному телу и сексуальности ($r = -0,188$; $p = 0,001$).

Подобная связь наблюдается между показателями по шкалам самоуверенности и саморукводства и упомянутыми выше параметрами внутренней мизогинии: чем выше у респондентки уровень уверенности в себе и ощущения своей субъектности, тем ниже чувство

собственной неполноценности ($r = -0,306$; $p \leq 0,000$), социальной уязвимости ($r = -0,361$; $p \leq 0,000$) и небезопасности ($r = -0,267$; $p \leq 0,001$), а отношение к собственному телу и сексуальности лучше ($r = -0,357$; $p \leq 0,000$).

Показатели по шкале *зеркальное Я*, характеризующей представление субъекта о способности вызвать у других людей уважение и симпатию, обратно коррелируют с упомянутыми шкалами авторского опросника, но при этом прямо связаны с таким параметром внутренней мизогинии, как поддержание традиционных стереотипов о роли мужчины и женщины ($r = 0,144$; $p = 0,001$).

Показатели самооценки и самопринятия обратно коррелируют с такими компонентами внутренней мизогинии, как ощущение своей социальной уязвимости ($r = -0,314$; $p \leq 0,000$), личностной неполноценности ($r = -0,359$; $p = 0,001$), небезопасности в связи с полом ($r = -0,214$; $p = 0,001$), с отношением к собственному телу и сексуальности ($r = -0,321$; $p \leq 0,000$).

Показатели по шкале самопривязанности (высокие показатели по ней свидетельствуют о ригидности Я) обратно коррелируют с ощущением социальной уязвимости ($r = -0,308$; $p \leq 0,000$), собственной неполноценности ($r = -0,174$; $p = 0,002$), небезопасности в связи с полом ($r = -0,282$; $p \leq 0,000$), со шкалой отношения к собственному телу и сексуальности ($r = -0,199$; $p \leq 0,000$). Вполне ожидаемо показатели самопривязанности прямо коррелируют со шкалой *поддержание традиционных стереотипов о роли мужчины и женщины* ($r = 0,142$; $p = 0,001$).

Показатели внутренней конфликтности и склонности к самообвинению в структуре самоотношения прямо коррелируют с уже отмечавшимися параметрами внутренней мизогинии: ощущением социальной уязвимости ($r = 0,422$; $p \leq 0,000$), личностной неполноценности ($r = 0,374$; $p \leq 0,000$), небезопасности в связи с полом ($r = 0,326$; $p \leq 0,000$), отношением к собственному телу и сексуальности ($r = 0,338$; $p \leq 0,000$), но при этом демонстрируют хоть и слабую, но прямую взаимосвязь со шкалой женской самооценки ($r = 0,192$; $p \leq 0,001$), что лишний раз свидетельствует о внутренней конфликтности образа себя наших респондентов.

При определении взаимосвязей возможных стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями и выраженности мизогинных установок также использовался критерий Спирмена. Предпочтение такой стратегии совладания с трудностями, как поиск социальной поддержки, имело слабую обратную связь с ощущением своей социальной уязвимости ($r = -0,148$; $p = 0,009$) и личностной неполноценности ($r = -0,200$; $p \leq 0,000$) и прямую – с приверженностью к поддержанию традиционных гендерных стереотипов ($r = 0,151$; $p \leq 0,007$).

Предпочтение типично когнитивной стратегии копинга – планирования решения проблемы – имело прямую корреляцию со шкалой женской самооценки ($r = 0,135$; $p \leq 0,017$) и обратную – с ощущением собственной небезопасности ($r = -0,123$; $p = 0,030$) и отношением к собственному телу и сексуальности ($r = -0,143$; $p \leq 0,000$), что представляется вполне логичным. Неожиданной при этом является связь данной стратегии совладания со шкалой приверженности к традиционным гендерным стереотипам ($r = 0,148$; $p \leq 0,009$). Интересно, что другие стратегии совладания, традиционно относимые к когнитивным (принятие ответственности и конфронтация), не имели никаких значимых корреляций ни с одним из показателей внутренней мизогинии.

Стратегия совладания путем положительной переоценки оказалась обратно связана с ощущением собственной небезопасности ($r = -0,114$; $p = 0,045$) и прямо – с приверженностью к поддержанию традиционных гендерных стереотипов ($r = 0,215$; $p \leq 0,000$). Отметим, что такой эмоционально-ориентированный копинг, как стратегия самоконтроля, не имел корреляций ни с одним из параметров внутренней мизогинии.

Большая часть взаимосвязей особенностей совладания и мизогинных установок наблюдалась для тех стратегий, которые традиционно характеризуют уход от трудной жизненной ситуации. Так, приверженность респондентов к стратегиям избегания и дистанцирования была прямо взаимосвязана с ощущением своей социальной уязвимости ($r = 0,309$; $p \leq 0,000$; $r = 0,203$; $p \leq 0,000$ соответственно), личностной неполноценностью ($r = 0,200$; $p \leq 0,000$; $r = 0,176$; $p = 0,002$), ощущением небезопасности ($r = 0,288$; $p \leq 0,000$; $r = 0,143$; $p \leq 0,000$). Стратегия дистанцирования имела прямую связь с приверженностью к традиционным гендерным стереотипам ($r = 0,117$; $p \leq 0,038$).

Обсуждение результатов первого этапа исследования

Обобщая результаты первого, количественного, этапа исследования, который был посвящен проверке первой гипотезы, отметим следующее.

1. Слабая выраженность мизогинных установок связана с рядом особенностей женского самоотношения: уверенность и восприятие себя как активного субъекта собственной жизни, самопринятие и самооценку коррелируют с ощущением своей безопасности, социальной защищенности, чувством личностной значимости, позитивным отношением к своей телесности и сексуальным проявлениям, но сочетаются с осознанной закрытостью в коммуникации и осторожностью в передаче значимой информации о себе.

2. Высокие показатели внутренней конфликтности Я и склонности к самообвинению связаны с выраженными мизогинными установками: ощущением своей социальной уязвимости, личной небезопасности и неполноценности, негативным отношением к своей телесности и сексуальности, что, судя по всему, отражает и внешний, социальный конфликт, характерный для современного Ташкента, в общественном пространстве которого активно противостоят традиционные и современные представления о гендерных ролях.

3. Высокая приверженность своему Я у респонденток, неготовность что-либо изменить в отношении к себе (самопривязанность) выполняют защитную функцию, повышая ощущение своей безопасности, социальной защищенности, личностной значимости, чему способствует склонность к поддержанию традиционных гендерных стереотипов; это сопровождается негативным отношением к собственному телу и сексуальности, становясь, видимо, основой для восприятия себя как способной вызвать у других людей симпатию и уважение (зеркальное Я).

4. Респондентки с выраженными мизогинными установками и соответственно ощущением своей социальной уязвимости, личностной неполноценности, небезопасности в социальных коммуникациях в трудных ситуациях предпочитают обращаться к стратегиям избегания и дистанцирования. Слабая же выраженность мизогинных установок противоречиво связана с выбором стратегий совладания: с одной стороны, она ведет к поиску социальной поддержки, планированию решения проблемы и положительной переоценке самой ситуации, а с другой – эти конструктивные стратегии копинга активизируют приверженность к традиционным гендерным стереотипам.

5. Обращают на себя внимание отсутствие взаимосвязей мизогинных установок и ряда когнитивно-эмоционально-ориентированных стратегий совладания, а также в целом достаточно слабые корреляционные взаимозависимости вышеперечисленных показателей.

Результаты первого этапа исследования свидетельствуют лишь о частичном подтверждении первой гипотезы. Неоднозначность полученных данных может быть связана, на наш взгляд, с рядом обстоятельств. Во-первых, мизогинные установки могут быть неосознаваемыми в силу психологических защит [Бендас 2006; Малкина-Пых 2006]; во-вторых, они могут табуироваться как социальный феномен, оставаясь не проявляемыми открыто в социальном дискурсе и вместе с тем транслируемыми косвенно [Иллуз 2022]; в-третьих, связанность мизогинных установок с чувствами вины и / или стыда [Манпе 2019] заставляет предположить их амбивалентное влияние на возможные стратегии

совладания с трудными жизненными ситуациями. Немаловажным представляется и то, что разнообразие и гибкость репертуара копинг-стратегий в значительной степени определяются спецификой представлений о самой сложной жизненной ситуации [Folkman 1984; Крюкова 2008; Hobfoll 2001]. В связи с этим и в целях проверки второй гипотезы исследования было принято решение о дальнейшем сборе данных с помощью качественных методов.

Второй этап исследования

Массив свободных ассоциаций на 3 объекта (типичная трудная жизненная ситуация для мужчины; типичная трудная ситуация для женщины; жизненная ситуация, не представляющая для меня трудности как женщины) был обработан согласно прототипическому анализу П. Вержеса, который в современном варианте основан на возможности выделения 4-х основных зон социальных представлений: ядра, первой и второй периферий, зоны контрастирующих элементов [Бовина и др. 2022]. Это дало следующие результаты.

Представления женщин о типичной для мужчин трудной жизненной ситуации. В данном случае в ядре представлений доминировали ассоциации с ситуациями, в которых так или иначе фигурировали финансовые трудности (*потеря работы, нехватка денег, необходимость заработать на шикарную свадьбу*). В зону потенциальных изменений представлений (1-я и 2-я периферии) попали ситуации, связанные с социальными ожиданиями и ограничениями: требования к проявлению маскулинности (*ты мужик и все, должен соответствовать*); ситуации давления со стороны матери или близких родственников, сопровождающиеся чувством невозможности сепарации (*женитьба по выбору мамы, давление со стороны родственников о женитьбе*), а также ассоциации, связанные с физическим здоровьем (*потеря здоровья*). Зона контрастирующих элементов содержала указания на сложности в самореализации и самопринятии, трудности в отношениях с женщинами, обобщающую ситуацию с негативными атрибутами, начинавшуюся со слов *потому что мужчины... (часто дураки, не умеют нормально общаться, в душе гомосексуальны)*.

Представления женщин о типичной для них трудной жизненной ситуации. В ядре представлений женщин о типичной для них трудной жизненной ситуации доминировали ассоциации, в которых так или иначе фигурировали физическое насилие и сексуальные домогательства (*насилие со стороны партнера, муж бьет, вынужденное замужество без любви, пристаёт в транспорте*). В зону потенциальных изменений представлений попали ситуации, связанные с проблемами в отношениях в родительской семье и / или в семье мужа

(плохие отношения в семье, тебя не любят, только терпят), категория потому что женщины..., в которую, подобно обобщающей ситуации для мужчин, вошли ситуации, связанные с сексуальной ориентацией, личностными и / или коммуникативными качествами. Эта зона включала в себя ассоциации, связанные с социальными ожиданиями и ограничениями (давление общества – негласные правила, что девочка не должна делать; ситуации, когда все время думаешь, что так нельзя, не принято). Зона контрастирующих элементов содержала ассоциации с карьерой и самореализацией (трудности в поиске работы, невозможность продолжать учиться).

Представления женщин о ситуации, которая не представляет для нее проблемы. В ядре представлений респонденток о таких ситуациях доминировали ассоциации, в которых фигурировали финансы и карьера (могу позволить себе не работать, могу не зарабатывать). В зону потенциальных изменений вошли ассоциации, связанные с обращением за помощью (могу не носить тяжести самостоятельно, попросить помощи), представления об отношениях с мужчинами (могу манипулировать мужчинами), ситуации, прямо связанные с полом (для меня не представляет трудности родить ребенка). Эта же зона включала в себя ассоциации о личной ответственности в быту (мне нетрудно следить за хозяйством, для меня не проблема готовить на всех) и, что представляется нам важным, особом отношении к себе в силу половой принадлежности (мне могут простить ошибки, потому что я женщина). Зона контрастирующих элементов содержала ассоциации с межличностными отношениями на работе / учебе (мне легче влиться в новый коллектив).

Проведение **фокус-групп** дополнило феноменологическую картину типичных трудностей, которые рефлексируются респондентками. Отметим, что использование качественной методологии оправдало себя: многие участницы фокус-групп упоминали, что не всегда были откровенны при заполнении шкальных опросников на предыдущем этапе (я не отвечала честно на все вопросы – вдруг кто-то узнает?). Тематический анализ расшифровок аудиозаписей дал следующие результаты.

Доминирующей была тема объективного существования мизогинии как навязанного ощущения своей неполноценности и несамостоятельности: подавляющее большинство респонденток указывало на этот социальный факт, комментируя ситуациями из личного опыта: я родилась девочкой, поэтому меня с самого детства сватают – иногда могу прийти с учебы и даже не знать, что дома ждут люди, которым меня будут показывать как невесту; моему брату оплатили обучение за границей, хотя он даже не хотел учиться, а мне нет –

я девочка; будучи девушкой на математическом факультете, я постоянно сталкиваюсь с несправедливостью – если задание у меня получается хорошо, преподаватели думают, что помогал кто-то из юношей.

Второй наиболее частотной темой была тема сексуальной дискриминации и физического насилия, которая вызывала сильные эмоциональные реакции, но иллюстрировалась воспоминаниями о мелких, по словам респонденток, происшествиях: как-то раз ехала в автобусе, была прилично одета, а рядом со мной открыто мастурбировал взрослый мужчина – я отодвигалась, но он постоянно двигался за мной; незнакомые парни на улице начали громко кричать, что я выгляжу, как женщина легкого поведения – а ведь на мне была университетская форма, рубашка и брюки, ничего такого. Все респондентки, рассказывавшие подобные случаи, так или иначе пытались себя оправдать: к историям об уличных домогательствах всегда добавлялись детали, описывающие нормальную одежду или не позднее, приличное, время суток, которые свидетельствовали бы, что это была не моя вина. Иными словами, признание возможной сексуальной агрессии со стороны мужчин и внутреннее сопротивление самообвинению, несмотря на тяжелые эмоциональные переживания, с этим связанные (рассказывать о подобных вещах всегда тяжело: ты внутренне знаешь, что ты не виновата, но тебе всегда хочется уточнить – я была ребенком, я была одета прилично, я не нарывалась), было достаточно типичным, что свидетельствовало о постоянном чувстве личной небезопасности. Участницы напрямую связывали возникновение этого переживания с местом своего проживания, акцентируя в случае наличия соответствующего опыта, что иное социокультурное окружение многое меняет: когда я была в Европе, то совсем не боялась за себя; вернувшись из зарубежной командировки, я долго привыкала к тому, что надо всегда быть начеку.

Некоторые из историй оценивались участницами как особо тяжелые, прежде всего, из-за невозможности получить эмоциональную поддержку от родителей: однажды папа попросил друга подбросить меня к бабушке; по дороге тот заехал к себе домой <...> когда я рассказала родителям, что со мной случилось, они сказали, что я никому не должна об этом рассказывать, иначе опозорю нашу семью... мне тогда было десять лет; когда я была совсем маленькой, незнакомый мужчина в подъезде представлялся доктором и начал трогать меня <...> я сказала потом маме, а она ничего не сделала, и мне до сих пор больно вспоминать об этом. Подчеркнем, что тема пережитого сексуального насилия в ходе фокус-групп часто ассоциативно пересекалась с обсуждением селективных аборт как обыденного факта семейной жизни (мама часто мне рассказывала, как ее подруга избавилась от девочки),

с темой негативного влияния факта рождения девочки на семейные отношения (*мама начала ненавидеть нас с младшей сестрой, когда та родилась – вся папина родня ждала мальчика; папа бросил нас и завел вторую жену, чтобы она родила ему мальчика*).

Представляется, что именно родительская семья становилась для участниц источником первых негативных переживаний из-за факта своей полоролевой принадлежности и формирования собственных мизогинных установок: *с момента моих первых месячных мама говорила мне, что я должна скорее выйти замуж, пыталась убедить, что мне не нужно образование и пора уже задуматься о детях*. Характерно, что одной из доминирующих на фокус-группах стала фраза *ты же девочка*, которая, по словам участниц, сопровождала их жизнь с самого детства: *не сиди так, ты же девочка; пиши аккуратно, ты же девочка и даже ты должна есть меньше, ты же девочка – а ешь, как твой брат*. Отсутствие родительской поддержки в случае несоответствия мизогинным ожиданиям близких родственников сопровождалось фактическим табуированием темы телесных и сексуальных проявлений женщины: *когда у меня начались месячные, я испугалась, думала, что умираю, мне про них никто не рассказывал; мама потом сильно ругала меня, сказала, что так себя вести нельзя; лет до тридцати я даже не представляла, что у женщин может быть оргазм, мне об этом никто не говорил; первые месяцы замужества я плакала, потому что боялась заниматься сексом: мне всю жизнь говорили, что это причиняет только боль*. Соответствие подобным полоролевым предписаниям выступает для семьи как *повышение цены* дочери, в результате – лишение девственности до брака воспринимается как *превращение себя в неликвидный товар*, возврат в родительскую семью после развода оказывается невозможен в силу *бракованности*, а необходимость следования обычаю вывешивания простыни после первой брачной ночи доказывает, что у каждой из нас есть цена.

Ведущими чувствами участниц при столкновении с подобными ситуациями являются страх, вина и стыд, а потому неудивительно, что основными стратегиями совладания становятся избегание и дистанцирование (*я стараюсь не провоцировать; я молчу, хотя внутри все сжимается; люди могут говорить, что хотят – делаю вид, что не слышу*), что, однако, может быть проинтерпретировано и как приращение к стратегии самоконтроля. Так как в значительной степени столкновение с мизогинией происходит в родительской семье, то стратегия поиска социальной поддержки от близких оказывается практически невозможной, а в ряде случаев недоверие распространяется и на более далекий круг коммуникации (*меня не принимают в родной семье,*

что уж говорить о чужих людях; никто не поймет). Возможность конфронтации отмечалась достаточно редко и в основном в ситуациях, когда сексуальные домогательства не были направлены лично: *я за себя постоять никогда не могла, но однажды к моей подруге начал приставать парень на улице – и тогда я почувствовала, что надо ее защитить*. Указаний на такие стратегии совладания, как *планирование решения* проблемы, принятие ответственности и позитивная переоценка, в высказываниях участниц не наблюдалось.

Обсуждение результатов второго этапа исследования

Обобщая результаты второго этапа исследования, посвященного преимущественно проверке второй гипотезы, отметим следующее.

1. Тематический анализ проведенных фокус-групп позволяет утверждать, что полоролевая принадлежность респонденток оказывается решающей как для возникновения многих трудных жизненных ситуаций, так и для поиска, а также выбора ресурсов для того, чтобы с ними справиться. Тем самым можно утверждать, что вторая гипотеза исследования была подтверждена. Мы отдаем себе отчет в возможных ограничениях данного вывода, прежде всего, потому что недостаточный временной интервал между этапами исследования (2 недели) мог спровоцировать респонденток на соответствующие суждения в ходе фокус-групп. Однако, представляется, что в основе все-таки лежала более общая объективная ситуация: столкновение традиционных и современных представлений о гендерных ролях происходит, судя по всему, не столько в широком социальном пространстве Ташкента, сколько в более «закрытом», семейном межличностном взаимодействии, что при создании атмосферы доверия и безопасности на фокус-группах могло вызвать «взрывной эффект».

2. Представления респонденток о типично мужских и женских трудных жизненных ситуациях отличает определенная зеркальность: если для женщин смысловое ядро ситуаций, не представляющих трудности, включает в себя, по их мнению, финансовые и карьерные проблемы, то в ядро представлений о типично мужских трудностях они помещают финансовые затруднения и проблемы с поиском работы; если в зону нетипичного и случайного для возникновения жизненных трудностей у женщин попадают вопросы профессиональной самореализации и отношений на работе, то в аналогичном случае для мужчин речь идет о трудностях в межличностных отношениях и самопринятии. Ядро же женских представлений о трудных ситуациях составляют отсылки к физическому и / или сексуальному насилию

со стороны близкого и далекого мужского окружения, что в случае представлений о мужских трудностях превращается в проблемы противостояния психологическому давлению со стороны близких женщин (прежде всего, матери) и входит в зону периферии, т. е. все же имеет возможность измениться.

3. Как и в случае результатов первого этапа исследования, обращает на себя внимание конфликтность представлений участниц о себе: испытывая спектр негативных переживаний, связанных с внешней и внутренней мизогинией (страх, стыд, вина, обида на близких), они тем не менее считают, что именно в силу полоролевой принадлежности избегают многих жизненных трудностей (прежде всего, связанных с материальным обеспечением себя и профессиональной самореализацией) и могут рассчитывать на определенное снисхождение. В этом плане много раз упоминаемое *ты же девочка* становится не только социальным ограничением, но и своеобразным разрешением на ошибки, подтверждая факт возможной амбивалентности гендерных установок [Glick al. 2000].

4. Результаты данного этапа исследования во многом подтверждают отмеченные на первом этапе особенности выбираемых респондентками стратегий совладания с трудностями: доминирование избегания и дистанцирования при более слабой выраженности когнитивно- и эмоционально-ориентированных копингов, а также сложности с реализацией поиска социальной поддержки. Подобное сужение копингового репертуара свидетельствует как о возможном доминировании психологических защит в случае столкновения с трудностями [Hobfoll 2001], так и о влиянии мизогинных установок на социальное поведение [Manne 2019], но в любом случае отражает наличие своеобразной позиции сохранения Я в трудных ситуациях, связанных с полоролевой принадлежностью.

5. Отметим определенную парадоксальность ряда полученных результатов: слабая уверенность в ценности себя как личности (во многом из-за сомнений в праве на выбор активных действий) закономерно заставляет респонденток искать способы ее повышения, но последние видятся преимущественно через получение образования и профессиональную карьеру, что не только не входит в зону изменчивости гендерных представлений, но находится в незначимом сегменте с точки зрения смысла. Менее всего участницы исследования ориентированы на открытый диалог со своим близким и далеким социальным окружением (недоверие выступает в данном случае как еще один способ защиты и усиления Я [Иллуз 2022]), что оставляет открытым вопрос о возможных источниках изменений социально-нормативных гендерных предписаний.

Заключение

Дана эмпирическая операционализация внешней и внутренней мизогинии как гендерного стереотипа. Результаты свидетельствуют о взаимосвязи между параметрами самоотношения и выраженностью мизогинных установок: чем выше уровень уверенности в себе, самопринятия, саморукводства и открытости в коммуникации, тем менее проявляются ощущения своей социальной уязвимости, личностной неполноценности и чувства опасности в ряде жизненных ситуаций, а чем выше уровень внутренней конфликтности представлений о себе и склонности к самообвинению, тем более выражены мизогинные установки. Ведущей характеристикой трудной жизненной ситуации для респонденток остается ее связанность с фактом их полоролевой принадлежности. Структура представлений о типичных трудных ситуациях для женщин оказалась внутренне противоречивой: на уровне ядра доминировали ассоциации о сексуальном и физическом насилии, преимущественно в семье, а на уровне периферии – о характере межличностных отношений в семейной системе. Тематический анализ результатов фокус-групп показал, что возможность использования респондентками различных копинг-стратегий в трудных ситуациях зависит от ограничений, обусловленных мизогинными установками. Сделан вывод о неоднозначной связи выраженности мизогинии как гендерного ауто-стереотипа с особенностями стратегий совладания с трудностями.

Остановимся кратко на ограничениях проведенного исследования, которые видятся нам в следующем:

1. Сочетание количественной и качественной методологии при всех плюсах, состоящих в возможности более детализированного прояснения феноменологии проблемы, ставит отдельной задачей соотнесение полученных результатов.

2. Эмоциональная и ценностная нагруженность темы гендерных установок, особенно в таком крайнем их варианте, мизогинные установки, неизбежно ставит под сомнение достоверность полученных данных.

3. Изучение копинга в его взаимосвязи с представлениями о возможной или реальной гендерной дискриминации, очевидно, должно строиться на возможности кросс-культурного анализа, которой мы в данном случае были лишены в силу организационных причин.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. П. Белинская – концептуализация идеи, формулирование целей и задач, разработка методологии, анализ данных, редактирование текста. Ф. Х. Авазматова – проведение эмпирического исследования, обработка данных, написание текста.

Contribution: E. P. Belinskaya developed the research concept, objectives, and methodology, performed the data analysis, and proofread the manuscript. F. Kh. Avazmatova conducted the empirical research, processed the data using statistical and qualitative methods, and wrote the draft.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, проект № 22-18-00230 «Предикторы психологической адаптации личности в ситуации глобальных рисков цифрового мира: межпоколенный и гендерный анализ».

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00230: Predictors of psychological adaptation in the situation of global digital risks: intergenerational and gender analysis.

Литература / References

- Бем С. Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004. 334 с. [Bem S. L. *The lenses of gender: Transformation of debate on Sexual inequality*. Moscow: ROSSPEN, 2004, 334. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxlmst>
- Бендас Т. В. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2006. 431 с. [Bendas T. V. *Gender psychology*. St. Petersburg: Piter, 2006, 431. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zflhkv>
- Бовина И. Б. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект Пресс, 2007. 256 с. [Bovina I. B. *Social psychology of health and disease*. Moscow: Aspekt Press, 2007, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxrzdz>
- Бовина И. Б., Дворянчиков Н. В., Мельникова Д. В., Лаврешкин Н. В. К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны. *Социальная психология и общество*. 2022. Т. 13. № 3. С. 8–25. [Bovina I. B., Dvoryanchikov N. V., Melnikova D. V., Lavreshkin N. V. Studying social representations: an outsider's perspective. *Social Psychology and Society*, 2022, 13(3): 8–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/sps.2022130302>
- Иллюз Е. Почему любовь уходит? Социология негативных отношений. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2022. 352 с. [Illouz E. *The end of love: A sociology of negative relations*. Moscow-Berlin: Direkt-Media, 2022, 352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tstthe>
- Крюкова Т. Л. Человек как субъект совладающего поведения. *Психологический журнал*. 2008. Т. 29. № 2. С. 88–95. [Kryukova T. L. A man as a subject of coping behavior. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2008, 29(2): 88–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/inmjah>
- Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ). *Журнал практического психолога*. 2007. № 3. С. 93–112. [Kryukova T. L., Kuftyak E. V. Questionnaire of ways of control (adaptation of a technique of WCQ). *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 2007, (3): 93–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygcfyx>
- Малкина-Пых И. Г. Гендерная терапия. М.: Эксмо, 2006. 926 с. [Malkina-Pykh I. G. *Gender therapy*. Moscow: Eksmo, 2006, 926. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qlnqlr>
- Пантилеев С. Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с. [Pantileev S. R. *Methodology of self-attitude research*. Moscow: Smysl, 1993, 32. (In Russ.)]
- Bailey M. *Misogyny transformed: Black women's digital resistance*. NY: NYU Press, 2021, 248.
- Bates L. *Men who hate women: From incels to pickup artists: The truth about extreme misogyny and how it affects us all*. Naperville: Sourcebooks, 2021, 416.
- Christopher A. N., Mull M. S. Conservative ideology and ambivalent sexism. *Psychology of Women Quarterly*, 2006, 30(2): 223–230. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1111/j.1471-6402.2006.00284.x>
- Crocker J., Major B. Social stigma-and self-esteem: The self-protective properties of stigma. *Psychological Review*, 1989, 96(4): 608–630. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0033-295X.96.4.608>
- Folkman S. Personal control and stress and coping processes: A theoretical analysis. *Journal of Personal and Social Psychology*, 1984, 46(4): 839–852. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.46.4.839>
- Gilmore D. *Misogyny: The male malady*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001, 272.
- Glick P., Fiske S. T., Mladinic A., Saiz J. L., Abrams D., Masser B., Adetoun B., Osagie J. E., Akande A., Alao A., Annetje B., Willemsen T. M., Chipeta K., Dardenne B., Dijksterhuis A., Wigboldus D., Eckes T., Six-Materna I., Expósito F., Moya M., Foddy M., Kim H.-J., Lameiras M., Sotelo M. J., Mucchi-Faina A., Romani M., Sakalli N., Udegbe B., Yamamoto M., Ui M., Ferreira M. C., López W. L. Beyond prejudice as simple antipathy: Hostile and benevolent sexism across cultures. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000, 79(5): 763–775. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0022-3514.79.5.763>

- Hobfoll S. E. The influence of culture, community, and the nested-self in the stress process: Advancing conservation of resources theory. *Applied Psychology: An International Review*, 2001, 50(3): 337–421. <https://doi.org/10.1111/1464-0597.00062>
- Jackson S. J., Bailey M., Foucault W. *#HashtagActivism: Networks of race and gender justice*. Cambridge: MIT Press, 2020, 296. <https://doi.org/10.7551/mitpress/10858.001.0001>
- Jane E. A. "Back to the kitchen, cunt": speaking the unspeakable about online misogyny. *Continuum*, 2014, 28(4): 558–570. <https://doi.org/10.1080/10304312.2014.924479>
- Johnson A. G. *The gender knot: unraveling our patriarchal legacy*. 3rd ed. Philadelphia: Temple University Press, 2014, 322.
- Maccoby E. E., Jacklin C. N. Gender segregation in childhood. *Advances in Child Development and Behavior*, 1987, 20: 239–287. [https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/S0065-2407\(08\)60404-8](https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/S0065-2407(08)60404-8)
- Manne K. *Down girl: The logic of misogyny*. Ithaca, NY: Oxford University Press, 2019, 368.
- Marwick A. E., Caplan R. Drinking male tears: Language, the manosphere, and networked harassment. *Feminist Media Studies*, 2018, 18(4): 543–559. <https://doi.org/10.1080/14680777.2018.1450568>
- Unger R. K., Crawford M. Sex and gender: The troubled relationship between sex and gender. *Psychological Science*, 1993, 4(2): 122–124. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.1993.tb00473.x>
- Viki T. G., Abrams D., Hutchison P. The "true" romantic: Benevolent sexism and paternalistic chivalry. *Sex Roles*, 2003, 49(9–10), 533–537. <https://doi.org/10.1023/A:1025888824749>
- Wessinger C. *Theory of women in religions*. NY: NYU Press, 2020, 232.
- Zeinert P., Inie N., Derczynski L. "Annotating Online Misogyny". *Proceedings of the 59th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 11th International Joint Conference on Natural Language Processing. Vol. 1: Long Papers*, 1–6 Aug 2021. Stroudsburg: Association for Computational Linguistics, 2021, 3181–3197. <http://dx.doi.org/10.18653/v1/2021.acl-long.247>

оригинальная статья

Маскулинность и фемининность в социальном взаимодействии: сравнительный анализ

Титова Ольга Ивановна

Сибирский юридический институт МВД России, Россия, Красноярск

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, Россия, Красноярск

<https://orcid.org/0000-0002-9983-6144>

944058@mail.ru

Поступила в редакцию 26.01.2023. Принята после рецензирования 10.04.2023. Принята в печать 17.04.2023.

Аннотация: Система гендерных отношений, будучи консервативной, тем не менее претерпевает в современном обществе существенные изменения. Цель – выявить различия построения социального взаимодействия в группах людей с разным уровнем маскулинности и фемининности. Методы: авторский опросник гендерных установок; авторский опросник социального взаимодействия с людьми маскулинного и фемининного типов. Оценивались параметры взаимодействия: состязательность – поддержка, враждебность – симпатии, роль материальных – нематериальных ресурсов, сходство – различия ценностей, контроль, зависимость, частота контактов и продолжительность отношений. Проведен дисперсионный анализ ANOVA, T-test средних значений (IBM SPSS 27.0). Выборка исследования: 388 респондентов (43 % мужчин и 57 % женщин), 18–70 лет. Обнаружились отличия в оценках симпатий между людьми с разным гендерным типом, в оценках временного аспекта взаимодействия, в оценках соперничества и соревновательности, в оценках вынужденности взаимодействия, в оценках своей зависимости и зависимости партнера по взаимодействию, наличия контроля в отношениях, дружеской поддержки и взаимопомощи. Наибольшее количество статистически значимых особенностей выявлено во взаимодействии маскулинных людей с людьми фемининного типа: отмечают различия ценностей; не склонны считать их симпатичными людьми; соперничают с ними более, чем с другими; стремятся контролировать их действия; отмечают зависимость от себя; мало используют нематериальные ресурсы и др. Сделан вывод, что маскулинность и фемининность играют разную роль в организации социального взаимодействия. Влияние маскулинности более заметно с позиции субъекта взаимодействия, оно делает построение взаимодействия более избирательным. Фемининность имеет большую значимость в контексте учета особенностей партнера по взаимодействию.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, параметры, межгрупповое сравнение, маскулинность, фемининность, маскулинный тип, фемининный тип

Цитирование: Титова О. И. Маскулинность и фемининность в социальном взаимодействии: сравнительный анализ. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 5. С. 645–654. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-645-654>

full article

Masculinity and Femininity in Social Interaction: An Intergroup Analysis

Olga I. Titova

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russia, Krasnoyarsk

Krasnoyarsk State Pedagogical University, Russia, Krasnoyarsk

<https://orcid.org/0000-0002-9983-6144>

944058@mail.ru

Received 26 Jan 2023. Accepted after peer review 10 Apr 2023. Accepted for publication 17 Apr 2023.

Abstract: The system of gender relations, conservative as it may seem, is currently undergoing some major changes. This research addressed the differences in social interaction in groups of people with different levels of masculinity and femininity. It relied on authentic questionnaires of gender attitudes and social interaction for different gender types. Interaction parameters included competition vs. support, hostility vs. sympathy, material vs. non-material priorities, values, control, dependence, and frequency/time of relationships. The results were subjected to ANOVA and T-test

(IBM SPSS 27.0). The experiment involved 388 respondents (43% men, 57% women) aged 18–70 y.o. The gender type appeared to affect such aspects of relationships as time, sympathy, competitiveness, forced interaction, dependence on oneself and partner, control, friendly support, and mutual assistance. The largest number of statistically significant features belonged to the interaction between masculine and feminine types. They neither shared the same values nor sympathized with each other, had competitive and unequal relationships, expressed self-dependence, avoided non-material resources, etc. Masculinity and femininity proved to play different roles in the organization of social interaction. The effect of masculinity was more prominent in relationships, making masculine-type people pickier in their choice of partners. The participants with prevailing femininity tended to adapt to their partner's character profile.

Keywords: social interaction, parameters, intergroup comparison, masculinity, femininity, masculine type, feminine type

Citation: Titova O. I. Masculinity and Femininity in Social Interaction: An Intergroup Analysis. *SibScript*, 2023, 25(5): 645–654. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-645-654>

Введение

Проблемы гендерных отношений, гендерного поведения личности и группы, измеряемого маскулинностью и фемининностью, в последнее десятилетие с разной степенью частоты становятся объектом внимания в обществе. Обусловлено это тем, что система гендерных отношений, будучи едва ли не самой консервативной подсистемой общества, претерпевает в современных условиях существенные изменения. Вместе с тем процессы взаимодействия в этой сложной системе социальных отношений остаются мало изученными, что затрудняет оптимизацию общения и взаимодействия с учетом гендерного фактора.

Цель работы – выявить различия построения социального взаимодействия в группах людей с разным уровнем маскулинности и фемининности.

Анализ публикаций по теме позволил выделить несколько направлений исследований. Первое направление связано с изучением влияния содержания представлений о маскулинности и фемининности в обществе на отношения в разных сферах жизни. Так, И. С. Клецина и Е. В. Иоффе в исследовании гендерных норм и их связи с моделями маскулинности и фемининности представили теоретическую концепцию и методический подход к изучению гендерных норм традиционалистского и эгалитарного типов [Клецина, Иоффе 2023]. Установленная Е. В. Воропай полярность представлений о маскулинности и фемининности у современной молодежи интерпретируется в контексте трудностей адаптации в обществе и кризисных явлений в становлении гендерной идентичности [Воропай 2018]. Распространение в обществе гендерной толерантности приводит к размыванию границ традиционных гендерных норм [Урсова 2014]. Индивидуальное понимание конструкта *маскулинность – фемининность* учитывается В. А. Кочневым при выборе стратегии психотерапии дезадаптивного полоролевого поведения [Кочнев 2019]. Социальные представления о маскулинности и фемининности, их влияние на самооценку внешности легли в основу тренинга по снижению

влияния лукизма и лукофобии в молодежной среде [Шкурко, Дроздова 2019]. В исследовании представлений турецких мужчин о маскулинности Н. Eslen-Ziya, G. Fişek и Н. Boratav отмечают распространение эгалитарных гендерных норм в ведении домашнего хозяйства [Eslen-Ziya et al. 2021]. S. J. Stroessner и коллеги установили в экспериментах с восприятием геометрических фигур и форм влияние представлений о маскулинности и фемининности на категоризацию объектов окружающего мира [Stroessner et al. 2020].

Второе направление представлено исследованиями маскулинности и фемининности в связи с профессиональной деятельностью. Например, М. Lee и L. J. Gray обосновывают разрыв в оплате труда влиянием гендерных стереотипов [Lee, Gray 2021]. Двойные стандарты карьеры мужчин и женщин в связи с гендерными стереотипами профессионального спорта анализируются Т. V. Ryba и др. в глубинных интервью с молодыми спортсменами мужского и женского пола [Ryba et al. 2021]. Трудности привлечения школьников к востребованным в обществе STEM-профессиям обсуждаются в связи с гендерной культурой педагогов разных ступеней образования [Штылева 2018]. Маскулинность африканских полицейских проявляет себя во взаимодействии с жертвами домашнего насилия, создавая препятствия в борьбе с ним и снижая результативность профилактики [Yalley, Olutayo 2020]. В исследовании с участием российских сотрудников полиции установлена связь маскулинности с отношением к конкуренции и восприятием поддержки от коллег, а фемининности – с пониманием ответственного поведения и построением взаимодействия с опорой на симпатии и уважение [Титова 2020].

Третье направление исследований изучает роль маскулинности и фемининности в общении, а также взаимосвязи их с иными психологическими характеристиками. Например, восприятие эмоциональных манипуляций и характер эмпатии варьируется при гендерной угрозе [Grieve et al. 2019], в том числе при угрозе

маскулинности часто возникает дискомфорт и гнев, чего не наблюдается при подтверждении гендерной идентичности [Vescio et al. 2021]. У юношей и девушек с ростом маскулинности возрастает склонность к физической агрессии, снижается обидчивость и чувство вины; с ростом фемининности становится ниже физическая агрессия и выше раздражительность [Борисова, Бирякина 2016]. С ростом фемининности жизнестойкость личности возрастает за счет стремления к развитию и готовности извлекать опыт, с ростом маскулинности она возрастает за счет убежденности личности в своем влиянии на ситуацию [Титова 2021]. В исследованиях межгрупповых отношений S. Atwood и J. R. Axt установили, что при восприятии гендерно-конформных людей и андрогинных людей процессы социального познания различаются характером установок и скоростью оценивания других людей [Atwood, Axt 2021]. Наличие установки на трансгендерность, как показывают исследования N. Wittlin и коллег, определяет восприятие лица партнера по взаимодействию как менее мужественного или менее женственного [Wittlin et al. 2018]. Изучая предубеждения, D. S. Ma, J. Correll и B. Wittenbrink пришли к выводу, что чем четче определен прототип группы по своей гендерной и / или расовой принадлежности, тем более сильные стереотипы о ней возникают [Ma et al. 2018]. Отмечаются гендерные различия в построении медиативных отношений, выборе стиля регулирования конфликта в повседневном взаимодействии [Буткевич 2022]. Изучая причины воспроизводства гендерных стереотипов путем анализа изображений мужчин и женщин в СМИ, S. A. Lamer и M. Weisbuch установили связь восприятия мужчин как более сильных и доминирующих в обществе с традициями изображения мужчин более высокими, чем женщины [Lamer, Weisbuch 2019]. В статье E. D. Cohen описываются различия стилей взаимодействия обучающихся с преподавателями: женщины более склонны к инструментальному взаимодействию, а мужчины – к взаимодействию по поводу обсуждения идей и участия в исследованиях [Cohen 2018].

Для обоснования подхода к изучению межгрупповых особенностей социального взаимодействия людей с разным уровнем маскулинности и фемининности обратимся выборочно к исследованиям социальных групп [Балева 2018; 2019; Журавлёв, Емельянова 2009; Позняков 2018; Позняков, Титова 2014; Сушков 1999] и отметим несколько важных, на наш взгляд, моментов. Так, В. П. Позняков отмечает, что на современном этапе изучения групповых субъектов активно используются категории *представления, отношения, сознание* и т. п., ранее применявшиеся преимущественно для анализа индивидуальной психики [Позняков 2018: 33]. Механизм возникающей при этом групповой динамики

И. Р. Сушков описывает так: «люди обмениваются своими отношениями, и вместе с ощущением разделенности отношений совокупность индивидов, обладающая ими, начинает приобретать качества субъектности: начинают формироваться групповые границы, создается образ прототипного представителя группы, появляются специфические групповые феномены и т. п.» [Сушков 1999: 157]. В таком случае обмен отношениями и восприятие ситуации как межгрупповой возникает даже в случае простого присутствия представителей своей группы [Сушков 1999: 307].

Среди эмпирических исследований последних лет отметим работы М. В. Балевой по изучению ингрупповых и аутгрупповых стереотипов представителей гендерных групп [Балева 2018; 2019]. Для обоснования подхода к изучению условных групп как субъектов психологических отношений (на основе осознания ими своего сходства и / или отличий с другими), которые могут вступать в отношения с другими группами, приведем вывод М. В. Балевой: «сходство характеров также может являться основанием для осознания себя в качестве "одного из" условной группы "робких", "настоящих", "беспринципных" и т. д.» [Балева 2019: 79]. То есть основанием для формирования условной группы могут выступать и личностные качества. Аналогичный подход мы используем в анализе отношений групп, объединенных по выраженности маскулинности и фемининности: людей с высокой маскулинностью / высокой фемининностью к людям маскулинного / фемининного типов.

Методы и материалы

В исследовании приняли участие 388 респондентов: 43 % мужчин и 57 % женщин; возраст – 18–70 лет.

Методы: авторский опросник гендерных установок для оценки уровня маскулинности и фемининности респондентов [Титова 2021], разработанный на основе понимания маскулинности и фемининности, предложенного Г. Хофстеде. Маскулинность определяется им через различия между мужчинами и женщинами, их разные роли в семье, различия в эмоциональной сфере и реализуемых жизненных устремлениях. Фемининность же характеризуется сходством ролей мужчин и женщин в семье, сходством их эмоциональной сферы и поведения. В опросник вошло 18 установок маскулинного и фемининного типа. Респондентам предлагалось оценить, насколько они разделяют установки, используя 5-балльную шкалу с вариантами ответов: нет; скорее нет, чем да; ни то, ни другое; скорее да, чем нет; да.

Также использовался авторский опросник социального взаимодействия, с помощью которого респонденты оценивали свое взаимодействие с двумя типами людей. Первый тип характеризуют черты: склонность

к лидерству, смелость, напористость, способность руководить, доминирование (маскулинный тип). Второй тип характеризуют черты: стремление утешить, нежность, склонность к проявлению чувств, дружелюбие, мягкость в высказываниях (фемининный тип). Описание составлено на основе черт личности маскулинного и фемининного типов из российского аналога опросника С. Бем [Лопухова 2013].

Анализировались параметры взаимодействия: состоятельность – поддержка, враждебность – симпатии, роль материальных – нематериальных ресурсов, сходство – различия ценностей, контроль, зависимость, частота контактов и продолжительность отношений. На их основе сформулированы 22 утверждения, характеризующие взаимодействие: от лица респондента (например: *я зависю от этого человека*); адресованы партнеру (*этот человек зависит от меня*); обобщенно (*у нас различные ценности*). Респондентам предлагалось оценить, насколько точно утверждения характеризуют их взаимодействие с каждым из двух типов людей, описание которых давалось с помощью представленных выше наборов черт. Для оценки использовалась 5-балльная шкала, где 1 – полностью неверно, 5 – полностью верно.

Математико-статистические методы: дисперсионный анализ ANOVA, T-test средних значений (выполнены с использованием IBM SPSS 27.0).

Гипотеза: взаимодействие с людьми маскулинного и фемининного типов в группе респондентов с высокой маскулинностью будет иметь больше различий, чем в группе респондентов с высокой фемининностью.

Для межгруппового анализа параметров социального взаимодействия проведен сравнительный анализ среднегрупповых показателей социального взаимодействия людей с высоким уровнем маскулинности / фемининности с людьми маскулинного / фемининного типов. Далее описаны результаты анализа только тех параметров социального взаимодействия, по которым выявлены статистически значимые различия.

Результаты

Для определения уровня маскулинности и фемининности респондентов была проведена стандартизация полученных данных с использованием процентильной шкалы n-стеннов. Респонденты, чьи индивидуальные значения соответствуют 8, 9 или 10 стенам, отнесены к подгруппе с высоким уровнем маскулинности, аналогичным образом определены респонденты с высоким уровнем фемининности. Респонденты, у которых одновременно обе характеристики – маскулинность и фемининность – соответствуют высокому (андрогинность) или низкому уровню, на данном этапе исследования в анализе не участвовали.

Анализ показал несколько отличительных особенностей социального взаимодействия респондентов с высокой маскулинностью / фемининностью с людьми маскулинного / фемининного типов. Отличия обнаружались по таким характеристикам, как оценка симпатий к людям того или иного гендерного типа, временной аспект взаимодействия, оценка соперничества и соревновательности в отношениях, оценка вынужденности взаимодействия, субъективное восприятие своей зависимости и зависимости партнера по взаимодействию, наличие контроля в отношениях, дружеской поддержки и взаимопомощи. На основе результатов дисперсионного анализа ANOVA опишем их более подробно, сопоставляя показатели разных групп между собой (табл. 1).

Во-первых, обратимся к временному аспекту взаимодействия. Характеризуя отношения с людьми фемининного типа, респонденты с высоким уровнем фемининности отмечают долгосрочный характер взаимодействия между ними, по сравнению с респондентами с низким уровнем фемининности ($p = 0,027$). При этом группы с высоким и низким уровнем маскулинности по этому показателю взаимодействия почти не отличаются друг от друга. Интересно отметить, что этот же самый аспект отношений – долгосрочный характер взаимодействия – респонденты с высоким уровнем маскулинности отмечают как присущий их отношениям с людьми маскулинного типа ($p = 0,031$), что отличает их от респондентов с низким уровнем маскулинности. Между респондентами же с высокой и низкой фемининностью различия по этому параметру минимальны. Таким образом, долгосрочный характер взаимодействия субъекты отношений отмечают с представителями гендерных групп, подобных им по гендерным характеристикам: маскулинные – с маскулинными, фемининные – с фемининными.

Во-вторых, во взаимодействии с людьми фемининного типа респонденты с высокой маскулинностью несколько чаще соревнуются с ними и соперничают ($p = 0,001$). Хотя в целом такой формат взаимодействия они оценивают как относительно редкий и не свойственный им в отношениях с людьми фемининного типа. Фемининные респонденты соперничают и соревнуются с людьми фемининного типа еще реже, чем маскулинные респонденты. Возможно, это связано с тем, что люди фемининного типа воспринимаются маскулинными людьми как недостаточно сильные по своим личностным характеристикам соперники, с которыми потому не стоит соревноваться и вступать в конкурентные отношения. Напомним, что людей фемининного типа отличают такие личностные черты, как стремление утешить, нежность, склонность к проявлению чувств, дружелюбие и мягкость высказываний.

Табл. 1. Параметры социального взаимодействия респондентов с разным уровнем маскулинности и фемининности
Tab. 1. Social interaction parameters in respondents with different levels of masculinity and femininity

Характеристики отношений	Сравниваемые группы		Среднее, М	Ст. откл., σ	р
Долгосрчный характер взаимодействия с людьми фемининного типа	по фемининности	высокая	3,81	0,827	0,027
		низкая	3,46	0,996	
	по маскулинности	высокая	3,53	0,968	-
		низкая	3,6	0,851	
Оценка соревнования и соперничества в отношениях с людьми фемининного типа	по маскулинности	высокая	2,43	1,144	0,001
		низкая	1,97	0,934	
	по фемининности	высокая	2,09	1,027	-
		низкая	2,31	1,106	
Оценка симпатии к людям фемининного типа	по маскулинности	высокая	3,43	1,166	0,014
		низкая	3,85	0,844	
	по фемининности	высокая	3,78	0,826	-
		низкая	3,56	1,142	
Оценка вынужденности и отсутствия интереса к взаимодействию с людьми фемининного типа	по маскулинности	высокая	2,19	0,907	0,011
		низкая	1,96	0,75	
	по фемининности	высокая	2,11	0,918	-
		низкая	2,11	0,952	
Оценка своего контроля действий людей фемининного типа	по маскулинности	высокая	2,66	1,083	0,046
		низкая	2,43	1,0	
	по фемининности	высокая	2,52	1,039	-
		низкая	2,66	1,068	
Оценка зависимости от себя людей маскулинного типа	по маскулинности	высокая	2,18	0,936	0,005
		низкая	1,87	0,731	
	по фемининности	высокая	2,03	0,805	-
		низкая	2,06	0,877	
Оценка зависимости от себя людей фемининного типа	по маскулинности	высокая	2,69	1,068	0,008
		низкая	2,25	1,0	
	по фемининности	высокая	2,44	0,963	-
		низкая	2,53	1,052	
Оценка дружеской поддержки и взаимопомощи в отношениях с людьми маскулинного типа	по маскулинности	высокая	3,09	0,938	0,043
		низкая	2,85	0,91	
	по фемининности	высокая	2,94	0,992	-
		низкая	3,07	0,935	
Долгосрчный характер взаимодействия с людьми маскулинного типа	по маскулинности	высокая	3,17	0,959	0,031
		низкая	2,89	0,873	
	по фемининности	высокая	3,0	0,952	-
		низкая	3,02	0,969	

Прим.: Курсивом выделены данные, приведенные для сравнения с аналогичными параметрами социального взаимодействия другой гендерной группы.

Респонденты с высокой маскулинностью и с высокой фемининностью отмечают, что в целом их взаимодействие с людьми фемининного типа не является вынужденным и достаточно интересно. Вместе с тем среди респондентов с высокой маскулинностью все-таки чаще других указывается на отсутствие интереса и в некоторой степени вынужденный характер взаимодействия с людьми фемининного типа ($p = 0,011$). Возможно, это объясняется тем, что маскулинные респонденты чаще отмечают разницу в ценностях с людьми фемининного типа ($p = 0,028$), реже оценивают людей с фемининными чертами характера как симпатичных и приятных ($p = 0,05$). По этой характеристике взаимодействия наблюдаются выразительные межгрупповые отличия: фемининные респонденты чаще оценивают других фемининных людей как приятных, вызывающих симпатию. При этом респонденты с высокой маскулинностью гораздо реже респондентов с низкой маскулинностью склонны считать людей фемининного типа приятными и симпатичными во взаимодействии ($p = 0,014$).

В-третьих, характеризуя свое взаимодействие с людьми фемининного типа, маскулинные респонденты чаще отмечают наличие со своей стороны контроля ($p = 0,046$) и зависимость людей фемининного типа от них ($p = 0,008$). Респонденты с низким уровнем маскулинности отмечают, что изредка они контролируют действия людей фемининного типа, но еще реже считают, что те находятся в зависимости от них. По всей видимости, в таком характере построения взаимодействия маскулинными респондентами проявляется патерналистская позиция по отношению к людям фемининного типа, которые стереотипно воспринимаются более слабыми, нуждающимися в опеке и покровительстве со стороны стремящихся к доминированию людей с маскулинными чертами.

В отличие от воспринимаемой зависимости людей с фемининными чертами, описанной нами выше, зависимость от себя людей с маскулинными чертами респонденты с высокой маскулинностью оценивают иначе. Они считают, что зависимость между двумя маскулинными людьми возникает во взаимодействии гораздо реже ($p = 0,005$), чем зависимость фемининной личности от маскулинной. Люди с высокой и низкой фемининностью оценивают ее почти одинаково – как мало проявляющуюся в их взаимодействии с человеком, обладающим маскулинными чертами, а респонденты с низкой маскулинностью вообще не склонны считать, что от них может зависеть смелый, напористый, способный руководить человек.

Присутствуют значимые отличия между маскулинными и фемининными респондентами в восприятии ими дружеской поддержки и взаимопомощи

в отношениях с людьми маскулинного типа. Респонденты с высокой маскулинностью считают, что им она более свойственна как основа отношений с людьми маскулинного типа, чем респонденты с низкой маскулинностью ($p = 0,043$). И в этом они сильно схожи в своем восприятии взаимодействия с респондентами с низкой фемининностью, которые практически аналогично описали свое взаимодействие с маскулинными людьми как основанное на дружеской поддержке и взаимопомощи.

Дополним полученные данные результатами T-test средних значений в группах респондентов с высокой маскулинностью и высокой фемининностью по тем параметрам, по которым обнаружили значимые различия. Во-первых, подтвердились отмеченные выше отличия: маскулинные респонденты чаще вступают в соревнование и соперничество с людьми фемининного типа ($p = 0,007$), чем фемининные респонденты. Во-вторых, подтвердилось, что действительно фемининные респонденты считают людей фемининного типа чаще более приятными и симпатичными, чем маскулинные респонденты.

Вместе с тем обнаружили новые особенности по изучаемым параметрам – они касаются роли нематериальных ресурсов (имеющегося опыта отношений, нематериальных благ, социального статуса и т. п.) во взаимодействии с людьми фемининного типа. Фемининные респонденты считают, что сами они чаще используют нематериальные ресурсы во взаимодействии с людьми фемининного типа (ср. зн. = 3,9; ст. откл. = 0,743), чем отмечают использование этого типа ресурсов маскулинными респондентами (ср. зн. = 3,41; ст. откл. = 1,137). Обе группы респондентов – и маскулинные, и фемининные – считают неверным утверждение, что люди фемининного типа во взаимодействии с ними акцентируют свое внимание на нематериальных ресурсах (отношениях, статусе) ($p = 0,01$). Но при этом маскулинные респонденты воспринимают использование людьми фемининного типа нематериальных ресурсов во взаимодействии как гораздо менее соответствующее действительности обстоятельство (ср. зн. = 2,18; ст. откл. = 0,821), чем воспринимают и оценивают этот аспект взаимодействия фемининные респонденты (ср. зн. = 2,23; ст. откл. = 0,751).

Таким образом, при взаимодействии с фемининными людьми нематериальные ресурсы чаще используются фемининными респондентами, они чаще замечают их применение людьми фемининного типа, чем маскулинные респонденты.

Для наглядности на основе выявленных особенностей социального взаимодействия маскулинных и фемининных респондентов с людьми маскулинного и фемининного типов мы составили сводную таблицу (табл. 2). Достаточно наглядно, что число характеристик,

статистически значимо отличающих взаимодействие маскулинных и фемининных людей, варьируется в зависимости от конкретного сочетания – кто с кем взаимодействует, что указывает на определенную избирательность в построении взаимодействия представителями изучаемых гендерных групп.

Несмотря на то что в фокусе внимания на данном этапе исследования находилось изучение гендерных различий построения социального взаимодействия, на примере двух наиболее гендерно-зависимых параметров мы проанализировали, как варьируются психологические характеристики маскулинных и фемининных респондентов в зависимости от их пола. Маскулинные мужчины соревнуются и соперничают с людьми фемининного типа реже (2,19 балла), чем маскулинные женщины (2,58 балла). Фемининные мужчины соревнуются и соперничают с людьми фемининного типа в большей степени (2,45 балла), чем маскулинные мужчины (2,19 балла); среди женщин, наоборот, маскулинные женщины соревнуются и соперничают с ними больше (2,58 балла), чем фемининные женщины (1,94 балла). Если расположить респондентов с учетом их гендерных характеристик и пола по убыванию и так мало свойственного им соревнованию

и соперничества с фемининными людьми, то порядок следующий: маскулинные женщины, фемининные мужчины, маскулинные мужчины, фемининные женщины.

Оценивать людей фемининного типа как приятных и вызывающих симпатию маскулинным женщинам свойственно больше (3,9 балла), чем маскулинным мужчинам (3,23 балла); фемининным мужчинам – больше (3,8 балла), чем маскулинным мужчинам (3,23 балла); фемининным мужчинам и фемининным женщинам – примерно одинаково (3,8 и 3,81 балла соответственно); между фемининными и маскулинными женщинами различия есть, но они невелики (3,81 и 3,9 балла соответственно). В порядке убывания симпатий к людям фемининного типа подгруппы респондентов располагаются следующим образом: маскулинные женщины, фемининные женщины, фемининные мужчины, маскулинные мужчины.

Анализ показывает нелинейную связь гендерных характеристик и пола респондентов в построении взаимодействия. Так, на оценки по маскулинному параметру взаимодействия (соревнование и соперничество) с представителями психологически ему противоположной гендерной группы (людей фемининного типа) более влияют гендерные характеристики респондента,

Табл. 2. Сравнительная характеристика социального взаимодействия маскулинных и фемининных респондентов с людьми маскулинного и фемининного типов

Tab. 2. Social interaction of masculine and feminine respondents with people of masculine and feminine types: a comparative analysis

Респонденты	Во взаимодействии с людьми маскулинного типа	Во взаимодействии с людьми фемининного типа
Маскулинные	<ul style="list-style-type: none"> редко отмечают их зависимость от себя склонны строить взаимодействие с опорой на дружескую поддержку и взаимопомощь отмечают долгосрочный характер своего взаимодействия отмечают увеличение контактов друг с другом 	<ul style="list-style-type: none"> отмечают различия в ценностях не склонны считать их симпатичными и приятными людьми соперничество и соревнование присутствует в их взаимодействии более, чем с другими, но в целом к нему не склонны иногда их взаимодействие имеет вынужденный характер и сопровождается сниженным интересом к нему чаще стремятся контролировать их действия в большей мере отмечают зависимость от себя считают, что они мало используют нематериальные ресурсы
Фемининные	Статистически значимых особенностей не обнаружено	<ul style="list-style-type: none"> больше симпатизируют людям этого типа, считают их приятными отмечают долгосрочный характер своего взаимодействия чаще, чем другие, используют в своем взаимодействии нематериальные ресурсы, в том числе опыт отношений

а не его пол. В отношении фемининного по своей природе параметра симпатий, эмоций, испытываемых в адрес людей фемининного типа, пол респондента является, наоборот, более определяющим, чем его гендерные характеристики.

Заключение

Сделаем несколько основных выводов о построении социального взаимодействия людей с высокой маскулинностью и фемининностью с людьми маскулинного и фемининного типов.

Во взаимодействии маскулинных людей с людьми фемининного типа имеется наибольшее количество статистически значимых различий, т. е. наиболее дифференцированно строятся отношения по сравнению с другими вариантами межгруппового анализа. Далее по количеству особых характеристик следуют отношения маскулинных с маскулинными и фемининных с фемининными, не выявлено ни одного параметра, статистически значимо отличающего взаимодействие фемининных с маскулинными. В целом это подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

Люди с высоким уровнем маскулинности / фемининности, т. е. обладающие выраженным гендерным типом, во взаимодействии с людьми фемининного типа обнаруживают большую избирательность и характеризуют его более разносторонне, чем во взаимодействии с людьми маскулинного типа, где такая избирательность меньше либо не выявляется совсем.

Таким образом, маскулинность и фемининность играют разную роль в организации социального взаимодействия. Маскулинность имеет большее значение

для дифференцированного построения взаимодействия с точки зрения действующего субъекта, например, иницирующего его, активно себя проявляющего, а фемининность играет большую роль с точки зрения учета особенностей партнера по взаимодействию при его построении.

В ходе исследования обнаружилось противоречие. Оно заключается в том, что респонденты с высокой фемининностью, т. е. на уровне гендерных установок не делающие различий между мужчинами и женщинами по их социальным и психологическим характеристикам, при оценивании взаимодействия с разными типами людей в отношении людей маскулинных (стереотипно ассоциируются с мужчинами) таких различий действительно не демонстрируют, а в отношении фемининных (ассоциируются с женщинами) их демонстрируют – в виде осознаваемых особенностей взаимодействия. Возникает вопрос, а как будет восприниматься взаимодействие, если оцениваемым субъектом-партнером взаимодействия будут выступать не люди маскулинного и фемининного типов, а конкретно мужчины и женщины? Это могло бы стать предметом изучения в последующих исследованиях. Также требует дальнейшего изучения то, как сочетание пола и гендерных характеристик проявляется в построении социального взаимодействия.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Балева М. В. Влияние произвольной групповой самоидентификации на социальную перцепцию групп разного типа. *Сибирский психологический журнал*. 2018. № 68. С. 109–130. [Baleva M. V. The effects of ingroup self-identity on the social perception of different groups. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2018, (68): 109–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/68/7>
- Балева М. В. Другой, похожий на меня: особенности внутригрупповой перцепции юношей и девушек с разной выраженностью негативных черт личности. *Сибирский психологический журнал*. 2019. № 74. С. 64–87. [Baleva M. V. The other person, similar to me: particularities of intragroup perception of young men and women with different levels of negative personality traits. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2019, (74): 64–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/74/4>
- Борисова И. В., Бирякина В. И. Гендерные особенности агрессивности юношей и девушек. *Казанский педагогический журнал*. 2016. № 1. С. 192–198. [Borisova I. V., Biryakina V. I. The gender issues of aggression of boys and girls. *Kazan Pedagogical Journal*, 2016, (1): 192–198. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vhnqj>
- Буткевич А. Ю. Гендерные различия в соблюдении принципов медиативных отношений в повседневном взаимодействии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 482–492. [Butkevich A. Yu. Gender differences in the principles of mediative relations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 482–492. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-482-492>
- Воропай Е. В. Маскулинность и фемининность в представлениях современной молодежи. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2018. Т. 7. № 6А. С. 5–15. [Voropai E. V. Masculinity and femininity

- in the views of modern youth. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2018, 7(6A): 5–15. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zahmip>
- Журавлёв А. Л., Емельянова Т. П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов. *Психологический журнал*. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15. [Zhuravlev A. L., Emelyanova T. P. Psychology of big social groups as collective subjects. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2009, 30(3): 5–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kavpux>
- Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М.: Проспект, 2023. 144 с. [Kletsina I. S., Ioffe E. V. *Gender norms as a socio-psychological phenomenon*. Moscow: Prospekt, 2023, 144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sfwary>
- Кочнев В. А. Конструкт «маскулинность – фемининность» в полоролевом поведении личности: исследование в методе позитивной психотерапии на примере супружеских пар. М.: Диона, 2019. 308 с. [Kochnev V. A. *Masculinity-femininity construct in gender-role personality behavior: A study in the method of positive psychotherapy of married couples*. Moscow: Diona, 2019, 308. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rjkezp>
- Лопухова О. Г. Опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (русский аналог "Bem sex role inventory"). *Вопросы психологии*. 2013. № 1. С. 147–154. [Lopukhova O. G. The questionnaire Masculinity, femininity and the gender type of personality (the Russian analogue of Bem sex role inventory). *Voprosy Psikhologii*, 2013, (1): 147–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rvvjlp>
- Позняков В. П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. М.: ИП РАН, 2018. 530 с. [Poznyakov V. P. *Psychological relations of individual and group subjects of joint economic activity*. Moscow: IP RAS, 2018, 530. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xpzlvb>
- Позняков В. П., Титова О. И. Особенности отношений предпринимателей мужчин и женщин к конкуренции и партнерству в деловом взаимодействии. *Психологический журнал*. 2014. Т. 35. № 4. С. 5–17. [Poznyakov V. P., Titova O. I. Peculiarities of attitudes of men and women entrepreneurs to competition and partnership in business cooperation. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2014, 35(4): 5–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sjvwil>
- Сушков И. Р. Психология взаимоотношений. М.: Акад. Проект; Екатеринбург: ИП РАН, 1999. 448 с. [Sushkov I. R. *Psychology of relationships*. Moscow: Akad. projekt; Ekaterinburg: IP RAS, 1999, 448. (In Russ.)]
- Титова О. И. Взаимосвязь гендера и жестокости в социальном взаимодействии. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*. 2021. № 2. С. 111–126. [Titova O. I. The relationship of gender and hardness in social interaction. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2021, (2): 111–126. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2021-2-111-126>
- Титова О. И. Гендер и толерантность к неопределенности как факторы взаимодействия в деятельности сотрудников полиции. *Человеческий капитал*. 2020. № 12. С. 191–202. [Titova O. I. Gender and tolerance of uncertainty as factors of interaction in police activities. *Human capital*, 2020, (12): 191–202. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25629/НС.2020.12.19>
- Урусова Л. Х. Гендерная толерантность в современном обществе. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 2-2. С. 122–124. [Urusova L. Kh. Gender tolerance in the modern society. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (2-2): 122–124. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smmxep>
- Шкурко Т. А., Дроздова И. И. Разработка и апробация программы снижения влияния лукизма, бьютизма и лукофобии в молодежной среде. *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*. 2019. Т. 29. № 4. С. 450–457. [Shkurko T. A., Drozdova I. I. Development and approval of the program for reducing the influence of lookism, beautyism and lookophobia in the youth environment. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, 29(4): 450–457. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2019-29-4-450-457>
- Штылева Л. В. Гендерный компонент педагогической культуры и проблема ориентации девочек на STEM-образование и STEM-профессии. *Женщина в российском обществе*. 2018. № 3. С. 49–66. [Shtyleva L. V. Gender component of pedagogical culture and the problem of orientation of girls at STEM-education and STEM-professions. *Woman in Russian Society*, 2018, (3): 49–66. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.3.5>
- Atwood S., Axt J. R. Assessing implicit attitudes about androgyny. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2021, 96. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2021.104162>
- Cohen E. D. Gendered styles of student-faculty interaction among college students. *Social Science Research*, 2018, 75: 117–129. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2018.06.004>
- Eslen-Ziya H., Fişek G. O., Boratav H. B. Everyday gendered performances at home: Masculine domesticity? *Social Sciences & Humanities Open*, 2021, 3(1). <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2021.100112>

- Grieve R., March E., Van Doorn G. Masculinity might be more toxic than we think: The influence of gender roles on trait emotional manipulation. *Personality and Individual Differences*, 2019, 138: 157–162. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.09.042>
- Lamer S. A., Weisbuch M. Men over women: The social transmission of gender stereotypes through spatial elevation. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2019, 84. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2019.103828>
- Lee M., Kray L. J. A gender gap in managerial span of control: Implications for the gender pay gap. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2021, 167: 1–17. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2021.06.001>
- Ma D. S., Correll J., Wittenbrink B. The effects of category and physical features on stereotyping and evaluation. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2018, 79: 42–50. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2018.06.008>
- Ryba T. V., Ronkainen N. J., Douglas K., Aunola K. Implications of the identity position for dual career construction: Gendering the pathways to (Dis)continuation. *Psychology of Sport and Exercise*, 2021, 53. <https://doi.org/10.1016/j.psychsport.2020.101844>
- Stroessner S. J., Benitez J., Perez M. A., Wyman A. B., Carpinella C. M., Johnson K. L. What's in a shape? Evidence of gender category associations with basic forms. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2020, 87. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2019.103915>
- Vescio T. K., Schermerhorn N. E. C., Gallegos J. M., Laubach M. L. The affective consequences of threats to masculinity. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2021, 97. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2021.104195>
- Wittlin N. M., Dovidio J. F., LaFrance M., Burke S. E. About face: Memory for transgender versus cisgender targets' facial appearance. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2018, 78: 77–92. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2018.04.009>
- Yalley A. A., Olutayo M. S. Gender, masculinity and policing: An analysis of the implications of police masculinised culture on policing domestic violence in southern Ghana and Lagos, Nigeria. *Social Sciences & Humanities Open*, 2020, 2(1). <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2020.100077>

оригинальная статья

Толерантность к неопределенности как компонента стратегий жизнеосуществления

Злобина Марина Владимировна
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет, Россия, Новосибирск
<https://orcid.org/0009-0003-8793-9546>
marinazlobina1991@mail.ru

Краснорядцева Ольга Михайловна
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Россия, Томск
<https://orcid.org/0000-0003-1549-9994>
Scopus Author ID: 57193953601

Поступила в редакцию 26.06.2023. Принята после рецензирования 27.09.2023. Принята в печать 02.10.2023.

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу феномена толерантности к неопределенности в контексте пост-неклассической психологии. Представлен новый ракурс рассмотрения ставшего классическим в психологии понятия толерантности / интолерантности к неопределенности, а именно его осмысления как компонента в структуре стратегий жизнеосуществления. Несмотря на то что исследования толерантности к неопределенности продолжаются уже более семидесяти лет, среди исследователей до сих пор существуют разногласия, касающиеся природы данного феномена, а эмпирические данные характеризуются противоречивостью и неоднозначностью. Многогранность и сложность феномена толерантности к неопределенности также выражается в том факте, что разные полюса спектра *толерантность / интолерантность к неопределенности* оказываются связаны с различными психологическими модальностями. Это дает основание предполагать, что толерантность к неопределенности может являться не только личностным образованием, но и отражать определенную стратегию взаимодействия с миром. Исходя из этого, целью данной статьи стал анализ толерантности к неопределенности как компонента в структуре стратегий жизнеосуществления. В исследовании приняли участие 73 человека в возрасте от 18 до 25 лет (7 мужчин и 66 женщин), которые заполнили следующие методики: Новый опросник толерантности к неопределенности Т. В. Корниловой, шкала толерантности к неопределенности Р. Нортон (MAT-50), опросник «Темпоральные модальности жизнеосуществления» (Е. В. Бредун), методика исследования устойчивости жизненного мира И. О. Логиновой. Кластерный анализ результатов позволил выделить четыре типа стратегий жизнеосуществления: неконструктивная, компенсаторная, противоречивая (парадоксальная), конструктивная (устойчивая). Сделан вывод, что стратегии жизнеосуществления характеризуются различным сочетанием устойчивости жизненного мира, темпоральных модальностей жизнеосуществления и особенностей толерантности к неопределенности. Это дает основание предположить, что диапазон стратегий жизнеосуществления не ограничивается полученными нами четырьмя типами и может включать целый спектр стратегий. Данное предположение может служить направлением для будущих исследований.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности, жизнеосуществление, стратегии жизнеосуществления, темпоральные модальности жизнеосуществления, устойчивость жизненного мира

Цитирование: Злобина М. В., Краснорядцева О. М. Толерантность к неопределенности как компонента стратегий жизнеосуществления. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 5. С. 655–664. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-655-664>

full article

Ambiguity Tolerance as a Component of Life Self-Fulfillment

Marina V. Zlobina
Novosibirsk State University, Russia, Novosibirsk
<https://orcid.org/0009-0003-8793-9546>
marinazlobina1991@mail.ru

Olga M. Krasnoryadtseva
Tomsk State University, Russia, Tomsk
<https://orcid.org/0000-0003-1549-9994>
Scopus Author ID: 57193953601

Received 26 Jun 2023. Accepted after peer review 27 Sep 2023. Accepted for publication 2 Oct 2023.

Abstract: This article introduces a new view of ambiguity tolerance / intolerance in post-non-classical psychology as a component of life self-fulfillment strategies. After more than seventy years of scientific circulation, ambiguity

tolerance still remains a vague term supported by very few empirical data. Since tolerance and intolerance to ambiguity are associated with different psychological modalities, this phenomenon is multidimensional and complex. In this respect, tolerance to ambiguity is much more than a character trait: it is a life strategy. This study approached tolerance to ambiguity as a component of life self-fulfillment strategies. It involved 73 subjects (7 men; 66 women) aged 18–25. The list of psychometric instruments included T. V. Kornilova's New Ambiguity Tolerance / Intolerance Questionnaire, R. Norton's Measurement of Ambiguity Tolerance (MAT-50), E. V. Bredun's Temporal Modality of Life Fulfillment, and I. O. Loginova's method for lifeworld stability studies. The cluster analysis revealed four types of life self-fulfillment strategies: unconstructive, compensatory, contradictory (paradoxical), and constructive (stable). Life self-fulfillment strategies proved to depend on a combination of lifeworld stability, temporal modalities of life self-fulfillment, and tolerance to ambiguity. Since self-fulfillment strategies are unlikely to be limited to the four abovementioned strategies, their range can become a new research perspective.

Keywords: ambiguity tolerance, ambiguity intolerance, life self-fulfillment, life self-fulfillment strategies, temporal modalities of life self-fulfillment, stability of the life world

Citation: Zlobina M. V., Krasnoryadtseva O. M. Ambiguity Tolerance as a Component of Life Self-Fulfillment. *SibScript*, 2023, 25(5): 655–664. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-655-664>

Введение

Понятие толерантности / интолерантности к неопределенности уже не является новым для современной психологии. Впервые об этом феномене заговорила еще в 1949 г. Э. Френкель-Брунsvик в контексте исследований авторитарной личности, выполняемых Т. Адорно. Она определила интолерантность к неопределенности как тенденцию прибегать к черно-белым решениям, делать преждевременные выводы, часто пренебрегая реальностью, и стремление к безоговорочному и недвусмысленному всеобщему признанию и отвержению других людей [Frenkel-Brunsvik 1949]. В дальнейшем понятие толерантности / интолерантности к неопределенности неоднократно пересматривалось и дополнялось. В современной отечественной психологии этот феномен впервые был рассмотрен в диссертационном исследовании Е. Г. Луковицкой в 1998 г. Но несмотря на то что понятие толерантности к неопределенности уже прочно вошло в психологический обиход, попытки содержательного определения данного феномена наталкиваются на ряд трудностей, а результаты эмпирических исследований зачастую характеризуются неоднозначностью и противоречивостью.

Одно из главных противоречий в понимании толерантности к неопределенности связано с рассмотрением ее как личностной черты или динамической характеристики. В литературе, посвященной исследованию феномена толерантности / интолерантности к неопределенности, выделяются два направления взглядов. Согласно первому направлению, к которому относится большинство традиционных подходов, толерантность / интолерантность к неопределенности представляет собой устойчивую личностную характеристику, черту, которая обуславливает восприятие, интерпретацию и эмоциональную оценку ситуаций

неопределенности [Budner 1962; Carleton 2016; Norton 1975]. Это стабильная тенденция реагировать на воспринимаемую двусмысленность с большей или меньшей интенсивностью [McLain et al. 2015]. Вместе с тем в психологии существуют взгляды, согласно которым толерантность / интолерантность к неопределенности представляет динамическую, ситуационно-специфическую переменную. Это направление связано, в первую очередь, с именами К. Durrheim и D. Foster, которые критикуют взгляды на толерантность к неопределенности как черту личности и указывают на недостаток доказательств в пользу этой точки зрения. Они понимают толерантность к неопределенности как ситуационную переменную, зависящую от конкретных условий (context-specific construct) [Durrheim, Foster 1997]. Толерантность к неопределенности как динамическая переменная рассматривается и в исследованиях К. Merenluoto и Е. Lehtinen, где данный феномен понимается как динамический метакогнитивный процесс и мотивационная переменная [Merenluoto, Lehtinen 2004]. Схожие взгляды представлены в работах [Enoki et al. 2018; Herman et al. 2010].

В отечественной психологии также обсуждается вопрос о характере феномена толерантности к неопределенности. Например, Т. В. Корнилова и М. А. Чумакова отмечают, что «именно понятие "черта" не вполне приемлемо для описания свойств, отражающих личностное отношение к неопределенности. <...> А позитивное или негативное отношение личности к неопределенности, проявляющееся в ее возможности (готовности) принимать решения и действовать в условиях неопределенности, в большей степени относится к динамическому аспекту личностной регуляции решений и действий» [Корнилова, Чумакова 2016].

Эмпирические исследования толерантности к неопределенности обнаруживают некоторые противоречия. О. А. Кондрашихина отмечает, что данные, полученные с помощью разных психометрических инструментов, направленных на оценку толерантности к неопределенности, слабо коррелируют друг с другом и даже отличаются некоторой «парадоксальностью» [Кондрашихина 2015].

О многомерности и сложности рассматриваемого конструкта говорит и тот факт, что полюса спектра *толерантность / интолерантность к неопределенности* оказываются по-разному связаны с различными психологическими модальностями. Так, в проведенных нами ранее исследованиях было показано, что толерантность к неопределенности положительно связана с открытостью опыту, поиском возбуждения, настойчивостью, интеллектуальной любознательностью, а интолерантность – с нейротизмом, депрессией и тревогой [Злобина 2019; Злобина, Первушина 2017; Пинаева, Злобина 2022].

Все отмеченное выше свидетельствует о многомерности толерантности к неопределенности и приводит к необходимости взглянуть на данный феномен под новым ракурсом. Неоднозначность и некоторая несогласованность результатов различных исследований, а также взаимосвязи полюсов спектра *толерантность / интолерантность к неопределенности* с различными психологическими модальностями позволяют сделать предположение о характере феномена толерантности / интолерантности к неопределенности. Такие данные свидетельствуют в пользу того, что толерантность / интолерантность к неопределенности может выступать не только в роли личностного образования, но и представлять собой определенную стратегию взаимодействия человека с миром. Неопределенность как противоречивость возникает в переломных точках жизни человека, когда он сталкивается с ситуациями противоречия между образом мира и образом жизни. Постоянное обнаружение и преодоление дефицитов между образом мира и образом жизни выводит каждый раз человека как сложную самоорганизующуюся систему на новый уровень системного развития, что составляет суть процесса жизнеосуществления [Клочко 2005]. В ряде исследований показано, что особую роль в процессах преодоления противоречий между образом мира и образом жизни играет мышление, обеспечивающее способность обнаружения познавательного противоречия [Клочко 2013]. В этой связи становится понятной взаимосвязь толерантности к неопределенности и интеллектуальной любознательности как способности и готовности к обнаружению дефицитов между образом мира и качеством жизни.

Если толерантность к неопределенности – это стремление к новизне и сложности, предпочтение неопределенности, то интолерантность к неопределенности и ее проявления в различных сферах, напротив, отражает тенденцию негативно реагировать на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровне на неопределенные ситуации и события. Как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях было показано, что интолерантность к неопределенности связана с негативными эмоциональными состояниями, в частности с симптомами депрессии и тревоги (см. [Злобина, Первушина, 2017; Yook et al. 2010]). С. Баднер отмечал, что интолерантность к неопределенности – это реакция на новые, сложные или противоречивые ситуации [Budner 1962]. Интолерантный к неопределенности человек, в отличие от толерантного к неопределенности, ориентированного на неопределенное, неизведанное будущее, будет опираться на известное и определенное прошлое [Смирнов 2016]. Интолерантность к неопределенности в данном случае будет отражать неготовность человека принимать сложившиеся условия жизни и делать выбор. Отсутствие обращенности в будущее приводит и к невозможности разрешения противоречий между образом мира и образом жизни, блокирует процессы жизнеосуществления, следствием чего выступает отсутствие перехода системы на новый уровень развития и последующее ее умирание. Тревожные и депрессивные состояния, тесно связанные с интолерантностью к неопределенности, являются свидетельством такого умирания системы. Интолерантность к неопределенности может выступать косвенным свидетельством низкой степени устойчивости жизненного мира в форме его гиперустойчивости.

Все это дает основания предполагать, что толерантность / интолерантность к неопределенности является не только личностным образованием, но может выступать и в роли стратегии жизнеосуществления человека, характеризующейся сочетанием темпоральных модальностей жизнеосуществления и характера проявления устойчивости жизненного мира. Толерантность к неопределенности, находящаяся на одном полюсе континуума, способствует обнаружению и преодолению дефицитов между образом мира и образом жизни, а интолерантность, находящаяся на противоположном полюсе спектра, напротив, блокирует процессы жизнеосуществления и препятствует обнаружению и разрешению противоречий между образом мира и образом жизни. Способ разрешения противоречий между образом мира и образом жизни фиксируется понятием жизнеосуществления, представляющего одновременно и процесс, и результат разрешения противоречий между образом мира и образом жизни,

обеспечивающий переход человека как сложной самоорганизующейся системы на новые уровни системности [Логинова 2010b]. Дисбаланс между образом мира и качеством жизни как движущая сила человеческого развития с необходимостью будет сопровождаться неопределенностью [Клочко 2005]. Жизненное самосуществование как процесс разрешения противоречий между образом мира и образом жизни обеспечивает самодвижение человека в изменяющихся условиях его системного бытия [Логинова 2010a]. В этой связи необходимым условием успешного жизнеосуществления является способность и готовность субъекта преодолевать ситуации неопределенности.

Важным показателем открытости человека в мир и к самому себе выступают стратегии жизнеосуществления [Логинова 2010b]. Основываясь на данных литературы, можно полагать, что в основе стратегий жизнеосуществления лежит сочетание характера устойчивости жизненного мира и темпоральных модальностей жизнеосуществления. Так, отчетливо прослеживается связь толерантности к неопределенности и временного модуса жизнеосуществления. В контексте постнеклассической психологии, рассматривающей пространственно-временную природу организации человека, способную к самоорганизации и саморазвитию [Клочко, Галажинский 2000], особое внимание уделяется феномену темпоральности как последовательности времен в саморазвивающихся системах, где будущее представлено в настоящем, а прошлое включено в будущее [Бредун 2017]. Темпоральные модусы отражают хронопическую направленность жизни человека [Бредун и др. 2018]. Е. В. Бредун и Э. А. Щеглова отмечают, что время выступает важным фактором в преодолении трудных жизненных ситуаций и обеспечивает включение новых условий в свое темпоральное пространство, используя прошлый опыт и стремясь преобразовать будущее для успешной адаптации [Бредун, Щеглова 2022]. Другими словами, темпоральные характеристики жизнеосуществления играют существенную роль в преодолении неопределенных ситуаций. Для лиц, толерантных к неопределенности, неопределенное, неизвестное, новое и неясное будущее предстает как желаемое. Ориентированность субъекта на будущее обеспечивает его открытость новому и готовность выходить в мир и взаимодействовать с неопределенным будущим. При этом временной модус событий будет характеризоваться не доминированием одного времени, но образовывать единый континуум: будущее представлено в настоящем, а прошлое включено в будущее.

Все указанное выше дает основание предполагать, что толерантность к неопределенности является важным компонентом в структуре стратегий

жизнеосуществления, обеспечивающих обнаружение и преодоление противоречий между образом мира и образом жизни. Исходя из этого, целью настоящего исследования стал анализ толерантности к неопределенности как компонента в структуре стратегий жизнеосуществления.

Методы и материалы

В исследовании приняли участие 73 человека: 7 мужчин и 66 женщин, возраст – 18–25 лет ($M = 20,4$; $Sd = 1,7$). Большинство испытуемых – студенты, из них 37 человек – студенты направления *Психология* Новосибирского государственного университета.

Все испытуемые заполнили следующие методики:

1. Новый опросник толерантности к неопределенности Т. В. Корниловой [Корнилова, Чумакова 2016]. Методика содержит 33 пункта, с каждым из которых респонденту предлагается выразить свое согласие или несогласие по 7-балльной шкале Лайкерта, где 1 – абсолютно согласен, 7 – абсолютно не согласен. Пункты опросника группируются по трем шкалам: толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности и межличностная интолерантность к неопределенности.

2. Шкала толерантности к неопределенности Р. Нортонa MAT-50. Опросник содержит 61 утверждение, каждое из которых оценивается респондентами по 7-балльной шкале в соответствии со степенью согласия с данным утверждением: 1 – абсолютно согласен, 7 – абсолютно не согласен. Утверждения сформулированы таким образом, что более высокие баллы по шкале будут свидетельствовать о более высоком уровне толерантности к неопределенности. Пункты опросника группируются в 8 шкал: философия, межличностная коммуникация, публичный образ, социальная сфера, рабочая сфера, решение проблем, привычки, искусство. Адаптация методики на русскоязычной выборке была выполнена нами [Злобина 2022].

3. Опросник «Темпоральные модальности жизнеосуществления» Е. В. Бредун [Бредун и др. 2021]. Методика предназначена для оценки особенностей темпоральной перцепции. Опросник состоит из 29 утверждений, которые позволяют оценить такие темпоральные модальности жизнеосуществления, как рационализация периодов жизнеосуществления, эмоциональная фиксация на событиях, сбалансированность модальных оценок. Данные характеристики соответствуют трем шкалам опросника.

4. Методика исследования устойчивости жизненного мира И. О. Логиновой [Логинова 2010a]. Методика направлена на изучение устойчивости жизненного мира человека. Респондентам предлагается написать эссе на тему «Три дня моей жизни, которые...».

Эссе анализируются в соответствии со специальной диагностической формой по следующим позициям: временной модус, соотношение глаголов, критерий выбора содержания, общий эмоциональный фон событий, значение описываемых событий в жизни, отношение к событиям, непрерывность личностной истории, рефлексивная позиция автора. Далее подсчитывается сумма баллов по всем восьми позициям. Методика позволяет определить характер проявления устойчивости жизненного мира: конструктивный, неконструктивный, стагнационный.

С целью анализа феномена толерантности к неопределенности как компонента в структуре стратегий жизнеосуществления и выяснения типов стратегий, характеризующихся различным сочетанием толерантности к неопределенности, устойчивости жизненного мира и темпоральных модальностей жизнеосуществления, нами был проведен кластерный анализ методом k-средних. Анализ данных проводился с помощью программы Jamovi 2.2.5.

Результаты

Проведенный кластерный анализ методом k-средних позволил выделить 4 кластера, демонстрирующих специфические стратегии. Полученные кластеры представлены на рисунке, каждый кластер отмечен соответствующим номером:

1. Первый кластер (16 человек). Данная стратегия характеризуется низким уровнем толерантности к неопределенности (во всех сферах), высокой интолерантностью к неопределенности, высокой межличностной интолерантностью к неопределенности, высокой эмоциональной фиксацией на событиях прошлого, средним уровнем рационализации периодов жизнеосуществления и сбалансированности модальных оценок, средней (по нашей выборке) устойчивостью жизненного мира.

2. Второй кластер (20 человек). Данная стратегия характеризуется низким уровнем толерантности к неопределенности, низкой степенью рационализации периодов жизнеосуществления и низким уровнем сбалансированности модальных оценок жизнеосуществления; одновременно с этим данная стратегия характеризуется невысокой интолерантностью к неопределенности, средним уровнем толерантности к неопределенности в разных сферах, но высокой толерантностью к неопределенности в сфере межличностных коммуникаций, высокой эмоциональной фиксацией на событиях прошлого и средней (ближе к низкой) устойчивостью жизненного мира.

3. Третий кластер (15 человек). Данная стратегия характеризуется высоким уровнем толерантности к неопределенности, высоким уровнем рационализации периодов

жизнеосуществления и сбалансированности модальных оценок, низкой эмоциональной фиксацией на событиях прошлого, но при этом относительно невысокой толерантностью к неопределенности в области межличностной коммуникации, рабочей сферы, социальной сферы, сферы привычек, низким уровнем устойчивости жизненного мира.

4. Четвертый кластер (22 человека). Данная стратегия характеризуется сочетанием высокой устойчивости жизненного мира, высокой толерантностью к неопределенности во всех сферах, низкой интолерантностью к неопределенности, низкой межличностной интолерантностью к неопределенности, довольно высокими показателями рационализации периодов жизнеосуществления, сниженными показателями эмоциональной фиксации на событиях прошлого и средним уровнем сбалансированности модальных оценок жизнеосуществления.

Неконструктивная стратегия

Сочетание стагнационного характера устойчивости жизненного мира и эмоциональной фиксацией на событиях прошлого обуславливает негативное отношение к неопределенности, в совокупности с которым образует стратегию жизнеосуществления, которую мы могли бы назвать **неконструктивной (неустойчивой)**. Эмоциональная фиксация на событиях отражает эмоциональное отношение ко времени и тенденцию субъекта фиксироваться на прошлых событиях. Будущее воспринимается как неопределенное, неясное, угрожающее. Закономерно, что при подобном отношении ко времени слабо выражена сбалансированность модальных оценок, отражающая целостность восприятия времени, а также способность управлять своими временными ресурсами, осмысленно переживать время (рационализация периодов жизнеосуществления). В совокупности с относительно невысокой степенью устойчивости жизненного мира, выраженной в стагнационном характере устойчивости, данная стратегия будет отражать негативное отношение к неопределенности. В пределе такая стратегия означает отказ от разрешения противоречий, возникающих между образом мира и образом жизни, что, как следствие, означает отказ от жизнеосуществления. Такая неспособность и неготовность человека разрешать возникающие противоречия между образом мира и образом жизни препятствует, таким образом, переходу психологической системы на новый уровень системного развития.

Свидетельством такой стагнации психологической системы являются тревожные и депрессивные состояния. В качестве примера можно привести следующие отрывки из эссе испытуемых:

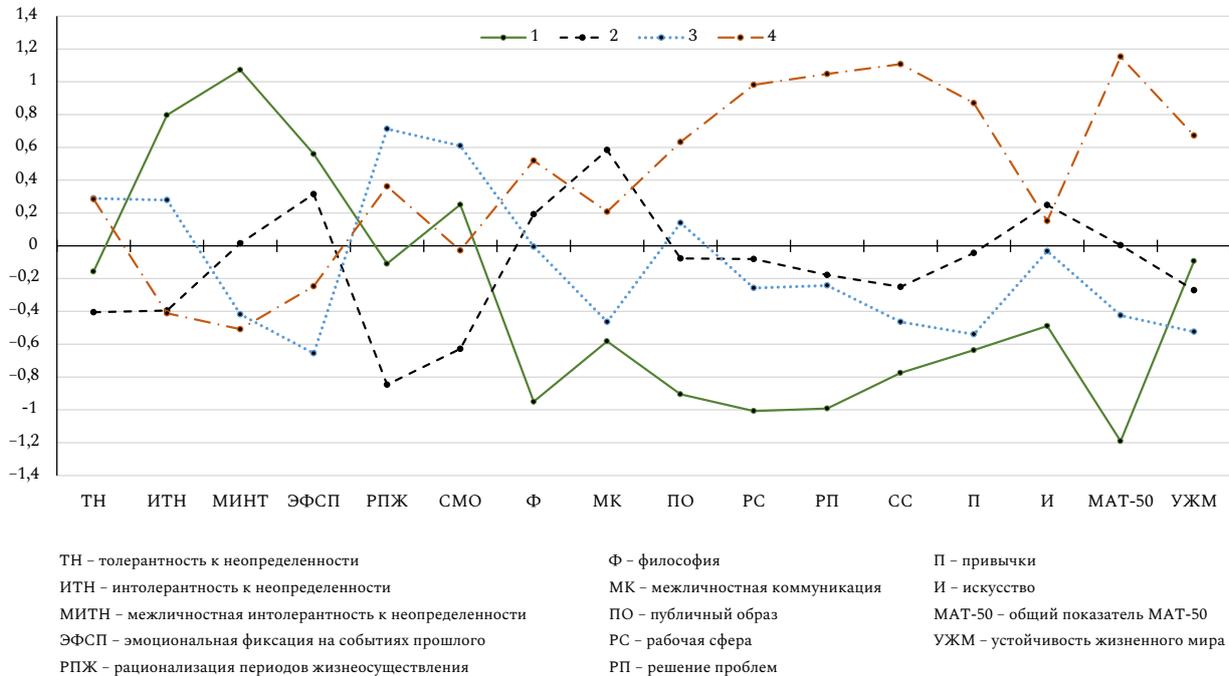

Рис. Кластерный анализ методом k-средних (стандартизованные значения)
Fig. K-means cluster analysis (standardized values)

– Этот день изменил мое отношение к праздникам. Я больше не предвкушаю никакие торжества и не наслаждаюсь ими. ...Примерно 2 недели до и после я начинаю вспоминать этот день, нервничать и чувствую иррациональную вину... пытаюсь начать праздновать в этот день, но пока мне так и не удалось;

– Поступить в медицинский было ошибкой, на которую я пошла из страха и неуверенности под влиянием значимых людей в моей жизни;

– этот день изменил мою жизнь к лучшему, избавив от необходимости заниматься тем, чем не хочу, но он же поселил во мне чувство вины и неполноценности;

– Почему-то хочется рассказать о прошлых событиях, так как я могу сказать, как они повлияли на меня в настоящем;

– Сам новый год я в первый раз решила справиться не с семьёй, а с друзьями. Мне было почему-то неловко, до конца не понимала, как нужно себя вести;

– Когда я познакомилась со своим молодым человеком, очень переживала за то, будем ли мы понимать друг друга, насколько легко мне будет в общении с ним. Из-за этого боялась начать отношения.

Компенсаторная стратегия

Другая стратегия жизнеосуществления, как и описанная выше, характеризуется высокой эмоциональной фиксацией на событиях прошлого, однако в еще

большей степени снижена осмысленность времени, представленная рационализацией периодов жизнеосуществления, способность распределять свои временные ресурсы, реалистичное восприятие времени, а также еще ниже целостность восприятия времени. Характер устойчивости жизненного мира схож с предыдущей стратегией. Как следствие, данная стратегия характеризуется низкой толерантностью к неопределенности в целом, однако вместе с этим наблюдается и низкая интолерантность к неопределенности, т. е. можно предположить, что человек, реализующий подобную стратегию, не будет выражать крайних позиций в отношении неопределенности. Интерес представляет тот факт, что данная стратегия характеризуется высокой толерантностью к неопределенности в области межличностных отношений. Вероятно, именно это придает ей **компенсаторный** характер и удерживает систему от дальнейшего распада. На поведенческом уровне эта стратегия может выражаться в готовности взаимодействовать с другими людьми в поиске поддержки со стороны окружающих в трудные периоды жизни, готовности и способности выстраивать межличностные отношения. Готовность принимать неопределенность в отношениях с людьми может выступать в роли опоры, ресурса, позволяющего человеку все же обнаруживать и разрешать дисбаланс между образом мира и образом жизни, находить смыслы в отношениях с Другим.

Примером могут служить следующие высказывания испытуемых:

- *Наверное, этот день дал мне почувствовать, что я не одна;*
- *Я почувствовала колоссальную поддержку, которая подарила мне веру в себя;*
- *...хотя на тот момент мы были уже знакомы и несколько дней вместе учились, мы не особо знали друг друга. Но во время похода мои одноклассницы открылись для меня, и я поняла, что они замечательные и интересные люди. Этот день подарил мне друзей...;*
- *...я не осознавала тот факт, что уезжаю в другой город совершенно одна, где не будет моей семьи и друзей, к которым я очень привязана... и в какой раз убедилась, насколько ценна для меня поддержка семьи и друзей;*
- *Этот день важен для меня, потому что я провела его с близким мне человеком и испытала разные эмоции: восторг, радость, свобода, страх;*
- *второй день связан с моей семьей.... Конечно, мы часто ссорились, кто-то уставал, но эта поездка важна, так как связана с семьей, это очень теплые воспоминания.*

Противоречивая (парадоксальная) стратегия

Третья стратегия, обнаруженная в нашем исследовании, характеризуется высокой рационализацией периодов жизнеосуществления и высокой сбалансированностью модальных оценок при низкой эмоциональной фиксации на событиях. Такое сочетание темпоральных характеристик жизнеосуществления характеризует целостное, осмысленное переживание времени, представленность будущего в настоящем и включенность в него прошлого. Подобная темпоральная организация обуславливает позитивное отношение к неопределенности, готовность и способность обнаруживать и разрешать возникающие в процессе жизни противоречия. Однако наряду с позитивным отношением к неопределенности и целостным, осмысленным переживанием времени обнаруживается низкая устойчивость жизненного мира (стагнационный характер устойчивости), что делает данную стратегию, на первый взгляд, **противоречивой, парадоксальной**. Вероятно, речь идет о таких способах и формах поведения, которые, с одной стороны, основаны на целостном отношении к событиям своей жизни, но с другой – не обнаруживают ее ценностного содержания.

Поскольку стагнационный характер устойчивости жизненного мира может служить косвенным свидетельством доминирования предметного содержательного аспекта жизненного мира, то стратегия жизни переживается как необходимость, но не возможность: позитивное отношение к неопределенности, готовность и способность преодолевать неопределенные ситуации

не будет сопровождаться рефлексией собственной жизни, но, скорее, будет выступать как некоторая необходимость, долженствование.

В эссе испытуемых эта стратегия проявлялась в следующих высказываниях:

- *Особенный момент в том, что это дало очень значимую возможность переехать из дома и жить самостоятельно, войти в новый, долгожданный этап, жизнь в общежитии;*
- *В качестве третьего дня возьму день, когда я узнала, что поступила на бюджет в НГУ на тот факультет, о котором мечтала. Безусловно, чувство достижения своей цели – очень приятное чувство. Так что в этот день я ощущала удовлетворение от проделанной работы, что все старания и переживания окупилась;*
- *...напомнило мне про ужасные времена ЕГЭ, ...сдача последнего экзамена. Неопределенность, которая следует за этим днём, интересно, я свободна от экзаменов, но как я это всё сдала? Это тот самый день моей жизни, ...пограничный период, неоднозначный, волнительный... День из будущего. Да здравствует ещё больше неопределенности. Не знаю, что там будет завтра. Верю в лучшее.*

Конструктивная (устойчивая) стратегия

Четвертая стратегия характеризуется высокой толерантностью к неопределенности, более высокой, по сравнению с другими, устойчивостью жизненного мира, высокой рационализацией периодов жизнеосуществления, средним уровнем сбалансированности модальных оценок и низким уровнем эмоциональной фиксации на событиях прошлого. Данная стратегия является наиболее **конструктивной (устойчивой)** из выявленных нами стратегий. Целостное, осознанное и ответственное отношение ко времени своей жизни, способность к обнаружению собственных дефицитов будет способствовать более позитивному отношению к неопределенности и формированию готовности к разрешению противоречий между образом мира и образом жизни.

Примером могут служить следующие высказывания испытуемых:

- *я стараюсь жить так, чтоб каждый день был для меня ценным;*
- *день, когда не стало моего папы... никогда не забуду то чувство, когда в один момент обрывается настоящее, рушится будущее и остаётся лишь прошлое. В тот год мне пришлось повзрослеть, но вместе с этим остается сохранить в себе всё то, что было в детстве;*
- *каждый день настоящего может стать каким-то «судьбоносным». Лишь в будущем я смогу узнать, являлся ли он таковым;*
- *день из прошлого, когда было очень тяжело... так как заболел близкий человек... этот опыт был лишь*

ступенькой к тому, чтобы я перестала бояться доверять людям, а особенно если это твои друзья и семья;

– ...это был не самый приятный опыт, но он показал мне, что жизнь идет своим темпом и все меняется. Я поняла, что когда из привычной жизни уходит что-то, что было важно, приходит не менее ценное. Всё это закаляет человека и открывает новые возможности и жизненные приоритеты.

Обсуждение

Отметим, что спектр стратегий жизнеосуществления не ограничивается описанными нами стратегиями. В нашей выборке не были представлены лица, демонстрирующие конструктивный характер устойчивости жизненного мира. Можно предполагать, что дальнейшее усложнение системной организации человека будет сопровождаться увеличением устойчивости жизненного мира, целостным и осмысленным отношением ко времени и, как следствие, повышением позитивного отношения к неопределенности, способностью и готовностью человека разрешать возникающие на жизненном пути противоречия.

Из отмеченного выше вытекает практическая значимость проведенного исследования. Было показано, что неспособность и неготовность человека разрешать противоречия между образом мира и образом жизни препятствует переходу психологической системы на новый уровень. В пределе такой отказ от перехода системы на новые уровни системности приводит к ее стагнации и последующему умиранию. Об этом свидетельствуют тревожные и депрессивные состояния, которые, как было показано, связаны с интолерантностью к неопределенности. Позитивное отношение к неопределенности в сочетании с высокой устойчивостью жизненного мира, рационализацией периодов жизнеосуществления и сбалансированностью модальных оценок, напротив, будет способствовать личностному росту, реализации творческого потенциала, гармоничному и продуктивному функционированию во всех сферах жизни. Работа специалистов-психологов, следовательно, должна быть направлена на помощь в формировании стратегии жизнеосуществления. Интолерантность к неопределенности может служить косвенным показателем доминирования предметного содержательного аспекта жизнеосуществления, тогда как толерантность к неопределенности – ценностного. Тогда специалистам, работающим с тревожными, депрессивными и субдепрессивными состояниями, важно работать с отношением к неопределенности через раскрытие смыслов и ценностей, формируя таким образом более устойчивый жизненный мир человека.

Заключение

Целью данного исследования стал анализ феномена толерантности к неопределенности как компонента в структуре стратегий жизнеосуществления. С помощью кластерного анализа было выделено четыре типа стратегий (названных нами неконструктивной, компенсаторной, противоречивой (парадоксальной) и конструктивной), характеризующихся различным сочетанием толерантности к неопределенности, темпоральных модальностей жизнеосуществления и устойчивости жизненного мира. Необходимо отметить, что спектр стратегий жизнеосуществления не ограничивается указанными стратегиями. Поскольку в нашей выборке отсутствовали испытуемые, демонстрирующие высокую степень устойчивости жизненного мира, то можно предположить, что спектр стратегий жизнеосуществления может быть значительно шире.

На одном полюсе данного спектра будет располагаться позитивное отношение к неопределенности, готовность разрешать возникающие противоречия, ориентированность на будущее, которое оказывается включено в настоящее, целостное и осмысленное переживание времени, устойчивый жизненный мир, на другом – негативное отношение к неопределенности как ориентированность, «заикленность» на определенном, уже известном прошлом, гиперустойчивость жизненного мира (стагнационный характер устойчивости), отсутствие дальнейшего становления системы. Позитивное отношение к неопределенности в традиционной психологии выражено термином *толерантность к неопределенности*, способствует разрешению противоречий между образом мира и образом жизни человека, обеспечивая таким образом становление человека как психологической системы и его переход на новые уровни системности. Толерантность к неопределенности связана с открытостью новому опыту, стремлением к новизне, сложности, неопределенности. Негативное отношение к неопределенности, напротив, выражает отказ от жизнеосуществления, отсутствие готовности разрешать противоречия между образом мира и образом жизни, делать выбор в сложившихся жизненных обстоятельствах. Это препятствует дальнейшему становлению психологической системы и ее переходу на новые уровни. В пределе такой отказ от жизнеосуществления приводит к умиранию системы. Тревожные и депрессивные состояния, тесно связанные с интолерантностью к неопределенности, могут выступать свидетельством такого умирания системы. Учет данных особенностей стратегий жизнеосуществления может стать важным фактором в процессе психологической работы с подобными негативными эмоциональными состояниями.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: М. В. Злобина – проведение эмпирического исследования, анализ и интерпретация данных, написание оригинального текста. О. М. Краснорядцева – концептуализация идеи, разработка методологии, курирование работы.

Contribution: M. V. Zlobina conducted the empirical research, interpreted the data, applied statistical processing methods, and wrote the draft. O. M. Krasnoryadtseva developed the research concept, designed the methodology, and supervised the research.

Финансирование: Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2020-0040.

Funding: The research was part of the state task of the Ministry of Education and Science of Russia, project No. FSWM-2020-0040.

Литература / References

- Бредун Е. В. Исследование пространственно-временных характеристик темпомира человека. *Комплексные исследования человека: психология: VII Сибирский психол. форум.* (Томск, 28–29 ноября 2017 г.) Томск: ТГУ, 2017. Ч. 1. С. 33–38. [Bredun E. V. Research of spatial-time characteristics of the human tempoworld. *Comprehensive human studies: psychology: Proc. VII Siberian psychol. forum.* Tomsk, 28–29 Nov 2017. Tomsk: TSU, 2017, pt. 1, 33–38. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xmpgpxj>
- Бредун Е. В., Краснорядцева О. М., Щеглова Э. А. Типологические особенности субъективного восприятия времени в контексте хронотопической жизни человека. *Сибирский психологический журнал.* 2018. № 68. С. 32–45. [Bredun E. V., Krasnoryadtseva O. M., Shcheglova E. A. Typological features of subjective time perception in the context of chronotopical human life. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2018, (68): 32–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/68/2>
- Бредун Е. В., Щеглова Э. А. Психологические особенности темпомира человека как предикторы процесса решения когнитивной задачи. *Вестник Кемеровского государственного университета.* 2022. Т. 24. № 4. С. 430–439. [Bredun E. V., Shcheglova E. A. Psychological features of the human tempoworld as predictors of solving a cognitive task. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 430–439. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-430-439>
- Бредун Е. В., Щеглова Э. А., Смешко Е. В., Шмер Т. А. Диагностические возможности опросника «Темпоральные модальности жизнеосуществления». *Сибирский психологический журнал.* 2021. № 82. С. 174–190. [Bredun E. V., Shcheglova E. A., Smeshko E. V., Shmer T. A. Diagnostic capabilities of "Temporal modality of life fulfillment" questionnaire. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2021, (82): 174–190. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/82/10>
- Злобина М. В. Адаптация методики отношения к неопределенности Р. Нортонa MAT-50: анализ внутренней структуры. *Психология. Журнал Высшей школы экономики.* 2022. Т. 19. № 3. С. 433–453. [Zlobina M. V. Adaptation of the measurement of ambiguity tolerance (MAT-50) by R. Norton: Analysis of internal structure. *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*, 2022, 19(3): 433–453. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-3-433-453>
- Злобина М. В. Взаимосвязь толерантности и интолерантности к неопределенности и черт Большой пятерки. *Reflexio.* 2019. Т. 12. № 1. С. 91–114. [Zlobina M. V. The relationship between tolerance and intolerance of ambiguity and Big five personality traits. *Reflexio*, 2019, 12(1): 91–114. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2019-12-1-91-114>
- Злобина М. В., Первушина О. Н. Интолерантность к неопределенности и депрессия. *Reflexio.* 2017. Т. 10. № 2. С. 126–141. [Zlobina M. V., Pervushina O. N. Intolerance for ambiguity and depression. *Reflexio*, 2017, 10(2): 126–141. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ytkqgw>
- Клочко В. Е. Онтология смысла и смыслообразование (размышления в связи с юбилеем О. К. Тихомирова). *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология.* 2013. № 2. С. 106–120. [Klochko V. E. Ontology of sense and sense-formation (Reflections on the anniversary of O. K. Tikhomirov). *Lomonosov Psychology Journal*, 2013, (2): 106–120. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qctprj>
- Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005. 174 с. [Klochko V. E. *Self-organization in psychological systems: problems of emergence of the mental space of a person (introduction into the transpective analysis)*. Tomsk: TSU, 2005, 174. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxpeuv>

- Клочко В. Е., Галажинский Э. В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: ТГУ, 2000. 154 с [Klochko V. E., Galazhinsky E. *Personality self-realization: a system look*. Tomsk: TSU, 2000, 154. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/stpxsl>
- Кондрашихина О. А. Диагностика толерантности к неопределенности: корреляция результатов психодиагностических измерений. *Перспективы науки и образования*. 2015. № 5. С. 83–87. [Kondrashihina O. A. Diagnostics tolerance for uncertainty: correlation between results of psycho-diagnostic measurements. *Perspektivy Nauki i Obrazovania*, 2015, (5): 83–87. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uzkezp>
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Апробация краткого опросника Большой пятерки (TIPI, КОБТ). *Психологические исследования*. 2016. Т. 9. № 46. [Kornilova T. V., Chumakova M. A. Development of the Russian version of the brief Big Five questionnaire (TIPI). *Psychological studies*, 2016, 9(46). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v9i46.480>
- Логинава И. О. Жизненное самоосуществление человека как проявление самоорганизации психологической системы. *Вестник Томского государственного университета*. 2010а. № 336. С. 169–173. [Loginova I. O. Human vital self-fulfillment as psychological system self-organization display. *Tomsk State University Journal*, 2010а, (336): 169–173. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nbkzmx>
- Логинава И. О. Инновационное поведение как способ взаимодействия человека с миром в процессе жизненного самоосуществления. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3, Педагогика и психология*. 2010b. № 1. С. 192–197. [Loginova I. O. Innovative behavior as the way of interaction of the person with the world in the course of vital self-realization. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 3, Pedagogy and Psychology*, 2010b, (1): 192–197. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lkybhl>
- Пинаева Л. И., Злобина М. В. Взаимосвязь интолерантности к неопределенности, тревоги и расстройств пищевого поведения. *Reflexio*. 2022. Т. 15. № 1. С. 48–65. [Pinaeva L. I., Zlobina M. V. Relationship between intolerance of uncertainty, anxiety and eating disorders. *Reflexio*, 2022, 15(1): 48–65. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/2658-4506-2022-15-1-48-65>
- Смирнов С. Д. Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности. *Психологический журнал*. 2016. Т. 37. № 5. С. 5–13. [Smirnov S. D. The prognostic orientation of world image as the basis for the dynamic control of uncertainty. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2016, 37(5): 5–13. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wmzjlp>
- Budner S. Intolerance of ambiguity as a personality variable. *Journal of Personality*, 1962, 30(1): 29–50. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1962.tb02303.x>
- Carleton R. N. Fear of the unknown: One fear to rule them all? *Journal of Anxiety Disorders*, 2016, 41: 5–21. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2016.03.011>
- Durrheim K., Foster D. Tolerance of ambiguity as a content specific construct. *Personality and Individual Differences*, 1997, 22(5): 741–750. [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(96\)00207-3](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(96)00207-3)
- Enoki H., Koda M., Saito S., Nishimura S., Kondo T. Attitudes towards ambiguity in Japanese healthy volunteers. *Current Psychology*, 2018, 37(4): 913–923. <https://doi.org/10.1007/s12144-017-9569-9>
- Frenkel-Brunswik E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable. *Journal of Personality*, 1949, 18(1): 108–143. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1949.tb01236.x>
- Herman J. L., Stevens M. J., Bird A., Mendenhall M., Oddou G. The tolerance for ambiguity scale: Towards a more refined measure for international management research. *International Journal of Intercultural Relations*, 2010, 34(1): 58–65. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2009.09.004>
- McLain D. L., Kefallonitis E., Armani K. Ambiguity tolerance in organizations: Definitional clarification and perspectives on future research. *Frontiers in Psychology*, 2015, 6. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00344>
- Merenluoto K., Lehtinen E. Number concept and conceptual change: Towards a systemic model of the processes of change. *Learning and Instruction*, 2004, 14(5): 519–534. <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2004.06.016>
- Norton R. W. Measurement of ambiguity tolerance. *Journal of Personality Assessment*, 1975, 39(6): 607–619. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa3906_11
- Yook K., Kim K.-H., Suh S. Y., Lee K. S. Intolerance of uncertainty, worry, and rumination in major depressive disorder and generalized anxiety disorder. *Journal of Anxiety Disorders*, 2010, 24(6): 623–628. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2010.04.003>

оригинальная статья

Совладающее поведение у молодых людей с различным уровнем толерантности к неопределенности

Кирилюк Марк Игоревич
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Россия, Томск
marksok777@gmail.com

Пенявская Анастасия Владимировна
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Россия, Томск
Scopus Author ID: 57219962711

Поступила в редакцию 15.07.2023. Принята после рецензирования 28.09.2023. Принята в печать 02.10.2023.

Аннотация: Возрастающая неопределенность современного мира ставит перед человеком особые задачи в русле психологии совладающего поведения. Мир меняется и человек меняется вместе с ним. Отношение к неопределенности, которое выражается через конструкт толерантности / интолерантности к неопределенности, является тем, что напрямую влияет на выбор копинг-стратегий, то есть на то, как будет происходить психологическая адаптация человека к условиям стресса. Цель – определить характер взаимосвязи между совладающим поведением личности молодых людей и уровнем толерантности к неопределенности. Выборка исследования: 81 человек 17–39 лет (средний возраст – 22,48 ± 5,34 лет). Результаты исследования свидетельствуют о наличии взаимосвязи между совладающим поведением и толерантностью к неопределенности в случае отдельных копинг-стратегий: принятие ответственности, бегство-избегание, планирование решения, положительная переоценка. Приводится обоснование, когда копинг *принятие ответственности* теряет свою адаптивную направленность. Описаны установленные взаимосвязи уровня фрустрации и субъективного благополучия с использованием адаптивных и неадаптивных копинг-стратегий. Приводится выявленная взаимосвязь между толерантностью к неопределенности и фрустрацией, равно как и между толерантностью к неопределенности и субъективным благополучием. Приведена эмоциональная окраска и субъективная переносимость неопределенности респондентами на основе самоотчета.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности, копинг-поведение, копинг-стратегии, преодоление, совладающее поведение, фрустрация, субъективное благополучие, студенты

Цитирование: Кирилюк М. И., Пенявская А. В. Совладающее поведение у молодых людей с различным уровнем толерантности к неопределенности. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 5. С. 665–676. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-665-676>

full article

Coping Behavior in Young People with Different Levels of Ambiguity Tolerance

Mark I. Kirilyuk
Tomsk State University, Russia, Tomsk
marksok777@gmail.com

Anastasia V. Penyavskaya
Tomsk State University, Russia, Tomsk
Scopus Author ID: 57219962711

Received 15 Jul 2023. Accepted after peer review 28 Sep 2023. Accepted for publication 2 Oct 2023.

Abstract: In the modern world, the growing uncertainty becomes a challenge for coping behavior as the current global changes bring about adaptive transformations in people. One's coping strategies depend on one's attitude towards uncertainty, which expresses itself via the construct of tolerance / intolerance to ambiguity. Coping strategies, in their turn, define the way one's psychological adaptation unfolds under stress. The research objective was to determine the relationship between the coping pattern and the level of ambiguity tolerance in young people. The study involved 81 people aged 17–39 (22.48 ± 5.34 y.o.). Such coping strategies as accepting responsibility, avoidance, planful problem solving, and positive reassessment demonstrated a correlation between the coping behavior pattern and the ambiguity tolerance. In some cases, the strategy of accepting responsibility lost its adaptive focus. Adaptive and maladaptive coping strategies were used to describe the relationships between the level of frustration and subjective well-being. The research revealed a strong connection between ambiguity tolerance and frustration, as well as between ambiguity

tolerance and subjective well-being. The article also introduces an analysis of self-reports made by the respondents regarding their emotional and subjective assessment of ambiguity tolerance.

Keywords: ambiguity tolerance, ambiguity intolerance, coping behavior, coping strategies, coping, frustration, subjective well-being, students

Citation: Kirilyuk M. I., Pen'yavskaya A. V. Coping Behavior in Young People with Different Levels of Ambiguity Tolerance. *SibScript*, 2023, 25(5): 665–676. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-665-676>

Введение

В современном мире, характеризующемся нестабильностью, сложностью и изменчивостью, в т. н. эпоху транзитивности редко кому удается избежать столкновения с неопределенностью – обстоятельствами, требующими выбора, решений и действий, когда их последствия в той или иной степени не прогнозируемы. Можно предположить, что в юном возрасте, когда перед человеком впереди вся жизнь, проблема, связанная с неопределенностью, предстает наиболее остро [Марцинковская, Полева 2022: 72]. Когда от молодого человека требуется принятие решений, совершение выбора в условиях недостатка или полного отсутствия информации, когда отсутствует уверенность в том, какой выбор окажется верным, учитывая, что его последствия повлияют на многие последующие события в жизни, не что иное, как неопределенность, отношение к ней и совладание встают на передний план [Белинская 2009].

Ситуация неопределенности рассматривается исследователями как трудная жизненная ситуация, нахождение в которой вызывает стресс [Битюцкая 2007: 92; Бутенко 2008]. Ряд ученых отмечают негативные последствия субъективного переживания ситуации неопределенности, ее способность порождать страх и тревогу [Андряшина, Салихова 2021: 30–31; Кандыбович и др. 2019; Харламенкова и др. 2020; Freeston et al. 2020]. В зарубежной психологической литературе подобное явление получило название *дистресс неопределенности*. Сюда также относятся сожаление, вина, чувство ответственности или стыда, грусть и горе, чувство отвергнутости, напряжения и давления, которые испытывает человек, попадая в незнакомую ситуацию [Freeston et al. 2020]. Однако сама по себе неопределенность, не всегда рассматривается в негативном ключе. Для многих людей ситуация, в которой присутствует неопределенность, становится источником развития, творческого изменения действительности и возможности трансформации реальности [Андряшина, Салихова 2021; Белинская 2014; Белорусова 2018; Бызова, Аванесян 2020; Соколова 2019].

Можно наблюдать, как в зависимости от толерантности/интолерантности к неопределенности люди по-разному оценивают и переживают ее. Именно для понимания того, как люди принимают неопределенность

и справляются с ней, для раскрытия механизмов преодоления и описания возможных способов развития терпимости к неопределенности в понятийный аппарат психологии были введены понятия *толерантность к неопределенности* и *интолерантность к неопределенности* [Леонов 2014: 43].

Как отмечает И. Н. Леонов, в большинстве зарубежных работ данный научный конструкт рассматривается как черта личности [Леонов 2014: 44]. При этом некоторые исследователи дополняют это понятие, заостряя внимание на том, что толерантность к неопределенности необходимо рассматривать в контексте факторов среды, где данный конструкт выступает как специфичный для той или иной области, не переносимый на другую (ситуационно-специфичная установка). Другие же авторы рассматривают толерантность к неопределенности как метакогнитивный процесс и навык, а не как стабильную и слабо изменяемую личностную черту [Merenluoto, Lehtinen 2004: 525]. По мнению И. Н. Леонова, данный подход позволяет рассматривать способы развития толерантности к неопределенности [Леонов 2014: 44].

Отношение к неопределенности, выражаемое исследователями через конструкт *толерантность / интолерантность к неопределенности*, влияет на то, как будет происходить психологическая адаптация человека к условиям стресса, какие осознанные действия и решения он будет принимать и какие переживания испытывать, оказываясь в незнакомой для себя ситуации. В этом смысле позитивное отношение к неопределенности является тем, что помогает человеку преодолевать возникающие проблемы [Морозова, Медовикова 2021: 116]. Однако здесь же присутствует и обратная сторона данного феномена, которая заключается в том, что отрицательное отношение к неопределенности может негативно сказаться на состоянии личности преодолевать неопределенность [Морозова, Медовикова 2021: 117; Трофимова, Кузьмина 2022: 59].

Под термином *преодоление* в данном случае мы подразумеваем использование тех или иных копинг-стратегий, осознанных решений и действий, которые помогают человеку справиться с проблемой,

представляющей угрозу для его физической и психологической безопасности [Крюкова 2008: 89].

В отечественную психологию термин *копинг* был введен Л. И. Анцыферовой, которая и предложила его перевод и обозначила данное явление как совладание (от старорус. *лад* – сладить, справиться, одолеть) [Анцыферова 2000]. Именно благодаря работам Л. И. Анцыферовой, а также К. К. Платонова, Б. М. Теплова и др. данный термин вошел в отечественную психологию в 1990-е гг. и был включен в структуру стресса [Коломейцев, Корзун 2010: 226]. Под копингом же понимается психологическое преодоление или совладание, комплекс способов и приемов преодоления дезадаптации и стрессовых состояний [Останина 2009: 110]. Фактически в отечественной литературе термины *копинг*, *совладание*, *совладающее поведение*, *преодоление* используются как синонимы [Нартова-Бочавер 1997: 22]. В. А. Бодров отмечает: «Понятие "coping behavior" используется для характеристики способов поведения человека в различных трудных ситуациях» [Бодров 2006: 122]. По мнению Л. И. Анцыферовой, в отечественной психологии до сих пор нет терминологического единообразия, и существует широкая дифференциация термина *копинг*, который используется как при обозначении данной области исследований, так и самой феноменологии [Дружинина 2013: 94].

Отметим, что ситуации, которым характерны новизна, сложность, конфликтность, противоречивость и риск, давно заняли свою нишу в сфере психологических исследований, однако в настоящий момент совладающее поведение молодых людей с различным уровнем толерантности к неопределенности все еще остается не до конца изученным. В связи с этим целью настоящего исследования является определение характера взаимосвязи между совладающим поведением личности молодого человека и уровнем толерантности к неопределенности.

Гипотезы исследования:

1. Существует взаимосвязь между стратегиями совладающего поведения и толерантностью к неопределенности. Так, молодые люди с высоким уровнем толерантности к неопределенности чаще используют адаптивные копинг-стратегии, а с низкой толерантностью к неопределенности – неадаптивные.

2. Показатель субъективного благополучия у молодых людей наряду с уровнем фрустрации взаимосвязан с использованием как адаптивных, так и неадаптивных копинг-стратегий.

3. Толерантность к неопределенности у молодых людей имеет взаимосвязь с уровнем фрустрации и показателем субъективного благополучия.

Методы и материалы

В качестве психодиагностического инструмента мы использовали методику «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтык, М. С. Замышляевой [Крюкова, Куфтык 2007]; опросник «Шкала толерантности к неопределенности» Д. МакЛейна, адаптированный Е. Г. Луковицкой и модифицированный Е. Н. Осиным [Осин 2010: 67–68]; методику «Определение состояния фрустрации» В. В. Бойко [Аврамова 2020: 274]; опросник «Шкала субъективного счастья» С. Любомирски и Х. Леппер в адаптации Д. А. Леонтьева [Осин, Леонтьев 2008: 3]. Для сбора данных и выявления дополнительных характеристик отношения молодых людей к неопределенности использовалась разработанная нами анкета.

Статистическая обработка осуществлялась с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена и критерия Краскела-Уоллиса. Критерий Колмогорова-Смирнова применен для проверки распределения на нормальность. Обработка результатов проводилась с использованием программного пакета IBM SPSS Statistics 27.

Выборку исследования составили 81 человек в возрасте от 17 до 39 лет (средний возраст – $22,48 \pm 5,34$ лет): 20 мужчин (24,7 %) и 61 женщина (75,3 %). Все респонденты находятся в процессе получения высшего образования гуманитарного направления, т. е. являются студентами. Исследование проводилось на базе Google Forms.

Результаты

Прежде чем приступать к исследованию совладающего поведения у молодых людей с различным уровнем толерантности к неопределенности, необходимо было выяснить, каким образом респонденты эту неопределенность переживают. С целью определения наиболее распространенных эмоциональных состояний, порожденных субъективной неопределенностью, был проведен частотный анализ ответов респондентов на вопросы анкеты. У большей части респондентов (52 человека; 64,2 %) возникает смешанное состояние¹ при столкновении с неопределенной ситуацией. 27,2 % всех респондентов (22 человека) переживают страх, тревогу или беспокойство. И только меньшая часть (7 человек; 8,6 %) испытывает интерес, азарт или любопытство. Из этого можно вынести, что ситуация неопределенности, будучи одним из видов трудной жизненной ситуации, способна затрагивать те или иные стороны эмоциональной сферы человека, в большей степени вызывая целую гамму смешанных чувств и эмоций. Немалая часть молодых людей переживают данную

¹ Смешанное состояние подразумевает под собой совокупность как позитивных, так и негативных эмоциональных переживаний, вызванных неопределенностью.

ситуацию с сугубо отрицательным оттенком, находясь в стрессе и ожидая негативных последствий. Особенно интересным кажется то, что состояние с позитивными переживаниями относится к довольно малому числу респондентов – лишь некоторым из них удается вынести из ситуации неопределенности исключительно положительные переживания, направленные на поисковую активность.

Вышеизложенное дополняют данные об уровне субъективной переносимости неопределенности. Большее число респондентов (57 человек; 70,4 %) тяжело переносят неопределенность, около четверти (20 человек; 24,7 %) – легко, только 4 человека (4,9 %) – умеренно.

С помощью опросника «Шкала толерантности к неопределенности» Д. МакЛейна (Е. Г. Луковицкая, Е. Н. Осин) мы определили уровень толерантности к неопределенности у молодых людей: низкий уровень – 28 респондентов, средний – 48 респондентов (большинство), высокий – лишь 5 респондентов.

Средний показатель общего балла толерантности к неопределенности по выборке составляет 88,69 Т-балла, что соответствует среднему уровню. Проведя параллели с другими исследованиями по проблеме толерантности к неопределенности, мы заметили, что средний балл показателя по нашей выборке оказался несколько выше, чем у молодежи политехнического университета в работе А. С. Заржицкой 2022 г. – в данной работе выборка состояла как из работающей, так и обучающейся молодежи, которые в целом показали низкий уровень толерантности к неопределенности, а именно 78,75 Т-балла у молодых сотрудников и 79,22 Т-балла у студентов. А. С. Заржицкая предположила, что низкая толерантность к неопределенности в их случае может быть обусловлена локдауном и возникшими политическими событиями [Заржицкая 2022: 81]. При этом наше исследование было проведено в 2023 г. в еще более сложной политической обстановке, поэтому мы бы не стали однозначно утверждать, что между политической средой и уровнем толерантности к неопределенности имеется значимая связь. На наш взгляд, наиболее правдоподобное объяснение данного различия состоит в том, что уровень толерантности к неопределенности различается между технической и гуманитарной молодежью, что можно проверить только проведя соответствующее исследование.

С помощью методики «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман (Т. Л. Крюкова, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляева) мы определили показатели выбора молодыми людьми копинг-стратегий в трудных или проблемных для них ситуациях (рис.). Полученные данные не выходят за пределы показателей 40–60 Т-баллов, что позволяет нам сделать вывод

об умеренной степени использования копинг-стратегий молодыми людьми. Наиболее используемые копинг-стратегии: бегство-избегание, планирование решения проблемы, дистанцирование; наименее: принятие ответственности, самоконтроль. Интересно, что самыми выраженными копинг-стратегиями у молодых людей пришлось одновременно адаптивные (планирование решения проблемы) и неадаптивные (бегство-избегание) варианты совладания.

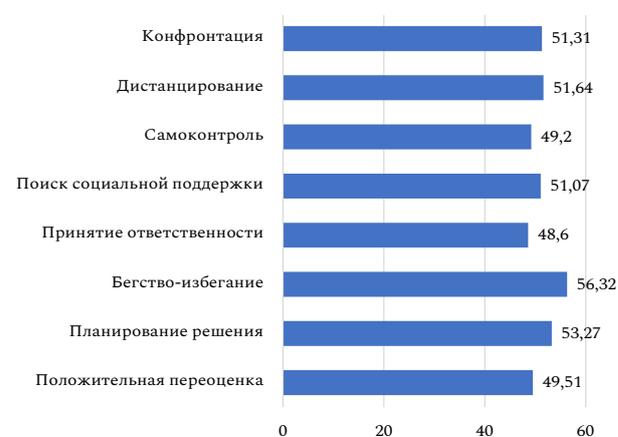

Рис. Показатели выбора копинг-стратегий у молодых людей, средние значения в Т-баллах

Fig. Coping strategy choices in young people, mean values in T-scores

Для выявления различий в выборе копинг-стратегий между группами молодых людей с различным уровнем толерантности к неопределенности (ТН) мы использовали критерий Краскела-Уоллиса (табл. 1). Статистически значимых различий в выборе копинг-стратегий *конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, планирование решения, положительная переоценка* не обнаружено. Сравнение групп по критерию Краскела-Уоллиса показало наличие статистически значимых различий ($p < 0,05$) по выбору копинг-стратегий *принятие ответственности* и *бегство-избегание*. Видно, что в группах с низкой толерантностью к неопределенности молодые люди чаще прибегают к использованию данных копинг-стратегий. С увеличением общего показателя толерантности к неопределенности эта тенденция принимает противоположный характер.

В целом полученные данные частично подтверждают нашу гипотезу о том, что молодые люди с низкой толерантностью к неопределенности для преодоления стрессовых ситуаций чаще используют неадаптивные копинг-стратегии, одной из которых является *бегство-избегание*. Отдельно стоит отметить, что количество людей в выборках, между которыми происходило сравнение, неравномерно, поэтому полученные данные нуждаются в уточнении.

Табл. 1. Копинг-стратегии у молодых людей с различным уровнем толерантности к неопределенности: ранговый дисперсионный анализ Краскела-Уоллиса

Tab. 1. Coping strategies in young people with different levels of ambiguity tolerance: Kruskal – Wallis rank analysis of variance

Копинг-стратегия	Средний ранг			N	p
	Низкий уровень ТН	Средний уровень ТН	Высокий уровень ТН		
Принятие ответственности	47,39	39,63	18,40	6,888	0,032
Бегство-избегание	47,05	40,67	10,30	10,421	0,005

Чтобы окончательно проверить нашу главную гипотезу о том, что толерантность к неопределенности имеет взаимосвязь со стратегиями совладающего поведения, мы применили коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ -Спирмена) (табл. 2).

Статистически значимых корреляций между копинг-стратегиями *конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки* и субшкалами методики «Шкала толерантности к неопределенности» Д. МакЛейна не обнаружено.

С помощью корреляционного анализа нами были установлены статистически значимые отрицательные связи копинг-стратегии *принятие ответственности* как с общим показателем толерантности к неопределенности, так и с другими субшкалами методики Д. МакЛейна: толерантность к неопределенности, отношение к сложным задачам, отношение к неопределенным ситуациям.

Табл. 2. Значимые коэффициенты корреляции между копинг-стратегиями («Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, С. Фолкман) и субшкалами методики «Шкала толерантности к неопределенности» Д. МакЛейна (Е. Г. Луковицкая, Е. Н. Осин)

Tab. 2. R. S. Lazarus and S. Folkman's Ways of Coping Questionnaire vs. D. L. McLain's Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale: significant correlations

Копинг-стратегия	Общий балл ТН	Предпочтение неопределенности	Толерантность к неопределенности	Отношение к новизне	Отношение к сложным задачам	Отношение к неопределенным ситуациям
Принятие ответственности	-0,326**	-	-0,387**	-	-0,297**	-0,293**
Бегство-избегание	-0,311**	-	-0,388**	-0,248*	-0,240*	-0,354**
Планирование решения	-	0,271*	-	-	0,231*	-
Положительная переоценка	0,341**	0,337**	0,280*	-	0,323**	0,257*

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Похожая картина сложилась с копинг-стратегией *бегство-избегание*, которая имеет отрицательную связь с общим показателем толерантности к неопределенности, а также с субшкалами *толерантность к неопределенности, отношение к новизне, отношение к сложным задачам, отношение к неопределенным ситуациям*.

Установленные корреляционные связи вполне логичны: у молодых людей с высоким уровнем общего показателя толерантности к неопределенности реже проявляется совладание в виде отрицания или игнорирования своих проблем, т. е. использования неадаптивного копинга *бегство-избегание*. У молодых людей с низким уровнем толерантности к неопределенности чаще наблюдается уход в свои фантазии при стрессе, проявление пассивности. По своей сути *бегство-избегание* предполагает отсутствие действий по разрешению возникших трудностей, т. е. уклонение от ответственности в ее поведенческом начале.

У молодых людей с низкой толерантностью к неопределенности использование стратегии *принятие ответственности* находится на высоком уровне. Выраженность данной стратегии в поведении говорит не только о признании своей роли в возникновении проблемы самой по себе (т. е. ответственности за ее появление), но и о наличии явного компонента самокритики и самообвинения. Таким образом, мы можем предполагать, что люди с низким уровнем толерантности к неопределенности (отрицательное отношение к неопределенности) при возникновении проблем склонны к неоправданной самокритике, чувству вины и неудовлетворенности собой. При этом они не то чтобы не берут на себя ответственность за появление проблем, скорее, речь идет о том, что до реальных действий, которые приведут к разрешению трудностей, дело не доходит.

И хоть сама по себе стратегия *принятие ответственности* не считается неадаптивной, излишнее ее использование провоцирует нарастание эмоционального напряжения, которое в свою очередь приводит не к конструктивным действиям по совладанию со стрессом, а к неадаптивному бегству, или избеганию, которое может проявляться в пассивности, нетерпении, вспышках раздражения, погружении в фантазии, переедании, употреблении алкоголя и т. п.

Копинг-стратегия *планирование решения* имеет слабые положительные связи со субшкалами *предпочтение неопределенности* и *отношение к сложным задачам*. Молодые люди с высокими показателями по данным субшкалам чаще совершают попытки преодолеть проблему за счет целенаправленного анализа ситуации и рассмотрения разных вариантов действий с особым планом по ее разрешению. Отметим, что хоть использование данной стратегия и не имеет выявленных связей с общим показателем толерантности к неопределенности, ее преимущественно адаптивная направленность и связи с субшкалами используемой методики, безусловно, говорят о ее вкладе в разрешение сложных проблем, с которыми сталкивается личность.

Стратегия *положительная переоценка* имеет прямые связи с общим показателем толерантности к неопределенности и с субшкалами *предпочтение неопределенности* и *отношение к сложным задачам*. Слабые положительные связи у данной стратегии установлены с субшкалами *толерантность к неопределенности* и *отношение к неопределенным ситуациям*. Можно заметить, что при высокой толерантности к неопределенности молодые люди чаще используют преодоление негативных переживаний за счет явного положительного переосмысления проблемы. Возможно, положительное отношение к неопределенности способствует рассмотрению возникающих проблем не как того, что может угрожать благополучию личности, тем самым вызывая негативные эмоциональные переживания, а как стимула для дальнейшего роста.

Выше мы уже писали о том, что копинг-стратегия *принятие ответственности* не является адаптивной у людей с низким уровнем толерантности к неопределенности. Согласно R. S. Lazarus и S. Folkman, частое использование данной стратегии может приводить к самообвинению и неудовлетворенности собой [Lazarus, Folkman 1984]. Чтобы подробнее раскрыть данную тему, мы обратились к вопросу нашей анкеты, где от респондентов требовалось определить, с какой частотой они винят себя за то, что им пришлось оказаться в ситуации неопределенности. Сравнение групп с использованием критерия Краскела-Уоллиса показало наличие статистически значимых различий по выраженности

использования копинг-стратегии *принятие ответственности* у молодых людей с различной выраженностью самообвинения (табл. 3). Данные наглядно демонстрируют, что молодые люди, которые не так часто используют рассматриваемую копинг-стратегию, реже прибегают к обвинению, направленному на себя. В свою очередь люди с выраженным использованием данной копинг-стратегии склонны обвинять самих себя.

Табл. 3. Копинг-стратегия *принятие ответственности* у молодых людей с различной выраженностью самообвинения: ранговый дисперсионный анализ Краскела-Уоллиса

Tab. 3. Accepting responsibility in young people with different severity of self-blame: Kruskal – Wallis rank analysis of variance

Копинг-стратегия	Средний ранг				N	p
	Никогда	Редко	Иногда	Часто		
Принятие ответственности	27,5	34,98	47,54	61,11	24,305	0,001

В своей модели копинг-поведения Э. Хайм рассматривает самообвинение как один из вариантов эмоционального копинга, при этом самообвинение считается неадаптивной (не способствующей разрешению проблемы) стратегией копинга [по: Церковский 2006: 114]. Помимо прочего, многие авторы относят самообвинение к факторам самоотношения, связанным с отрицательными эмоциями в адрес своего Я. Исследователи проводят параллели между аутоагрессией и самообвинением, нанесением себе вреда вплоть до самоубийства [Лазарева, Зиновьева 2018: 80]. Сюда же хочется добавить ранее полученные нами данные, согласно которым используют стратегию *принятие ответственности* (как и к копинг *бегство-избегание*) в основном молодые люди с низким уровнем толерантности к неопределенности. Вышеизложенное позволяет нам утверждать, что данная копинг-стратегия в определенных ситуациях может принимать для личности молодого человека неадаптивный характер и наносить вред. Например, явное самообвинение и самоуничужение, которые нередко идут рука об руку с выраженным использованием данной стратегии, могут приводить к значительной дезадаптации и, как следствие, к риску развития депрессивных состояний.

После того как было обнаружено, что молодые люди в зависимости от уровня толерантности к неопределенности используют те или иные стратегии совладающего поведения, мы предположили, что использование тех или иных копингов должно иметь связь с уровнем

фрустрации личности в случае выраженного использования неадаптивных моделей поведения и с уровнем субъективного благополучия при использовании адаптивных копингов. С помощью коэффициента ранговой корреляции ρ -Спирмена мы исследовали связь копинг-стратегий с уровнями фрустрации и субъективного благополучия (табл. 4).

Табл. 4. Значимые коэффициенты корреляции между копинг-стратегиями и уровнем фрустрации и субъективного благополучия

Tab. 4. Coping strategies vs. frustration and subjective well-being: significant correlation coefficients

Шкала	Принятие ответственности	Бегство-избегание	Планирование решения	Положительная переоценка
Фрустрация	-	0,349**	-	-0,290**
Субъективное благополучие	-0,237*	-0,281*	0,239*	0,413**

Прим.: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$.

Статистически значимых корреляций между копинг-стратегиями *конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки* и уровнями фрустрации и субъективного благополучия не обнаружено.

С помощью корреляционного анализа нами была выявлена слабая положительная связь уровня фрустрации и использования стратегии *бегство-избегание*, установлена отрицательная слабая связь фрустрации со стратегией *положительная переоценка*.

В свою очередь шкала *субъективное благополучие* слабо отрицательно коррелирует со стратегиями *принятие ответственности* и *бегство-избегание*. Слабые положительные связи субъективного благополучия установлены в отношении копинг-стратегий *планирование решения* и *положительная переоценка*.

Как оказалось, использование адаптивных копинг-стратегий действительно чаще сопровождается более высокими показателями полноты жизни. При этом видно, что для молодых людей с выраженным использованием неадаптивных копингов характерно состояние неудовлетворенности собственной жизни и более низкий уровень субъективного благополучия, особенно в случае со стратегией *избегание*, которое часто применяется людьми, желающими сохранить свои личностные ресурсы, что может приводить к накоплению стресса и развитию неблагоприятных состояний.

Использование же копинг-стратегий, направленных на преобразование проблемной ситуации в стимул для личностного роста, приводит к уменьшению негативного эмоционального напряжения, связанного с неудовлетворенными потребностями. Мы считаем, что преобразование проблемной ситуации в стимул представляет собой не просто стратегию по совладанию со стрессом, а есть нечто большее, направленное на позитивное развитие личности, что мы назвали бы неким «совладающим творчеством» – не простым (или обыденным) решением проблемы самой по себе, а творческой волей, действием, которое способно изменить внутреннюю реальность субъекта, выводя «зрелость» его личности на более высокий уровень.

Далее была проверена связь между толерантностью к неопределенности и уровнями фрустрации и субъективного благополучия с помощью коэффициента ранговой корреляции ρ -Спирмена (табл. 5). Использование корреляционного анализа подтвердило наши предположения. Были выявлены средние по силе отрицательные связи уровня фрустрации с общим показателем толерантности к неопределенности и субшкалами *толерантность к неопределенности, отношение к неопределенным ситуациям*. Вдобавок были установлены слабые связи уровня фрустрации с субшкалами *предпочтение неопределенности, отношение к новизне и отношение к сложным задачам*. Как мы видим, существует взаимосвязь между толерантностью к неопределенности и уровнем

Табл. 5. Значимые коэффициенты корреляции между уровнем фрустрации, субъективного благополучия и субшкалами методики «Шкала толерантности к неопределенности» Д. МакЛейна
Tab. 5. Frustration vs. subjective well-being vs. subscales of D. L. McLain's Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale: significant correlations

Субшкалы	Фрустрация	Субъективное благополучие
Общий балл ТН	-0,566**	0,384**
Предпочтение неопределенности	-0,417**	0,275*
Толерантность к неопределенности	-0,608**	0,413**
Отношение к новизне	-0,301**	-
Отношение к сложным задачам	-0,473**	0,352**
Отношение к неопределенным ситуациям	-0,573**	0,382**

Прим.: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$.

фрустрации, следовательно, можно говорить о том, что молодые люди с низкой толерантностью к неопределенности не только чувствуют дискомфорт в сложных и неоднозначных ситуациях, но и в целом чаще находятся в состоянии переживания нереализованных намерений. Возможно, что отчасти именно из-за низкого уровня толерантности к неопределенности такие люди не могут реализовать свои потребности и желания, отчего чаще находятся в негативном эмоциональном состоянии. Это сужает совладающий потенциал личности, поскольку все то новое, сложное и неопределенное, все те препятствия и барьеры, с которыми сталкиваются молодые люди, становятся непреодолимыми.

Слабые положительные связи шкалы субъективного благополучия выявлены практически со всеми субшкалами методики Д. МакЛейна (кроме субшкалы *отношение к новизне*). Молодые люди с позитивным отношением к неопределенности чаще людей с низкой толерантностью к неопределенности удовлетворены собственной жизнью. Люди с высокой толерантностью к неопределенности чаще других склонны сознавать и принимать сложность, непредсказуемость и неоднозначность окружающего их мира. Данное свойство личности в определенной мере помогает молодым людям переживать собственную жизнь как нечто целое, чаще находиться в позитивном эмоциональном состоянии и меньше других оказываться в психологическом стрессе при столкновении с той или иной проблемой.

Заключение

В соответствии с целью нашей работы, которая состояла в определении характера взаимосвязи между совладающим поведением личности молодого человека и уровнем толерантности к неопределенности, мы подобрали диагностический инструмент и применили его на соответствующей выборке, получив ряд интересных результатов.

1. Ситуация неопределенности, в которую попадают молодые люди, вызывает у них целый ряд эмоциональных переживаний. У большей части респондентов (52 человека; 64,2 %) при столкновении с неопределенностью наблюдается наличие как положительных, так и отрицательных переживаний. Для 27,2 % респондентов (22 человека) неопределенность характеризуется наличием страха, тревоги или беспокойства. И только для абсолютного меньшинства (7 человек; 8,6 %) подобная неясность оборачивается наличием сугубо положительных переживаний. В целом же респонденты указывают на тяжелую переносимость неопределенности (57 человек; 70,4 %). Легко переносят подобную ситуацию около четверти (20 человек; 24,7 %), а умеренно – лишь 4 респондента (4,9 %).

2. Средний показатель толерантности к неопределенности по выборке составил 88,69 Т-балла, что соответствует среднему уровню. Показатель других субшкал методики Д. МакЛейна (Е. Г. Луковицкая, Е. Н. Осин) также находится на уровне, который соответствует среднему. Мы предполагаем, что данный уровень толерантности к неопределенности объясняется возрастом молодых людей, который чаще всего характеризуется отсутствием жизненного опыта, консервативных установок и ориентации на стабильность.

3. Копинг-стратегия *бегство-избегание* ($\rho = -0,311$) оказалась отрицательно взаимосвязана как с общим показателем толерантности к неопределенности, так и с другими субшкалами методики. Мы пришли к выводу, что молодые люди с высокой толерантностью к неопределенности реже прибегают к тому, чтобы использовать отрицание или игнорирование своих проблем, уход в фантазии или иной вид пассивности при стрессе, т. е. к неадаптивному копингу. У молодых людей с низкой толерантностью к неопределенности частота использования данного копинга выше.

Отрицательная взаимосвязь копинга *принятие ответственности и толерантности к неопределенности* ($\rho = -0,326$) говорит о том, что молодые люди с низким уровнем толерантности к неопределенности часто прибегают к использованию данной копинг-стратегии. При этом ее выраженность в поведении свидетельствует не только о признании своей роли в возникновении проблемы самой по себе (т. е. ответственности за ее появление), но и о наличии явного компонента самокритики и самообвинения.

Таким образом, мы можем предполагать, что люди с низким уровнем толерантности к неопределенности при возникновении проблем склонны к неоправданной самокритике, чувству вины и неудовлетворенности собой. Такие люди не то чтобы не берут на себя ответственность за появление проблем, скорее, речь идет о том, что до реальных действий, которые приведут к разрешению трудностей, дело не доходит. И хоть сама по себе стратегия *принятие ответственности* не считается неадаптивной, излишнее ее использование провоцирует нарастание эмоционального напряжения, которое в свою очередь способно привести не к конструктивным действиям по совладанию со стрессом, а к неадаптивному бегству, или избеганию, которое может проявляться в пассивности, нетерпении, вспышках раздражения, погружении в фантазии, переедании, употреблении алкоголя и т. п.

Стратегия *планирование решения* имеет положительные связи с субшкалами *предпочтение неопределенности* ($\rho = 0,271$) и *отношение к сложным задачам* ($\rho = 0,231$), что говорит нам о том, что молодые люди с высокими

показателями по данным субшкалам чаще совершают попытки преодолеть проблему за счет целенаправленного анализа ситуации, как и рассмотрения разных вариантов действий с особым планом по ее разрешению. Здесь мы отмечаем, что хоть использование данной стратегии и не имеет выявленных связей с общим показателем толерантности к неопределенности, ее преимущественно адаптивная направленность и выявленные связи с субшкалами используемой методики определенно говорят о ее вкладе в разрешение сложных проблем, с которыми сталкивается личность.

Копинг *положительная переоценка*, который мы рассматриваем как адаптивный вариант совладания, положительно связан с общим показателем толерантности к неопределенности ($\rho = 0,341$) и остальными субшкалами, кроме *отношение к новизне*, и это демонстрирует, что молодые люди с высокой толерантностью к неопределенности чаще используют преодоление негативных переживаний за счет явного положительного переосмысления проблемы. Мы считаем, что позитивное отношение к неопределенности способствует рассмотрению возникающих проблем не как того, что может угрожать благополучию личности, вызывая негативные эмоциональные переживания, а как стимула для дальнейшего роста.

4. Существуют различия в частоте самообвинения у групп молодых людей в выраженности использования ими копинг-стратегии *принятие ответственности*. Молодые люди, реже использующие данную стратегию, реже прибегают к обвинению, направленному на себя. В свою очередь молодые люди с выраженным использованием данной копинг-стратегии склонны к самообвинению. Мы пришли к выводу, что выраженное совладание со стрессом с помощью копинга *принятие ответственности* становится неадаптивным ввиду присутствия явного компонента самокритики и самообвинения, которые могут привести к значительной дезадаптации и, как следствие, к риску развития депрессивных состояний. Здесь же стоит отметить результаты, описанные выше, согласно которым выраженное использование данной стратегии наблюдается у молодых людей с низким уровнем толерантности к неопределенности.

5. Обнаружена слабая положительная связь между шкалой фрустрации и копингом *бегство-избегание* ($\rho = 0,349$). Выявлена отрицательная слабая связь фрустрации со стратегией *положительная переоценка* ($\rho = -0,290$). Для молодых людей с выраженным использованием неадаптивных копингов характерно состояние неудовлетворенности собственной жизни. При этом использование копинга, направленного на преобразование проблемной ситуации в стимул для личностного роста, приводит к уменьшению

негативного эмоционального напряжения, связанного с неудовлетворенными потребностями.

Помимо этого, установлены слабые корреляционные отрицательные связи шкалы субъективного благополучия с копингами *принятие ответственности* ($\rho = -0,237$) и *бегство-избегание* ($\rho = -0,281$). Слабые положительные связи субъективного благополучия установлены в отношении копинг-стратегий *планирование решения* ($\rho = 0,239$) и *положительная переоценка* ($\rho = 0,413$). Использование адаптивных копинг-стратегий чаще сопровождается более высокими показателями полноты жизни, использование же неадаптивной стратегии *бегство-избегание*, равно как и *принятие ответственности*, эту удовлетворенность снижает.

6. Применение корреляционного анализа позволило выявить среднюю по силе отрицательную взаимосвязь между общим показателем толерантности к неопределенности и уровнем фрустрации ($\rho = -0,566$). Были установлены отрицательные связи фрустрации и остальных субшкал методики Д. МакЛейна. Мы предполагаем, что молодые люди с низкой толерантностью к неопределенности не только чувствуют дискомфорт в сложных и неоднозначных ситуациях, но и в целом чаще находятся в состоянии переживания нереализованных намерений. Возможно, что отчасти именно из-за низкого уровня толерантности к неопределенности такие люди не могут реализовать свои потребности и желания, отчего чаще находятся в негативном эмоциональном состоянии. Низкая толерантность к неопределенности в данном случае выступает не тем, что должно помогать личности преодолевать трудности, а наоборот – тем, что сужает ее совладающий потенциал, поскольку все то новое, сложное и неопределенное, все те препятствия и барьеры, с которыми сталкивается личность, становятся непреодолимыми.

Обнаружены слабые положительные связи шкалы субъективного благополучия практически со всеми субшкалами методики Д. МакЛейна (кроме субшкалы *отношение к новизне*). Полученные данные позволяют утверждать, что молодые люди с позитивным отношением к неопределенности в большей степени, чем люди с низкой толерантностью к неопределенности, удовлетворены собственной жизнью. Люди с высокой толерантностью к неопределенности чаще других склонны сознавать и принимать сложность, непредсказуемость и неоднозначность окружающего их мира. По нашему мнению, данное свойство личности в определенной мере помогает молодым людям переживать собственную жизнь как нечто целое, чаще находиться в позитивном эмоциональном состоянии и меньше других оказываться в психологическом стрессе при столкновении с той или иной проблемой.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Аврамова Т. И. Исследование фрустрации у студентов. *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. № 67-1. С. 274–279. [Avramova T. I. Research of frustrations at students. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2020, (67-1): 274–279. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xqcsvo>
- Андрияшина А. Д., Салихова Н. Р. Отношение к ситуации неопределенности: анализ феноменологических описаний аспирантов. *Педагогическое образование: новые вызовы и цели: VII Междунар. форум*. (Казань, 26–28 мая 2021 г.) Казань: КФУ, 2021. Ч. IV. С. 26–32. [Andriyashina A. D., Salikhova N. R. Attitude to the situation of uncertainty: analysis of phenomenological description of postgraduates. *Pedagogical education: new challenges and goals*: Proc. VII Intern. forum, Kazan, 26–28 May 2021. Kazan: KFU, 2021, pt. 4, 26–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbfgis>
- Анцыферова Л. И. Дорога, ведущая к смыслу. *Психологический журнал*. 2000. Т. 21. № 4. С. 120–121. [Antsiferova L. I. The road to meaning. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2000, 21(4): 120–121. (In Russ.)]
- Белинская Е. П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности. *Психологические исследования*. 2014. Т. 7. № 36. [Belinskaya E. P. Uncertainty as a category of modern social psychology of personality. *Psychological Studies*, 2014, 7(36). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v7i36.604>
- Белинская Е. П. Совладание как социально-психологическая проблема. *Психологические исследования*. 2009. № 1. [Belinskaya E. P. Coping as socio-cultural problem. *Psychological Studies*, 2009, (1). (In Russ.)] <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1001>
- Белорусова Е. А. Ситуация неопределенности как источник развития личности. *Молодой ученый*. 2018. № 50. С. 455–459. [Belorusova E. A. Ambiguous situation as a source of personality development. *Molodoi uchenyi*, 2018, (50): 455–459. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/voxbml>
- Битюцкая Е. В. Трудная жизненная ситуация: критерии когнитивного оценивания. *Психологическая наука и образование*. 2007. Т. 12. № 4. С. 87–93. [Bityutskaya E. V. Difficult life situation: Cognitive appraisal criteria. *Psychological Science and Education*, 2007, 12(4): 87–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ijfofd>
- Бодров В. А. Проблема преодоления стресса. Часть 1: "Coping stress" и теоретические подходы к его изучению. *Психологический журнал*. 2006. Т. 27. № 2. С. 122–133. [Bodrov V. A. "Coping stress" problem. Part I. "Coping stress" and theoretical approaches to its study. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2006, 27(2): 122–133. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/htezsb>
- Бутенко Т. П. Методика диагностики понимания неопределенности жизненных ситуаций и совладания с ними. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2008. Т. 5. № 2. С. 117–123. [Butenko T. P. A measure of understanding of uncertainty in life situations and coping with them. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2008, 5(2): 117–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jwmczt>
- Бызова В. М., Аванесян М. О. Переживание субъективной неопределенности и готовность к изменениям. *Вестник Вятского государственного университета*. 2020. № 3. С. 103–111. [Byzova V. M., Avanesyan M. O. Experience subjective uncertainty and being ready for change. *Herald of Vyatka State University for the Humanities*, 2020, (3): 103–111. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.20.044>
- Дружинина Ю. А. Личностные черты, жизненные события, типы и стратегии копинг-поведения подростков. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2013. № 1. С. 94–100. [Druzhinina Yu. A. Personality traits, life events, and types and strategies of coping behavior in adolescents. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, 2013, (1): 94–100. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzqkqh>
- Заржицкая А. С. Толерантность к неопределенности работающей и обучающейся молодежи технического вуза. *Фундаментальные и прикладные научные исследования: X Междунар. конкурс науч.-иссл. работ*. (Уфа, 5 декабря 2022 г.) Уфа: Вестник науки, 2022. Ч. 2. С. 78–86. [Zarzhitskaya A. S. Ambiguity tolerance in working and non-working technical university students. *Fundamental and applied research*: Proc. X Intern. Sci.-Research Competition, Ufa, 5 Dec 2022. Ufa: Vestnik nauki, 2022, pt. 2, 78–86. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nnyxsu>

- Кандыбович С. Л., Разина Т. В., Субботина Л. Ю., Пронина Н. Р. Стресс, вызванный защитой диссертации, и его последствия. *Вестник Института мировых цивилизаций*. 2019. Т. 10. № 3. С. 26–35. [Kandybovich S. L., Razina T. V., Subbotina L. Yu., Pronina N. R. Stress, caused by defending a dissertation, and its consequences. *Bulletin of the University of World Civilizations*, 2019, 10(3): 26–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yhrbdx>
- Коломейцев Ю. А., Корзун С. А. Основные научные подходы к копинг-поведению (совладающему поведению). *Проблемы управления (Минск)*. 2010. № 2. С. 226–229. [Kolomeytczev Y. A., Korzun S. A. Basic theoretical approaches to a coping behavior. *Problemy upravleniia (Minsk)*, 2010, (2): 226–229. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xcnwpt>
- Крюкова Т. Л. Человек как субъект совладающего поведения. *Психологический журнал*. 2008. Т. 29. № 2. С. 88–95. [Kryukova T. L. A man as a subject of coping behavior. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2008, 29(2): 88–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/inmjah>
- Крюкова Т. Л., Куфтык Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ). *Журнал практического психолога*. 2007. № 3. С. 93–111. [Kryukova T. L., Kuftyak E. V. Questionnaire of ways of control (adaptation of a technique of WCQ). *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 2007, (3): 93–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygcfyx>
- Лазарева Е. А., Зиновьева Е. В. Отношение к смерти у молодых людей, склонных к самообвинению. *Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ*. 2018. Т. 6. С. 79–84. [Lazareva E. A., Zinovieva E. V. Death attitude of the young people with a tendency to self-blame. *Nauchnye issledovaniia vypusknikov fakulteta psikhologii SPbGU*, 2018, 6: 79–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zdkmmp>
- Леонов И. Н. Толерантность к неопределенности как психологический феномен: история становления конструкта. *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*. 2014. № 4. С. 43–52. [Leonov I. N. Tolerance for ambiguity as a psychological phenomenon: the history of a construct. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2014, (4): 43–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tmyvtv>
- Марцинковская Т. Д., Полева Н. С. Особенности кризисов транзитивности в период карантина. *Новые психологические исследования*. 2022. Т. 2. № 1. С. 71–87. [Martsinkovskaya T. D., Poleva N. S. Features of transitivity's crises during the quarantine period. *New Psychological Research*, 2022, 2(1): 71–87. (In Russ.)] https://doi.org/10.51217/psyresearch_2022_02_01_04
- Морозова И. С., Медовикова Е. А. Отношение к неопределенности в структуре психологической безопасности личности сотрудников промышленных предприятий. *Гуманитарные науки (г. Ялта)*. 2021. № 2. С. 113–120. [Morozova I. S., Medovikova E. A. Attitude to uncertainty in the structure of the psychological safety of the personality of employees of industrial enterprises. *The Humanities (Yalta)*, 2021, (2): 113–120. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mqbbtg>
- Нартова-Бочавер С. К. "Coping behavior" в системе понятий психологии личности. *Психологический журнал*. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30. [Nartova-Bochaver S. K. "Coping behavior" in the system of concepts of personality psychology. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 1997, 18(5): 20–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rctpbpb>
- Осин Е. Н. Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. МакЛейна. *Психологическая диагностика*. 2010. № 2. С. 65–86. [Osin E. N. Factor structure of the Russian version of D. McLain's Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale-I. *Psikhologicheskaiia diagnostika*, 2010, (2): 65–86. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sufqlt>
- Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия. *Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия: III Всерос. социол. конгресс. (Москва, 21–24 октября 2008 г.)*. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 3–48. [Osin E. N., Leontiev D. A. Approbation of Russian-language versions of two scales for rapid assessment of subjective well-being. *Sociology and society: problems and ways of interaction: Proc. III All-Russian Sociol. Congress, Moscow, 21–24 Oct 2008*. Moscow: FCTAS RAS, 2008, 3–48. (In Russ.)]
- Останина Н. В. Теоретические основы формирования копинг-поведения учащихся. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2009. № 1. С. 109–120. [Ostanina N. V. Theoretical bases of student's coping-behavior forming. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2009, (1): 109–120. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jwmtbv>
- Харламенкова Н. Е., Быховец Ю. В., Дан М. В., Никитина Д. А. Переживание неопределенности, тревоги, беспокойства в условиях COVID-19. 2020. [Kharlamenkova N. E., Bykhovets Yu. V., Dan M. V., Nikitina D. A. Experience of uncertainty and anxiety in the conditions of COVID-19. 2020. (In Russ.)] URL: www.ipras.ru/cntnt/rus/institutpl/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html# (accessed 6 Feb 2023).
- Соколова Е. Т. Клиническая психология утраты Я. 2-е изд. М.: Смысл, 2019. 566 с. [Sokolova T. E. *Clinical psychology of the loss of Self*. 2nd ed. Moscow: Smysl, 2019, 566. (In Russ.)]

- Трофимова Е. Л., Кузьмина Г. А. Психологическая безопасность личности педагога в условиях неопределенности. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*. 2022. Т. 39. С. 54–75. [Trofimova E. L., Kuzmina G. A. Psychological security of a educators personality in conditions of uncertainty. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2022, 39: 54–75. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2022.39.54>
- Церковский А. Л. Современные взгляды на копинг-проблему. *Вестник Витебского государственного медицинского университета*. 2006. Т. 5. № 3. С. 112–121. [Tserkovsky A. L. Modern views on the coping problem. *Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*, 2006, 5(3): 112–121. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jxwtor>
- Freeston M., Tiplady A., Mawn L., Bottesi G., Thwaites S. Towards a model of uncertainty distress in the context of Coronavirus (COVID-19). *The Cognitive Behaviour Therapist*, 2020, 13. <https://doi.org/10.1017%2FS1754470X2000029X>
- Lazarus R. S., Folkman S. *Stress, appraisal and coping*. NY: Springer, 1984, 437.
- Merenluoto K., Lehtinen E. Number concept and conceptual change: Towards a systemic model of the processes of change. *Learning and Instruction*, 2004, 14(5): 519–534. <https://doi.org/10.1016/j.learninstruc.2004.06.016>

© 2023. Губанова М. И.

Психолого-педагогические аспекты полифункциональности

оригинальная статья

Психолого-педагогические аспекты полифункциональности профессиональной деятельности современного преподавателя

Губанова Маргарита Ивановна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-1896-9771>

Scopus Author ID: 57216484712

m.gubanova32@mail.ru

Поступила в редакцию 05.09.2023. Принята после рецензирования 26.09.2023. Принята в печать 02.10.2023.

Аннотация: Представлены материалы экспериментального психолого-педагогического исследования необходимости и возможностей профессиональной подготовки и повышения квалификации преподавателей образовательных организаций к реализации трансформирующихся функций педагогической деятельности. Цель – проанализировать психолого-педагогические аспекты полифункциональности профессиональной деятельности современного педагога. Задачи: выявить представления педагогов о многообразии профессионального функционала; определить приоритеты и затруднения в его реализации; экспериментально проверить технологические приемы, обеспечивающие продуктивность преподавательской деятельности. Методы: изучение, анализ и систематизация теоретических сведений и эмпирических данных, оценка продуктов деятельности обучающихся, психолого-педагогический эксперимент. Результаты показали, что именно субъект-субъектная парадигма, деятельностная основа, интерактивный режим, инновационный подход, имитационный характер совместной организации преподавателями (будущими, начинающими, практикующими) учебных занятий способствовали расширению их функционально-ролевого репертуара. Сделан вывод, что поступательное, последовательное, постоянное развитие педагогом своих индивидуальных способностей, социально-психологических качеств, профессионализма и компетентности способствует реализации его личностного потенциала и функционально-ролевого репертуара. **Ключевые слова:** профессиональная деятельность, функционально-ролевой репертуар, организатор, коммуникатор, модератор, фасилитатор, ментор

Цитирование: Губанова М. И. Психолого-педагогические аспекты полифункциональности профессиональной деятельности современного преподавателя. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 5. С. 677–686. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-677-686>

full article

Psychology and Pedagogy of Polyfunctional Professional Activity of Teaching Staff

Margarita I. Gubanova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-1896-9771>

Scopus Author ID: 57216484712

m.gubanova32@mail.ru

Received 5 Sep 2023. Accepted after peer review 26 Sep 2023. Accepted for publication 2 Oct 2023.

Abstract: This psycho-pedagogical study featured advanced training of teaching staff as a means of adapting the modern educator to the transforming functions of teaching. The research objective was to describe the ideas that modern teachers have about their diverse professional functionality, as well as to identify related priorities and difficulties. The experimental part of the research aimed at revealing the technological methods that would make teaching productive. It relied on the theoretical and empirical analysis and synthesis, evaluation of students' activities, and a psychological and pedagogical experiment. The functional and role repertoire expanded under the following conditions: subject-subject relationships, active and interactive mode, innovative approach, and cooperation among teachers of all experience levels. The research results can be used to create and improve programs of advanced professional education in the teaching

sphere. Teaching personnel should be provided with opportunities for a progressive, consistent, and constant development of their individual, socio-psychological, and professional skills to fulfil their teaching potential and functional repertoire.

Keywords: professional activity, functional and role repertoire, organizer, communicator, moderator, facilitator, mentor

Citation: Gubanova M. I. Psychology and Pedagogy of Polyfunctional Professional Activity of Teaching Staff. *SibScript*, 2023, 25(5): 677–686. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-677-686>

Введение

Деятельность специалистов, профессионально занимающихся обучением и воспитанием с целью развития личности человека для получения им современного образования, многоаспектна, объемна и сложна. Инновационные процессы в образовании, его информатизация и цифровизация, расширение жизненного, социального, профессионального пространства и среды обусловили необходимость его модернизации [Карпенко 2020; Кашук, Щелест 2014; Краснова 2021; Ларионова 2007; Макарова, Копытова 2013; Савичева, Терехова 2023; Санько 2019]. Все это актуализирует следующие направления профессиональной деятельности педагогов:

- определение и учет социально-экономических факторов, особенностей социокультурной ситуации для определения необходимых организационных и психолого-педагогических условий активной самореализации личности в избранных или избираемых сферах;
- создание и реализация разноуровневых образовательных программ;
- активное использование многообразия апробированных образовательных технологий;
- корректная реализация всеми участниками образовательного процесса механизмов индивидуальной и групповой рефлексии его продуктивности и собственных достижений.

Качественная теоретическая и методическая подготовка педагога, информационное насыщение и технологическое обеспечение занятий, практическая реализация преподавательской деятельности – длительный и сложный процесс, а также педагогически управляемое движение с постепенным, целенаправленным изменением личности, освоением необходимых компетенций, накоплением профессионального опыта, совершенствованием педагогического мастерства.

Экспериментальная работа предусматривала определение механизма (комплекса последовательно усложняющихся действий) на основе сотрудничества и сотворчества преподавателя и студентов. Это возможно за счет диалогизации на всех этапах общения, приоритетности установки субъектов совместной деятельности на креативный поиск и выбор альтернатив, формирование практического опыта профессиональной деятельности.

Методы и материалы

Основные методы проведения работы: изучение, анализ и систематизация теоретических сведений и эмпирических данных, оценка продуктов деятельности обучающихся, психолого-педагогический эксперимент.

Исследование проводилось в течение пяти лет на основе включенного наблюдения и многофакторного анализа процесса преподавания учебных дисциплин **в магистратуре:** Концептуальные подходы к организации педагогической деятельности; Методология и методы научного исследования; Экспериментальная работа в образовательном учреждении; Инновационные процессы в образовании; Педагогическое мастерство в структуре профессиональной деятельности; **в аспирантуре** – Педагогика и психология высшей школы; **для слушателей курсов «Преподаватель высшей школы»** – Тренинг профессионально ориентированных риторики, дискуссий, общения.

На разных этапах в исследовании приняли участие 465 человек (205 магистрантов; 130 аспирантов; 130 слушателей программы повышения квалификации), обучающихся в Кемеровском государственном университете (КемГУ), Кузбасском региональном институте повышения квалификации и переподготовки работников образования (КРИПКиПРО) и Кузбасском региональном институте развития профессионального образования (КРИРПО). Одним из факторов, особо влияющих на процесс и результаты исследования, стал профессиональный опыт и стаж педагогической деятельности. Качественный состав участников представлен в таблице.

Замысел и логика данного исследования осуществлялись на основе технологий интерактивного обучения [Клец 2008; Фахрутдинова, Васильева 2016], к характерным признакам которого отнесены:

- целенаправленный взаимообмен (информационный, эмоциональный, практический) всех участников образовательного процесса;
- обсуждение реальных ситуаций, проблем профессиональной деятельности и моделирование вариантов профессионального поведения;
- объективная оценка обучающимися собственного поведения и действий коллег;
- погружение в реальную атмосферу делового сотрудничества по решению профессиональных задач.

Табл. Результаты анализа состава участников экспериментального исследования по стажу профессиональной деятельности, %

Tab. Relevant professional experience of the participants, %

Участники эксперимента	Стаж профессиональной деятельности		
	0 лет	1-5 лет	Более 5 лет
Магистранты	50	30	20
Аспиранты	45	50	5
Слушатели курсов	15	55	30

При этом мы учитывали следующие особенности организации учебных занятий в интерактивном режиме:

- постоянная смена видов (теоретическая, практическая, поисковая, исследовательская, проектная, диагностическая, аналитическая, оценочная) и организационных форм (совместная, групповая, парная, индивидуальная) деятельности;
- целесообразное чередование ролей и позиций участников взаимодействия (говорящий – слушающий; спрашивающий – отвечающий; утверждающий – соглашающийся / отвергающий; оценивающий – оцениваемый; ведущий – ведомый; активный – пассивный; субъект – объект);
- делегирование функций и полномочий преподавателя студентам.

В свою очередь возникает потребность в тщательном анализе и необходимой трансформации функционально-ролевого репертуара преподавателей образовательных организации, включающей процессы и механизмы его активизации, адаптации, модификации, комбинирования, модернизации и т. д. При этом мы ориентировались на три обстоятельства:

1. На основе структуры преподавательской деятельности, предложенной Н. В. Кузьминой и Е. Н. Жариновой, включающей пять основных и два дополнительных компонента, условно можно обозначить соответствующие функции и ролевые позиции преподавателя [Кузьмина, Жаринова 2018]:

- гностическая (гностик), отражающая объем профессиональной информации и процессы самопознания;
- проектировочная (проектировщик), определяющая направления и перспективы деятельности;
- конструктивная (конструктор), характеризующая умения структурировать последовательность действий;
- организаторская (организатор), способствующая четкому управлению совместными действиями группы;

- коммуникативная (коммуникатор), направленная на взаимовыгодное, полноценное общение.

2. В логике педагогической инноватики определены следующие позиции педагогов по отношению к новшествам и нововведениям: заказчик, инициатор, разработчик, исполнитель, пользователь, эксперт [Башмакова 2021; Бурлакова 2006; Иголкина, Безуглова 2014; Медведев, Татур 2007; Муковозов, Фокин 2015; Хомерики 2011].

3. В терминах театральной педагогики современный педагог как практикующий психолог выступает в трех ипостасях: талантливый актер, грамотный сценарист, опытный режиссер. Нередко – эмоциональный дирижер конструктивного взаимодействия [Ершова, Букатов 2006].

Организуя постепенно усложняющуюся информационно-поисковую и аналитическую деятельность обучающихся в разнообразных видах семинаров и практикумов, тренинговых занятий, проблемных столов и дискуссий, мастер-классов, вебинаров и т. д., совместными усилиями мы накапливали сведения и расширяли представления о профессиональной деятельности, стратегиях и стилях поведения, педагогическом сотрудничестве, конструктивном потенциале и барьерах профессионального общения. В большей степени этому способствовали: совместный поиск, приглашение к диалогу, обмен знаниями, обмен действиями, командная работа, индивидуальная и групповая рефлексия процесса и результатов реализации замысла.

Еще одним надежным организационным механизмом мы считаем своеобразное эвристическое движение обучающихся в целостном образовательном пространстве учебных занятий, представленном единством 4-х полей:

- 1) проблемное, направляющее общие действия: *В чем проблема? Зачем ее решать?*;
- 2) информационное, очерчивающее круг поиска: *Что такое? Откуда? Где узнать?*;
- 3) ценностно-смысловое, позволяющее осознать: *Почему? Ради чего?*;
- 4) рефлексивное, раскрывающее особенности действий: *Как? Каким образом? С помощью чего?*

В соответствии с этим мы условно определили 4 этапа научно-методического поиска: 1) обзорно-ознакомительный; 2) диагностико-аналитический; 3) постановочно-формирующий; 4) рефлексивно-оценочный. Это позволило точнее установить последовательность реализации замысла: определение спектра представлений → выявление особенностей теоретического осмысления → конкретизация характера научного обоснования → механизмы проектирования и моделирования → способы апробирования в практической реализации → анализ результатов → прогнозирование перспектив.

Результаты

Охарактеризуем некоторые наиболее интересные или дискуссионные по содержанию и / или процедуре фрагменты, а также полученные результаты каждого из них.

Обзорно-ознакомительный этап

На первом этапе при освоении учебной дисциплины нас интересовал спектр общих представлений обучающихся о рассматриваемых вопросах. На основе ролевого репертуара В. Леви экспериментируемым было предложено составить функционально ролевой репертуар современного преподавателя, используя не только различные информационные источники, но и собственные наблюдения и жизненный опыт. Представленные списки (наборы, перечни, комплекты) наиболее известных, широко распространенных, чаще выполняемых функций преподавателя были различными по объему (от 10 до 60), охвату, соответствию требованиям и должностным обязанностям. Обобщенные результаты контент-анализа позволили выделить две тенденции: 1) недостаточно обоснованное расширение вследствие разброса, дезинтеграции, дублирования, параллелизма, излишней детализации; 2) явное сужение из-за ограниченного восприятия, должностного, рамочного подхода, отсутствия собственного опыта.

К группе общеизвестных, наиболее распространенных функций преподавания отнесены:

- обучающая (информационная, просветительская, описательная, объяснительная, интерпретационная);
- воспитательная, связанная с личностным развитием обучающихся, коллективообразованием, организацией жизнедеятельности учебных групп;
- развивающая;
- контролирующая (оценивающая, мониторинговая, экспертная);
- организационная и организаторская;
- исследовательская (аналитическая, диагностическая, прогностическая, проективная);
- коммуникативная;
- консультативная;
- инновационная.

Как отмечали участники исследовательской работы, большинство из этих функций не только хорошо им известны в теоретическом плане, но и знакомы по методике применения и понятны по структуре и логике организации. Однако результативность собственного использования чаще всего далека от желаемого успеха. Это и обусловило дальнейший индивидуальный и совместный информационный поиск.

Каждый обучающийся подготовил и представил для группового обсуждения самостоятельно разработанную презентацию одной из избранных по требую

функций. Оценивая ответы друг друга, участники наших обучающих семинаров предложили следующие аспекты для анализа:

- теоретические представления – глубина, масштаб, корректность;
- эмоциональное отношение – характер, устойчивость, интенсивность;
- ориентация на практическую реализацию – желание, стремление, умение, опыт;
- определение перспектив – актуальность, значимость, перспективность.

Постоянный активный обмен мнениями обучающихся, согласование целей, содержания, форм и методов совместной деятельности способствовали созданию благоприятной психологической обстановки, деловому сотрудничеству, определению сроков и темпоритма общей работы.

Диагностико-аналитический этап

Второй этап нашего пролонгированного исследования был направлен на групповое обсуждение следующих проблемных вопросов: *Какие функции преподавательской деятельности наиболее востребованы? Сколько возможно для качественной реализации? Как определить приоритеты?* Совместное дискуссионное обсуждение методом мозгового штурма / атаки (brain-storming) позволило каждой группе аргументированно избрать те функции профессиональной деятельности, которые необходимо освоить, уточнить / конкретизировать, практически отработать [Атнагулов и др. 2015; Есешкин 2021; Жаворонко, Ниязова 2019; 2022; Зайченко 2020; Зеер и др. 2023; Поляков 2021; Рубцова 2017].

Функции, чаще всего совпадавшие при выборе в разных учебных группах в разные годы обучения:

- среди широко используемых педагогических функций – *организаторская*;
- в группе активно распространяемых – *коммуникативная*;
- в группе наиболее востребованных – *модераторская*;
- среди редко встречающихся – *фасилитационная*;
- в группе остро дискуссионных – *менторская*.

Представим результаты ранжирования по степени совпадений (ранг 1 – наибольшее количество; ранг 5 – наименьшее) ответов респондентов при самооценке реализации различных педагогических функций в соответствии с указанными выше критериями:

- теоретические представления: 1) думаю, что теоретически корректно представляю; 2) понимаю, что и зачем; 3) не знаю, что и как; 4) сомневаюсь в правильности понимания сущности; 5) уверен, что знаю точно;

- эмоциональное отношение: 1) позитивное; 2) настороженное; 3) удовлетворен процессом и результатами; 4) отрицательное; 5) безразличие / разочарование;
- практическая реализация: 1) не применяю; 2) пробую иногда / редко; 3) использую время от времени; 4) реализую регулярно; 5) не вижу острой необходимости;
- определение перспектив: 1) уверен в возможности и перспективности; 2) сложно определить; 3) сомневаюсь в необходимости; 4) активно практикую; 5) убежден в необходимости реализации.

В исследовательском плане приведенный разброс мнений, спектр смысловых акцентов и круг предпочтений не только отразил реальную картину представлений участников экспериментальной работы, но и способствовал определению направлений нашей дальнейшей совместной деятельности. Учитывая особенности теоретического осмысления и характер научного обоснования терминологического словаря, каждая группа выстраивала свою траекторию изучения учебных дисциплин.

Приведем примеры. Активное обсуждение вызвал вопрос сходства и различий организационной и организаторской функций. Ссылаясь на мнения ученых и специалистов в области методики преподавания [Ларина 2011; Медведев, Татур 2007; Одинокая 2019; Ратова 2013; Юцявичене 1989], магистранты и аспиранты выделили, что в традиционных дидактических системах основной метод преподавания – объяснение, а при использовании технологий личностно-ориентированного образования – понимание и взаимопонимание. При этом отмечалось, что объяснение – это всегда взгляд сверху вниз, назидание, управление; а понимание – это общение, обсуждение, согласование мнений, взаимодействие. Особо подчеркивалась необходимость педагогически корректно организовать этот процесс.

Сущность фундаментальной идеи состоит в переходе от объяснения к пониманию, от монолога – к диалогу / полилогу, от руководства – к организации – самоуправлению. Педагоги-практики отмечали, что примерно треть студентов занимают позиции *записывающий, запоминающий, дополняющий, уточняющий*; нередко встречаются и позиции *присутствующий, пассивно слушающий, выжидающий, отмалчивающийся*; к сожалению, не единичны в аудитории и позиции *бездельничающий, отдыхающий, случайный прохожий*.

В качестве альтернатив сложившейся практике были предложены такие ролевые позиции студентов, как *инициатор и активный участник дискуссии, интересный собеседник, ассистент преподавателя*. Среди предпочтительных функций и делегируемых студентам полномочий были указаны *самореализующийся,*

оценивающий знания, адекватно анализирующий процесс и результаты деятельности и др.

Характеризуя особенности коммуникативной функции педагога и его роль не только активного коммуниканта (участника), а именно коммуникатора (организатора), обучающиеся приводили следующие аргументы. Непосредственная межличностная коммуникация обучающихся и обучающихся – системообразующий компонент, основа и способ организации воспитательно-образовательного процесса. Участие человека в разнообразной коммуникативной деятельности способствует расширению социальных контактов, масштабов и опыта общения с окружающими.

В психолого-педагогическом плане наличие и развитие у человека таких социально важных, личностно значимых качеств, как общительность, контактность, коммуникабельность, толерантность, приобретают особую значимость в условиях динамичных изменений социокультурной, биологической и информационной среды обитания. При этом преподаватель не только демонстрирует своеобразные собственные, социально приемлемые поведенческие образцы, но и создает условия для отработки коммуникативных навыков и развития коммуникативной компетентности обучающихся.

Насыщенное по содержанию, конструктивное по организации и продуктивное по результатам взаимодействие преподавателя и студентов требует умелого руководства – модерации (от лат. *moderatio* – регулирование). Модерирование – деятельность, направленная на раскрытие потенциальных возможностей обучающегося и его способностей. Модерация как образовательная методика и искусство приведения группы к продуктивным результатам обеспечивает обучение, погруженное в общение, на двух уровнях:

- 1) на деловом, содержательном уровне, где речь идет об обсуждаемом вопросе, деле, теме;
- 2) на уровне чувств, отношений, где речь идет о том, как себя чувствуют в данный момент собеседники и каково отношение друг к другу / другим.

В основе разработки целей, содержания и методов модерации лежит учет психолого-педагогических и социальных аспектов коммуникативной деятельности, способствующих созданию доброжелательной обстановки и рабочей атмосферы в группе, ее эффективному взаимодействию для решения профессиональных задач и взаимного обучения. Широкое использование преподавателями методов и приемов модерации в воспитательно-образовательном процессе вуза в отличие от единоличного управления и прямого руководства учебным занятием подтверждает технологичность, надежность и перспективность реализации модераторской функции.

По мнению большинства участников исследования, фасилитационная / фасилитивная функция [Бабкина 2018; Осмаева 2021] педагога, связанная с его фасилитационной деятельностью и ролью фасилитатора, в образовательной практике чаще всего остается номинантной, т. е. назывной, рекомендуемой, желательной, несмотря на теоретическую обоснованность и тщательную методическую разработанность. Понимая значимость для подопечных педагогической помощи и психологической поддержки процессов само- и взаиморазвития, даже технологически владея основными видами сопровождения образовательного процесса, педагоги-практики признают, что используют их редко, фрагментарно, эпизодически. Одним из затруднений оказался переход в деятельности фасилитатора от информационного к организационно-методическому сопровождению.

Если заимствованный из английского языка термин *ментор* (*mentor*) практически у $\frac{2}{3}$ участников вызывал негативную реакцию из-за ассоциаций (*менторский тон, менторский взгляд, менторский подход, менторский стиль, менторская манера*), то дальнейшее изучение и анализ содержания его производных: *мент*, *подопечный* (*mentee*) и *менторинг, наставничество* (*mentoring* или *mentorship*) – изменили первое впечатление. После изучения, анализа и обсуждения было выяснено, что ментор (наставник) – это опытный профессионал, источник знаний и ответ в различных сферах. Его основная задача – вдохновить, поддержать, помогать своему подопечному развиваться в личной, социальной и профессиональной жизни [Базарнова, Беляева 2021; Игнатъева, Рябкова 2019; Отрадных 2023; Фролова, Базарнова 2018].

Постановочно-формирующий этап

На третьем этапе мы логически последовательно, постепенно усложняя, использовали механизмы проектирования и моделирования и различные способы апробирования в практической реализации избранных каждой группой функций. Этот этап по динамике проведения, интенсивности и экспрессивности участия был во всех группах самым запоминающимся. Самостоятельная подготовка, групповая демонстрация, совместное обсуждение вопросов *Как лучше? Каким образом корректнее? С помощью чего оптимальнее?* вызывали неподдельный интерес у всех участников.

Реализуя организаторскую и коммуникативную функции педагогической деятельности в процессе микропреподавания и проведения имитационных игр, обучающиеся накапливали опыт профессионального поведения с учетом различных стратегий поведения участников взаимодействия. Наибольший интерес по оценкам участников представляли три поведенческие стратегии:

1) уклонение от взаимодействия, т. е. отстранение, закрытость, активный уход, избегание взаимодействия с партнерами, несмотря на ситуации взаимозависимости всех участников и требования объединения усилий для взаимовыгодного результата;

2) противодействие достижению целей и успеха других участников общения, совершение несогласованных действий, нарушение договоренностей, нездоровая конкуренция;

3) содействие как результативная помощь другим, конструктивное обсуждение возможных вариантов работы, активное содействие достижению общих целей.

При отработке спектра модераторских задач, связанных с регулированием взаимодействия в группе (помощь группе становиться и оставаться работоспособной), педагоги на практике убедились в необходимости не только грамотной методической работы модератора, но и его умелого управления эмоциональным процессом, эмоциональной динамикой группы. Успешность модерации не только в деловом аспекте, но и на эмоциональной стороне происходящего непосредственно отражается на результатах, способствующих переосмыслению и совершенствованию дальнейшей деятельности участников.

Осваивая виды реализации менторской функции, т. е. ролевой позиции наставника, особое внимание при моделировании и непосредственном осуществлении было уделено умениям строить долгосрочные отношения для поддержки развития подопечного, инициированию его самостоятельного поиска и ответственного выбора вариантов решения текущих проблем. Как уже было отмечено, ментор применяет инструменты тренера, инструктора, коуча, фасилитатора. Сосредоточение наставника на общем развитии человека, создание безопасной и благоприятной обстановки для снятия коммуникативных барьеров при обсуждении различных вопросов способствуют сохранению направления работы и границ наставничества.

Рефлексивно-оценочный этап

Завершающий этап был направлен на обобщение, анализ, само- и взаимооценку участниками результатов индивидуальной и совместной деятельности. В процессе освоения программ указанных выше учебных дисциплин обучающиеся создавали собственные портфолио-папки для использования на практикумах, демонстрации в микропреподавании и защиты на модераторских семинарах. Мы постоянно демонстрировали сами, убеждали обучающихся, настаивали на необходимости и требовали активного использования и разумного сочетания многообразия средств визуализации и вербализации

учебного материала, технологии полисенсорного преподавания [Волкова 2011]. Основными индивидуальными продуктами образовательной деятельности, включенными в портфолио, были: тезаурусные поля ключевых понятий, кластерный анализ педагогических процессов, социально-психологические портреты ролевых позиций, интеллектуальные и технологические карты, блок-схемы, презентации.

Анализ обобщенных результатов 15 курсовых и 30 групповых модераторских семинаров позволил нам выделить некоторые аспекты рассматриваемой тематики, отражающие позиции большинства педагогов. Например, при сопоставлении своих первичных представлений о масштабах и спектре направлений педагогической деятельности, функционально-ролевым репертуаре преподавателя, возвращаясь к вопросам *Зачем и почему необходимо его совершенствовать?*, педагоги не только видели разницу, но и четче аргументировали ответы.

Достаточно доказательными были мнения о том, что для эффективно работающего преподавателя наиболее характерны следующие параметры: увлеченность своим предметом, уверенность в своих способностях обучать других, наличие развитых коммуникативных умений и организаторских способностей, стремление к профессиональному росту, убежденность в способностях каждого из своих учеников быть успешным и др.

Взяв за основу достаточно известную классификацию образовательных барьеров при обсуждении дискуссионного вопроса *С какими трудностями, барьерами, преградами при реализации функционально-ролевого репертуара сталкивается педагог?*, были отмечены следующие две группы и четыре разновидности:

1. Предметные: информационные (поиск, нахождение, осмысление, систематизация достоверной информации); когнитивные (общая осведомленность, углубленные знания, понимание, предметная определенность).

2. Личностные: мотивационные (заинтересованность, увлеченность, стремление к успеху); коммуникативные (контактность, общительность, открытость / замкнутость, молчаливость, закрытость).

Обсуждение трех афоризмов о необходимости расширения функционально-ролевого репертуара преподавателя (*Чем богаты, тем и рады...; Чем больше, тем лучше!; Пусть меньше, но лучше?!*) позволило участникам не только представить и уточнить собственные мнения и суждения, но и выявить преимущества и недостатки в деятельности как самого преподавателя, так и студентов.

Среди факторов, причин, обстоятельств, затрудняющих результативность их профессионального функционирования на современном уровне, педагоги назвали:

- слабую информированность;
- недостаточную методическую проработанность;
- неустойчивую мотивацию;
- внутреннюю неуверенность в себе;
- отсутствие необходимого внешнего стимулирования и др.

Заключение

Поиск путей действенной подготовки преподавателей к успешной совместной деятельности со студентами обусловлен целым рядом существенных обстоятельств не только теоретического характера, но и связанных с процессуальной стороной профессионального взаимодействия. К ним отнесены: реализация субъект-субъектной парадигмы современного образования, изменения структуры и логики педагогических технологий, усиление требований функциональной грамотности, компетентности и мастерства преподавателя.

Анализ психолого-педагогических аспектов полифункциональности профессиональной деятельности современного педагога позволил сформулировать несколько выводов. В профессиональной деятельности педагог, постоянно демонстрируя свою компетентность, эрудированность, научный кругозор, должен обогащать позитивный опыт коммуникативной, организаторской, исследовательской, фасилитационной деятельности. Эффективность управления профессиональной деятельностью возможна за счет собственных внутренних ресурсов, индивидуально-личностных особенностей, умения видеть себя со стороны и адекватно оценивать процесс и результаты своей профессиональной деятельности. Для качественной реализации профессионального функционала преподавателя в современных условиях особую значимость приобретают: тщательный самоанализ результативности собственной и совместной со студентами деятельности; постоянный пересмотр имеющейся профессиональной «копилки»; корректное осуществление основных профессиональных функций, последовательное освоение новых; своевременная их трансформация (адаптация, моделирование, комбинирование, модификация).

Полученные материалы могут быть использованы для создания и совершенствования программ дополнительного профессионального образования и в процессе подготовки и повышения квалификации педагогов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Атнагулов А. И., Павленко В. А., Маннанов М. М. О замещении некоторых функций преподавателя технологиями в системе современного образования. *Символ науки*. 2015. № 9-2. С. 144–146. [Atnagulov A. I., Pavlenko V. A., Mannanov M. M. Replacing some teachers' functions with technology in the modern education system. *Simvol nauki*, 2015, (9-2): 144–146. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ujzzdr>
- Бабкина Т. С. Воспитательная функция преподавателя в современном процессе обучения студентов творческих учебных заведений. *Современные тенденции развития социально-экономических систем: Междунар. науч.-практ. конф.* (Волгоград, 27 октября 2017 г.) Волгоград: Сфера, 2018. С. 272–275. [Babkina T. S. The educational function of the teacher in the modern process of teaching students of creative educational institutions. *Modern trends in the development of socio-economic systems: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Volgograd, 27 Oct 2017. Volgograd: Sfera, 2018, 272–275. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ymylkr>
- Базарнова Н. Д., Беляева Т. К. Менторинг, коучинг и тьюторинг как инновационные формы педагогического наставничества. *Научно-методическое обеспечение оценки качества образования*. 2021. № 1. С. 123–126. [Bazarnova N. D., Belyaeva T. K. Mentoring, coaching and tutoring as innovative forms of pedagogical mentorship. *Nauchno-metodicheskoe obespechenie otsenki kachestva obrazovaniia*, 2021, (1): 123–126. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hfddif>
- Башмакова Е. И. Трансформирование функций преподавателя высшей школы в период пандемии. *IV Моисеевские чтения: Общерос. (национ.) науч. конф.* (Москва, 15–16 апреля 2021 г.) М.: МосГУ, 2021. С. 173–179. [Bashmakova E. I. Transforming the functions of a higher education teacher during a pandemic. *IV Moiseev Readings: Proc. All-Russian (National) Sci. Conf.*, Moscow, 15–16 Apr 2021. Moscow: MosUH, 2021, 173–179. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mofflb>
- Бурлакова Н. В. Изменение функции и роли преподавателя в условиях использования новых образовательных технологий. *Инновации в образовании*. 2006. № 3. С. 33–36. [Burlakova N. V. Changing the function and role of the teacher in the context of the use of new educational technologies. *Innovatsii v obrazovanii*, 2006, (3): 33–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/htyljj>
- Волкова Л. В. Преподаватель вуза перед лицом реформ – расширение функций и совершенствование методов. *Сборник научных трудов SWorld*. 2011. Т. 22. № 1. С. 67–75. [Volkova L. V. University teacher and the reforms: expanding the functions and improving the methods. *Sbornik nauchnykh trudov SWorld*, 2011, 22(1): 67–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nldoem>
- Ершова А. П., Букатов В. М. Режиссура урока, общения и поведения учителя. 3-е изд., перераб. М.: МПСИ; Флинта, 2006. 336 с. [Ershova A. P., Bukatov V. M. *Planning the lesson, communication, and behavior of the teacher*. Moscow: MPSI; Flinta, 2006, 336. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qvhhbqn>
- Есешкин К. И. Рольевые позиции преподавателя в неформальном образовании и функции их педагогической деятельности. *Ratio et Natura*. 2021. № 2. [Esheskin K. I. Role positions of teachers in non-formal education and the functions of their teaching activities. *Ratio et Natura*, 2021, (2). (In Russ.)] URL: <https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2022-03/rolevye-pozicii-prepodavatelya-v-neformalnom-obrazovanii-i-funkcii-ikh-pedagogicheskoy-deyatelnosti.pdf> (accessed 20 Aug 2023). <https://elibrary.ru/oielvv>
- Жаворонко Е. Н., Ниязова А. А. Особенности функционально-ролевого репертуара современного педагога. *Север и молодежь: здоровье, образование, карьера: I Междунар. науч.-практ. конф.* (Ханты-Мансийск, 28–29 ноября 2019 г.) Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2019. С. 382–385. [Zavoronko E. N., Niyazova A. A. Features of the functional-role repertoire of the modern teacher. *North and youth: health, education, and career: Proc. I Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Khanty-Mansiysk, 28–29 Nov 2019. Khanty-Mansiysk: Yugra State University, 2019, 382–385. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/esdley>
- Жаворонко Е. Н., Ниязова А. А. Формирование функциональных ролей будущего педагога в цифровой образовательной среде. *Концепт*. 2022. № 4. С. 79–94. [Zavoronko E. N., Niyazova A. A. Formation of the student teachers' functions in the digital educational environment. *Koncept*, 2022, (4): 79–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2022-11025>
- Зайченко Е. Ю. Статус и функции преподавателя вуза в восприятии студентов. *Молодежь XXI века: шаг в будущее: XXI регион. науч.-практ. конф.* (Благовещенск, 20 мая 2020 г.) Благовещенск: Дальневосточный ГАУ, 2020. Т. 2. С. 28–29. [Zaichenko E. Yu. The status and functions of a university teacher in the perception of students. *Youth of the XXI century: a step into the future: Proc. XXI Region. Sci.-Prac. Conf.*, Blagoveshchensk, 20 May 2020. Blagoveshchensk: Far-Eastern SAU, 2020, vol. 2, 28–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ltnjsr>

- Зеер Э. Ф., Резер Т. М., Сыманюк Н. В. Трансформация функций преподавателей высшей школы в условиях неопределенности: постановка проблемы. *Образование и наука*. 2023. Т. 25. № 5. С. 12–48. [Zeer E. F., Rezer T. M., Symanyuk N. V. Transformation of the capabilities of higher school teachers in conditions of uncertainty: problem statement. *Obrazovanie i Nauka*, 2023, 25(5): 12–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-5-12-48>
- Игнатьева Е. В., Рябкова Ю. В. Менторинг и наставничество: сравнительный анализ понятийного поля. *Проблемы современного педагогического образования*. 2019. № 62-3. С. 102–104. [Ignatyeva E. V., Ryabkova Yu. V. Mentoring: a comparative analysis of the term in Russian and English language literature. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2019, (62-3): 102–104. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yujkjf>
- Иголкина Т. Н., Безуглова Ю. В. Роль и функции преподавателя высшей школы. *Актуальные проблемы инновационного развития экономики: Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 8–10 апреля 2014 г.)* Белгород: БУКЭП, 2014. С. 127–131. [Igolkina T. N., Bezuglova Yu. V. The role and functions of a higher education teacher. *Current problems of innovative economic development: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Belgorod, 8–10 Apr 2014*. Belgorod: BUCEL, 2014, 127–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tlwnkj>
- Карпенко О. М. Роль и функции преподавателя образовательной организации высшего образования в условиях цифровизации образования. *Человеческий капитал*. 2020. № S4. С. 18–23. [Karpenko O. M. The role and functions of the teacher in the conditions of digitalization of education. *Human capital*, 2020, (S4): 18–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lrzyef>
- Кащук С. М., Щелест Л. Ю. Новые функции учителя / преподавателя в условиях информатизации современного языкового образования. *Информационно-коммуникационные технологии в лингвистике, лингводидактике и межкультурной коммуникации: VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 5–6 июня 2014 г.)* М.: ИД КДУ, 2014. С. 425–433. [Kashhuk S.M., Shhelest L.Yu. New functions of the teaching staff in the context of informatization of modern linguistic education. *Information and communication technologies in linguistics, linguistic didactics, and intercultural communication: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 5–6 Jun 2014*. Moscow: ID KDU, 2014, 425–433. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tolptb>
- Клец Т. И. Функции и роль преподавателя в интерактивном обучении. *Труды Псковского политехнического института*. 2008. № 11. С. 52–54. [Klets T. I. Functions and role of the teacher in interactive learning. *Trudy Pskovskogo politekhnicheskogo instituta*, 2008, (11): 52–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uzdyur>
- Краснова Т. И. Функция компетенции управления коммуникацией в онлайн в контексте цифрового профиля преподавателя высшей школы. *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки*. 2021. № 21-3. С. 236–242. [Krasnova T. I. Online communication management competence function in the context of the digital profile of the higher school teacher. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki*, 2021, (21-3): 236–242. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/grgjev>
- Кузьмина Н. В., Жаринова Е. Н. Методы исследования образовательных систем. СПб.: ЦСИ, 2018. 162 с. [Kuzmina N. V., Zharinova E. N. *Methods for studying educational systems*. St. Petersburg: CSR, 2018, 162. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ynpсuh>
- Ларина Т. В. Интегративный педагогический контроль: функции преподавателя. *Культурная жизнь Юга России*. 2011. № 5. С. 39–41. [Larina T. V. Integrative pedagogical control: teacher's functions. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2011, (5): 39–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ormvol>
- Ларионова М. А. Преподаватель вуза – субъект модернизации образования. *Высшее образование в России*. 2007. № 12. С. 29–32. [Larionova M. A. University teacher as a subject of education modernization. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2007, (12): 29–32. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ijjnz>
- Макарова Л. Н., Копытова Н. Е. Аспирант как будущий преподаватель вуза: трансформация функций профессиональной деятельности. *Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус»*. 2013. № 1. С. 18–27. [Makarova L. N., Kopytova N. E. Postgraduate student as a future university professor: Transformation of functions of professional activities. *Psychological-Pedagogical Journal "Gaudeamus"*, 2013, (1): 18–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qyoxfr>
- Медведев В. П., Татур Ю. Г. Подготовка преподавателя высшей школы: компетентностный подход. *Высшее образование в России*. 2007. № 11. С. 46–56. [Medvedev V. P., Tatur Yu. G. Higher education teacher training: competency-based approach. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2007, (11): 46–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ijjnmх>
- Муковозов С., Фокин Н. И. Подготовка преподавателя вуза как инновационная функция университета. *Вестник непрерывного образования*. 2015. № 3. С. 29–38. [Mukovozov S., Fokin N. I. The training of teachers of high school as innovative features university. *Vestnik nepreryvnogo obrazovaniia*, 2015, (3): 29–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vdlogt>

- Одинокая М. А. Роль и функции современного преподавателя в обеспечении качества профессиональной подготовки выпускников вуза в условиях компетентностного подхода. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2019. Т. 8. № 1. С. 215–219. [Odinokaya M. A. The role and functions of the modern teacher in ensuring the quality of professional training of university graduates under the competence approach conditions. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2019, 8(1): 215–219. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26140/anip-2019-0801-0054>
- Осмаева Э. И. Фасилитативная функция преподавателя в повышении продуктивности коллективной исследовательской деятельности будущих бакалавров. *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 6. С. 121–123. [Osmaeva E. I. Facilitative function of the teacher in increasing the productivity of the collective research activity of future bachelors. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2021, (6): 121–123. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-691-121-123>
- Отрадных О. В. Менторинг как вид наставничества и его роль в эффективном развитии образовательной организации. *Стратегия развития образования для будущего России*: Междунар. науч.-практ. конф. (Владимир, 16–17 марта 2023 г.) Владимир: ВИРО им. Л. И. Новиковой, 2023. С. 591–596. [Otradnykh O. V. Mentoring as a type of coaching and its role in the effective development of educational organization. *Strategy for the development of education for the future of Russia*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Vladimir, 16–17 Mar 2023. Vladimir: VIED named after L. I. Novikova, 2023, 591–596. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gixbkk>
- Поляков С. А. Роль и функции современного преподавателя. *Молодой ученый*. 2021. № 28. С. 45–47. [Polyakov S. A. The role and functions of the modern teacher. *Molodoi uchenyi*, 2021, (28): 45–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cudddf>
- Ратова И. В. Новые роли и функции деятельности преподавателя дополнительного профессионального образования в контексте компетентностного подхода. *Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России*. 2013. № 1. С. 33–37. [Ratova I. V. New roles and functions of a teacher of additional professional education in the context of a competency-based approach. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniia kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii*, 2013, (1). S. 33–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sglkef>
- Рубцова Т. П. Мониторинг: функция и инструмент деятельности преподавателя вуза. *Образование в современном мире: стратегические инициативы*: Всерос. науч.-метод. конф. с Междунар. уч. (Самара, 14 апреля 2017 г.) Самара: Самарский ун-т, 2017. С. 509–515. [Rubtsova T. P. Monitoring: a function and tool for the activities of a university teacher. *Education in the modern world: strategic initiatives*: All-Russian Sci.-Method. Conf. with Intern. Participation, Samara, 14 Apr 2017. Samara: Samara University, 2017, 509–515. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zsdpif>
- Савичева И. А., Терехова С. А. Роли и функции преподавателя в условиях обучения онлайн. *ЦИТИСЭ*. 2023. № 2. С. 539–550. [Savicheva I. A., Terekhova S. A. Roles and functions of a teacher in online learning. *CITISE*, 2023, (2): 539–550. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.2.47>
- Санько А. М. Функции преподавателей вузов в современных условиях. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2019. Т. 25. № 1. С. 57–62. [Sanko A. M. Functions of university teachers in modern conditions. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya*, 2019, 25(1): 57–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-1-57-62>
- Фахрутдинова Р. А., Васильева И. Д. Основные функции преподавателя в интерактивных технологиях обучения. *Проблемы развития современной науки*: I Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15 апреля 2016 г.) Пермь: ИП Сигитов Т. М., 2016. С. 223–224. [Fakhrutdinova R. A., Vasilyeva I. D. The main functions of a teacher in interactive teaching technologies. *Problems of development of modern science*: Proc. I Intern. Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 15 Apr 2016. Perm: IP Sigitov T. M., 2016, 223–224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxrcyr>
- Фролова С. В., Базарнова Н. Д. Наставничество и менторинг: анализ понятий. *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 61-2. С. 213–216. [Frolova S. V., Bazarnova N. D. Instructions and mentoring: analysis of concepts. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2018, (61-2): 213–216. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygxxwx>
- Хомерики О. Г. Информационная поддержка инновационных процессов в образовании: прошлое, настоящее, будущее. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2011. № 7. С. 59–65. [Khomeriki O. G. Informational support to innovative education processes: past, present, future. *MIR (Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitie)*, 2011, (7): 59–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/padvtb>
- Юцявичене П. А. Теория и практика модульного обучения. Кауная: Швиеса, 1989. 271 с. [Jucevičienė P. A. *Theory and practice of module training*. Kaunaya: Šviesa, 1989, 271. (In Russ.)]

оригинальная статья

Особенности эмоционального выгорания педагогов с разными показателями самоотношения

Кудинов Сергей Иванович
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, Россия, Москва
<https://orcid.org/0000-0002-2117-6975>
Scopus Author ID: 15058961200
rudn.tgu@yandex.ru

Седова Ирина Викторовна
Тольяттинский государственный университет,
Россия, Тольятти
<https://orcid.org/0009-0004-7315-3240>

Абушик Артем Сергеевич
Тольяттинский государственный университет,
Россия, Тольятти

Поступила в редакцию 22.05.2023. Принята после рецензирования 24.07.2023. Принята в печать 24.07.2023.

Аннотация: Представлены результаты эмпирического исследования, характеризующие проявление эмоционального выгорания у учителей с разными показателями самоотношения. Актуальность исследования обусловлена значительным ростом эмоционального выгорания и профессиональной деформации педагогов в современных условиях. Увеличение указанных деструкций в педагогической среде обусловлено целым рядом факторов: с одной стороны, повышением профессиональных требований к учителю со стороны государства и общества, к его психолого-педагогическим, дидактическим, методическим и цифровым компетенциям, а с другой – недостаточной социальной и материальной защищенностью, вследствие чего учителя вынуждены повышать профессиональную нагрузку, оставляя меньше времени на отдых, физическое и психоэмоциональное восстановление. Цель – исследование самоотношения как предпосылки формирования синдрома выгорания. Дизайн исследования осуществлялся с опорой на системные исследования в современной психологии; субъектно-деятельностный подход; концептуальные идеи и эмпирические результаты современных исследований эмоционального выгорания. В качестве респондентов выступили 237 учителей общеобразовательных школ в возрасте 32–40 лет (169 женщин и 68 мужчин). При выявлении показателей самоотношения использовались методика «Личностный дифференциал»; опросник В. Стефансона для изучения представлений о себе; тест-опросник самоотношения В. В. Столина и С. Р. Пантлеева. Для исследования эмоционального выгорания применена методика «Диагностика эмоционального выгорания личности» В. В. Бойко. В качестве дополнительной методики использовалась экспертная оценка для выявления показателей работоспособности педагогов. В результате проведения эмпирического исследования было установлено, что у педагогов с адекватно-позитивным самоотношением симптомы эмоционального выгорания менее выражены, а стадии зафиксированы на начальном этапе выгорания. При этом сохраняется высокая работоспособность, мотивация к выполнению профессионально-педагогических обязанностей, позитивная коммуникация с коллегами и учащимися. У учителей с негативно-окрашенным фоном самоотношения отмечаются выраженные симптомы выгорания и профессиональные деструкции, снижающие качество выполнения профессиональной деятельности. В данной группе респондентов отмечается повышенная конфликтность, сниженная мотивация, недочеты в работе, прокрастинация и др. Полученные данные позволяют адаптировать имеющиеся программы психологического сопровождения педагогов с учетом полученных данных, а также использовать в индивидуальном консультировании педагогов.

Ключевые слова: педагог, учитель, самоотношение, эмоциональное выгорание, симптомы, фазы, характеристики, показатели

Цитирование: Кудинов С. И., Седова И. В., Абушик А. С. Особенности эмоционального выгорания педагогов с разными показателями самоотношения. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 5. С. 687–695. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-687-695>

full article

Emotional Burnout in School Teachers with Different Self-Attitude Indicators

Sergey I. Kudinov

Peoples' Friendship University of Russia, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-2117-6975>

Scopus Author ID: 15058961200

rudn.tgu@yandex.ru

Irina V. Sedova

Togliatti State University, Russia, Togliatti

<https://orcid.org/0009-0004-7315-3240>

Artem S. Abushik

Togliatti State University, Russia, Togliatti

Received 22 May 2023. Accepted after peer review 24 Jul 2023. Accepted for publication 24 Jul 2023.

Abstract: This empirical study links emotional burnout with self-attitude. The contemporary pedagogical environment subjects school teachers to emotional burnout and professional deformation. On the one hand, the state and society have extremely high professional requirements for teachers, who strive to improve their psychological, pedagogical, didactic, methodological, and digital competencies. On the other hand, the social and financial insecurity forces school teachers to increase their workload at the expense of their physical and psycho-emotional recovery. The authors hypothesized that a particular self-attitude can trigger the burnout syndrome in teachers. They relied on the subject-activity approach to the emotional burnout syndrome to survey 237 secondary school teachers (169 women, 68 men; 32–40 y.o.). Their self-attitudes were identified by the personal differential method, W. Stephenson's Self-Image Test, and V. V. Stolin and S. R. Panteleev's Self-Attitude Test. The level of emotional burnout was measured using V. V. Boyko's Diagnostics of Emotional Burnout. An expert assessment served as an additional method to identify the performance indicators. The empirical research revealed that the teachers with an adequately positive self-attitude demonstrated fewer symptoms of emotional burnout, which stayed at an initial stage. They managed to maintain high standards of working capacity and professional motivation, as well as effective vertical and horizontal social communication. The teachers with a less positive self-attitude experienced severe symptoms of burnout and professional deformation, which affected their professional activities. They were confrontational and complained about low motivation, poor performance, procrastination, etc. The data obtained may help to improve psychological support programs and psychological counseling in schools.

Keywords: educator, teacher, self-attitude, emotional burnout, symptoms, phases, characteristics, indicators

Citation: Kudinov S. I., Sedova I. V., Abushik A. S. Emotional Burnout in School Teachers with Different Self-Attitude Indicators. *SibScript*, 2023, 25(5): 687–695. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-687-695>

Введение

Научный интерес к проблеме эмоционального выгорания в последние годы значительно актуализировался. Возросший всплеск исследований в данной области связан с трансформацией образовательной среды вследствие ее реформирования, изменением мировоззрения общества, ориентированного на получение качественного образования, с увеличением профессиональной нагрузки и возросшей ответственностью педагогов. Все перечисленное непосредственно или опосредованно способствует формированию данного синдрома.

История исследования данного вопроса берет начало в 1974 г. Американский психиатр Х. Дж. Фрейденберг ввел понятие *синдром эмоционального выгорания* педагогов. Данное понятие происходит от термина *burnout*, который переводится как *сгорание* или *выгорание*. Автор провел исследование в группе респондентов помогающих профессий (учителя, социальные работники, врачи), у которых были диагностированы признаки выгорания [Freudenberger 1974].

В настоящее время проблеме выгорания посвящено достаточное количество исследований как в отечественной, так и зарубежной психологической науке. Значительный вклад в разработку данного вопроса внесли исследования [Бойко 2003; Водопьянова, Старченкова 2008; Давыдова 2018; Макарова 2003; Maslach et al. 2001]. Существующие работы раскрывают теоретико-методологические подходы к исследованию данного феномена, основные этапы развития синдрома, структурный механизм эмоционального выгорания, внешние и внутренние детерминанты развития деструкций, влияние синдрома на профессиональную деятельность и личностную сферу субъекта деятельности и ряд других аспектов.

Как показывает анализ научных исследований, в современной психологии сформировано несколько научных подходов, в рамках которых рассматриваются различные аспекты эмоционального выгорания субъекта деятельности. Наиболее известным является

экзистенциальный подход, разрабатываемый [Pines, Aronson 1988]. С позиций авторов, эмоциональному выгоранию подвержены в большей степени специалисты помогающих профессий с высоким уровнем притязаний. Представитель интерперсонального подхода К. Маслач основной причиной выгорания считает дисгармонию межличностных отношений между реципиентом и сотрудником [Maslach et al. 2001]. Сторонники организационного подхода основной предпосылкой выгорания и профессиональных деструкций сотрудников называют специфику профессиональной деятельности. В качестве основных факторов выделяют многозадачность трудовой деятельности, ограничение возможностей регулирования процесса деятельности, ограниченность межличностных контактов, сверхнагрузки, в том числе психоэмоциональные [Водопьянова, Старченкова 2008].

В качестве основных концептуальных идей эмоционального выгорания можно указать однофакторную модель, разработанную А. Пайнс и Е. Аронсон, ключевым фактором которой выступает истощение специалиста. Синдром проявляется в физическом, когнитивном и эмоциональном истощении при продолжительном нахождении в эмоционально перегруженной профессиональной среде [Pines, Aronson 1988]. В основе двухфакторной модели выгорания [Schaufeli, van Dierendonck 1993] основная роль в выгорании отводится деперсонализации и эмоциональному истощению [Чердымова и др. 2019]. С точки зрения авторов трехфакторной модели, ключевыми аспектами выгорания являются деперсонализация, эмоциональное истощение и редукция личных достижений [Maslach, Jackson 1981].

Согласно исследованиям В. В. Бойко, эмоциональное выгорание предстает как динамический процесс, развернутый во времени, и как защитный механизм на психотравмирующие и стрессовые ситуации с полным или фрагментарным нивелированием эмоций [Бойко 2003].

По мнению отдельных авторов, формирование синдрома выгорания осуществляется через ряд этапов. Так, Б. Перлман и Е. А. Хартман, анализируя данный синдром в контексте динамической модели, выделили четыре этапа в его формировании. На 1 этапе отмечается усиление напряженности вследствие расхождения предъявляемых требований к специалисту и уровнем его профессиональных компетенций. 2 этап характеризуется выраженными ощущениями от переживания стресса. 3 этап обуславливается изменением и непродуктивным проявлением аффективных, поведенческих, когнитивных и физиологических паттернов. На последнем этапе фиксируется хронический психоэмоциональный стресс [Perlman, Hartman 1982].

С позиций М. Буриша формирование синдрома выгорания осуществляется в шесть этапов. На 1 этапе отмечается повышенная у субъекта активность исключительно в профессиональной деятельности, что влечет за собой утомляемость, усталость, нарушение жизненного ритма. На 2 этапе происходит разрушение межличностных связей с коллегами и близкими, на 3 этапе проявляются аффективные эмоциональные реакции в профессиональной среде, на 4 этапе фиксируется деструктивное поведение в формате ригидности мышления, снижения мотивации, трансформации ценностей и т. д. На 5 этапе фиксируются отдельные психосоматические реакции и снижение защитных механизмов, и на последнем этапе отмечается потеря жизненных установок, утрата смысла жизни, беспомощность [Burisch 1984].

При рассмотрении симптоматики выгорания разные авторы выделяют целый спектр разноуровневых симптомов. Так, Г. А. Макарова выделяет несколько групп таких симптомов. В первую группу входят физиологические симптомы, отвечающие за нормализацию процессов жизнедеятельности и здоровье человека. Вторую группу представляют эмоциональные симптомы, выражающиеся в превалировании негативного психоэмоционального состояния человека. Третья группа включает конативные симптомы, проявляющиеся в импульсивности поведения, ригидности, апатии и усталости. Четвертую группу симптомов составляют когнитивно-личностные деформации, последнюю группу представляют социальные симптомы, проявляющиеся в самоизоляции субъекта от общества [Макарова 2003].

Согласно ряду исследований, на формирование симптомов выгорания оказывают влияние личностные ресурсы субъекта, включающие четыре группы: физиологические, психологические, социальные и духовные. В качестве препятствующих развитию данного синдрома авторы указывают здоровый образ жизни, выраженную саморегуляцию в борьбе со стрессом и позитивный психоэмоциональный настрой [Евстафьева и др. 2016; Матюшкина и др. 2020].

В то же время в современных исследованиях в качестве основных причин развития синдрома эмоционального выгорания указываются преимущественно профессиональные факторы, к числу которых относят утрату престижа данной профессии, высокую ответственность, большое количество документации, частые проверки, значительные эмоциональные нагрузки [Карягина и др. 2017; Рыбина и др. 2022; Bianchi et al. 2014]. В статье И. А. Лапиной на основе анализа ранее проведенных исследований данного феномена охарактеризованы основные профессиональные и личностные предпосылки выгорания, представлено описание симптомов этого процесса [Лапина 2016].

Особая роль при формировании эмоционального выгорания отводится индивидуальным особенностям субъекта, его эмоциональному состоянию и, безусловно, специфике профессиональной деятельности специалиста [Илюхин 2020; Кошкарлова 2023; Медведская, Шерягина 2017; Трунов 1998; Ahola et al. 2014]. Пусковым механизмом данного синдрома выступают иррациональность и слабая организованность специалиста, проявляющаяся в нерациональной растрате собственных усилий, что влечет за собой повышенную утомляемость, апатию, разочарование и безразличие.

При исследовании эмоционального выгорания педагогов значительный пласт работ посвящен выявлению внешних и внутренних причин развития синдрома [Богданова 2012; Вачков, Савенкова 2019; Давыдова 2018; Евстафьева и др. 2016; Камаревцева 2014; Караваева и др. 2019; Ключевская 2022; Кудинов и др. 2016; 2022; Кухтенко 2016; Седова 2014; Хазиева 2022]. В указанных исследованиях в качестве ведущих предпосылок формирования синдрома указываются как отдельные качества личности педагога (повышенная тревожность, ответственность, низкая стрессоустойчивость, слабая социальная защищенность и т. д.), так и системные составляющие (личностные ресурсы, успешность самореализации, профессионализм и др.). Значительная часть исследователей в развитии эмоциональных деструкций особую роль отводят индивидуально-личностным конструктам. Необходимо отметить, что при этом есть определенное понимание относительно влияния индивидуальных характеристик, таких как свойства нервной системы и свойства темперамента. Что касается личностных ресурсов, то здесь существуют определенные вопросы относительно того, какие качества в той или иной степени способны выступать предпосылками к развитию рассматриваемого синдрома. В данном контексте исследование самоотношения как предпосылки формирования синдрома выгорания представляет определенный научный интерес.

Методы и материалы

Респондентами выступили 237 учителей общеобразовательных школ в возрасте 32–40 лет (169 женщин и 68 мужчин). Стаж педагогической деятельности – от 10 до 20 лет. На завершающей стадии исследования выборка составила 123 респондента. В ходе проведения эмпирического исследования были проанализированы полученные данные по показателям самоотношения. В результате первичной обработки материала было выделено две группы испытуемых. В первую группу были включены 68 педагогов с доминированием позитивного самоотношения, общительных, независимых, способных к преодолению трудностей и принятию борьбы.

В данную группу вошли респонденты преимущественно с адекватной и несколько завышенной самооценкой. Вторую группу составили 55 респондентов с негативным самоотношением и неадекватно заниженной самооценкой, а также с такими характеристиками, как зависимость от других, необщительность и избегание борьбы. Необходимо отметить, что формирование указанных групп осуществлялось с учетом стажа работы, который в среднем составил 15,4 года в обеих группах. Оставшиеся респонденты в количестве 114 человек были исключены из дальнейшего исследования по причине слабо выраженной дифференциации показателей самоотношения и значительного разброса стажа работы.

При исследовании самоотношения использовалась методика «Личностный дифференциал» в адаптации сотрудников психоневрологического института им. В. М. Бехтерева [Личностный дифференциал 1983]. Методика позволяет оценить определенные свойства личности, особенности самосознания и межличностные отношения субъекта на основе субъективной оценки. Опросник В. Стефансона для изучения представлений о себе позволяет определить шесть основных тенденций поведения человека: зависимость, независимость, общительность, необщительность, принятие борьбы и избегание борьбы [Stephenson 1953]. В качестве основной методики использовался тест-опросник самоотношения В. В. Столина и С. Р. Панталева [Панталева, Столин 1988]. При изучении показателей эмоционального выгорания использовалась методика «Диагностика эмоционального выгорания личности» В. В. Бойко [Бойко 2004]. Математико-статистический анализ включал методы описательной статистики; сравнительный анализ t-критерий Стьюдента; статистическая обработка данных проводилась с использованием программы SPSS 19.0 for Windows.

Результаты

С целью определения статистически значимых различий показателей самоотношения в выделенных группах респондентов был проведен сравнительный анализ t-критерия Стьюдента (табл. 1). Анализ зафиксировал по большинству характеристик различия на высоком уровне значимости в указанных группах.

У педагогов с позитивным самоотношением отмечается уверенность в своих возможностях, выраженный самоконтроль, организованность своей жизнедеятельности, размеренность в делах, последовательность в поступках, принятие себя со своими ценностями, интересами и увлечениями как целостной позитивной личности, благоприятное ожидаемое отношение от коллег и других участников взаимодействия. Респонденты данной группы общительны, проявляют гибкость

в коммуникации, адекватно воспринимают невербальные проявления своих партнеров по общению, способны контролировать эмоции, находить нужную тональность в процессе межличностного диалога. Внешне они демонстрируют независимость, в сложных жизненных ситуациях рассчитывают преимущественно на свой внутренний потенциал, волевые и когнитивные ресурсы. При необходимости проявляют готовность к отстаиванию своей позиции, легко идут на противостояние с оппонентами. Оценивают себя исключительно положительно в разных аспектах жизнедеятельности.

Содержательный анализ ключевых характеристик самоотношения педагогов из группы с негативным самооцениванием показывает, что у них доминирует заниженная самооценка, склонность к самообвинению, сомнения в выборе решений, недоверие к себе и окружающим. Они практически всегда проявляют неуверенность в сложных ситуациях, когда требуется принять однозначное решение. Плохо контролируют эмоции, часто раздражительны, тревожны, не уверены в себе и своих возможностях. Не всегда последовательны в своих действиях, слабо организованы. Ограничивают круг контактов исключительно выполнением

профессиональных задач, испытывают трудности. Ориентируются на мнение большинства, не готовы отстаивать свою позицию, даже если она идет вразрез с другими. Недоценивают свой профессиональный и личностный ресурс.

На очередном этапе эмпирического исследования у респондентов были выявлены особенности эмоционального выгорания (табл. 2). Результаты сравнительного анализа свидетельствуют о существенных различиях как в проявлении отдельных симптомов выгорания, так и в выраженности фаз у педагогов с разными показателями самоотношения. По таким симптомам, как неудовлетворенность собой, загнанность в клетку, тревога и депрессия, уровень значимости достигает $p < 0,001$ с доминированием показателей у педагогов с негативным самоотношением. В группе учителей с позитивным самоотношением в первой фазе только один симптом (переживание психотравмирующих обстоятельств) находится в стадии формирования, три других не сложились. В группе педагогов с негативным самоотношением в указанной фазе симптом *тревога и депрессия* находится в стадии формирования, тогда как оставшиеся три полностью сформировались.

Табл. 1. Статистическая оценка различий показателей с позитивным и негативным самоотношением у педагогов, $n = 123$ Tab. 1. Positive and negative self-attitude in teachers, $n = 123$

Переменные самоотношения	Самоотношение		Различие	t-критерий	p
	Позитивное (n = 68)	Негативное (n = 55)			
Открытость	10,2	6,4	4,2	2,12	< 0,05
Самоуверенность	12,1	5,1	7,0	4,69	< 0,001
Саморуководство	11,5	9,7	1,8	1,16	не значим
Зеркальное Я	9,8	7,4	2,4	1,39	не значим
Самоценность	13,2	8,6	4,6	3,12	< 0,01
Самопринятие	10,4	9,8	0,6	0,97	не значим
Самопривязанность	8,3	4,7	3,6	2,47	< 0,05
Конфликтность	6,2	9,6	3,4	2,23	< 0,05
Самообвинение	5,1	8,8	3,7	2,41	< 0,05
Оценка	20,2	15,3	4,9	3,88	< 0,001
Сила	11,6	7,8	3,8	3,02	< 0,01
Активность	12,4	8,1	4,3	3,32	< 0,01
Независимость	6,5	4,7	1,8	0,31	не значим
Общительность	9,4	7,2	2,2	1,56	не значим
Принятие борьбы	9,8	5,1	4,7	3,07	< 0,01

Табл. 2. Выраженность симптомов эмоционального выгорания у педагогов с позитивным и негативным самоотношением, n = 123

Tab. 2. Severity of emotional burnout in teachers with positive and negative self-attitude, n = 123

Симптомы эмоционального выгорания	Самоотношение		Различие	t-критерий	p
	Позитивное (n = 68)	Негативное (n = 55)			
Фаза напряжения					
Переживание психотравмирующих обстоятельств	14	16	2	1,17	не значим
Неудовлетворенность собой	8	21	13	5,13	< 0,001
Загнанность в клетку	9	17	8	4,76	< 0,001
Тревога и депрессия	5	14	9	4,81	< 0,001
Фаза резистенции					
Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	6	10	4	2,07	< 0,05
Эмоционально-нравственная дезориентация	8	11	3	1,82	не значим
Расширение сферы экономии эмоций	10	18	8	5,02	< 0,001
Редукция профессиональных обязанностей	12	17	5	2,31	< 0,05
Фаза истощения					
Эмоциональный дефицит	8	11	3	1,91	не значим
Эмоциональная отстраненность	7	14	7	4,19	< 0,001
Личностная отстраненность (деперсонализация)	7	11	4	2,18	< 0,05
Психосоматические и психовегетативные нарушения	8	9	1	0,89	не значим

Выраженность сформированных симптомов указывает, что в группе данных респондентов фаза напряжения полностью сформирована, из чего следует, что учителя с негативным самоотношением более остро реагируют на стрессы, конфликты, неудачи в работе или коммуникации. Они не удовлетворены своими личностными качествами, профессиональными компетенциями, своим положением в социуме. Ощущают, что многое не успевают, постоянно загружены работой, не занимаются спортом, физкультурой, восстановлением здоровья и т. д., практически не уделяют время своему личностному и профессиональному развитию, часто испытывают тревогу и депрессию.

В фазе резистенции статистически значимые различия обнаружены по трем симптомам: неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, расширение сферы экономии эмоций, редукция профессиональных обязанностей. Перечисленные симптомы доминируют у педагогов с негативным самоотношением. Если первые два симптома находятся в стадии формирования, то оставшиеся два уже сложились. Фаза находится в стадии формирования. В целом можно отметить, что педагоги с негативным самоотношением чаще, чем их коллеги, неадекватно эмоционально реагируют

на нестандартные или травмирующие ситуации. Обнаруживают неспособность контролировать свои эмоции в рамках морально-нравственных норм, проявляют эмоциональную черствость, безразличие и стремятся ограничить себя от широкого круга профессиональных задач, упростить выполнение функциональных обязанностей.

У учителей с позитивным самоотношением в данной фазе только два симптома находятся в стадии формирования: расширение сферы экономии эмоций, редукция профессиональных обязанностей. По всей видимости, стаж педагогической деятельности оказывает определенное влияние на эмоциональную и личностную сферу педагогов.

И наконец, в третьей фазе статистически значимые различия зафиксированы по таким симптомам, как эмоциональная и личностная отстраненность. Причем выраженность указанных симптомов также доминирует у учителей с негативным самоотношением. Три симптома из четырех находятся в стадии формирования. Только один из них (психосоматические и психовегетативные нарушения) определен в пределах нормы. У педагогов с позитивным самоотношением все симптомы данной фазы находятся в пределах нормы.

Заключение

Результаты эмпирического исследования позволили выявить отличительные особенности в специфике формирования симптомов эмоционального выгорания у учителей с разными показателями самоотношения. Чем ярче проявляется негативное самоотношение у педагогов, тем быстрее формируются симптомы эмоционального выгорания. Позитивное самоотношение является сдерживающим фактором данного негативного процесса. Показатель самоотношения в этом случае выступает определенным регулятором насыщенности жизненного пространства педагогов, поддерживающим выраженный интерес к разным сферам жизнедеятельности личности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: С. И. Кудинов – анализ разработанности проблемы, разработка плана эмпирического исследования, определение методологии исследования, качественный анализ результатов эмпирического исследования. И. В. Седова – формирование выборки респондентов, проведение эмпирического исследования, математическая обработка результатов эмпирики. А. С. Абушик – проведение эмпирического исследования. **Contribution:** S. I. Kudinov reviewed available publications, developed the research plan, designed the research methodology, and performed the qualitative analysis of the empirical results. I. V. Sedova was responsible for the sampling, empirical research, and mathematical processing. A. S. Abushik conducted the empirical research.

Литература / References

- Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.: Речь, 2003. 87 с. [Boyko V. V. *Emotional burnout in professional communication*. St. Petersburg: Rech, 2003, 87. (In Russ.)]
- Бойко В. В. Энергия эмоций. 2-е изд, доп. и перераб. М.: Питер, 2004. 473 с. [Boyko V. V. *The energy of emotions*. 2nd ed. Moscow: Piter, 2004, 469. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxhuiz>
- Богданова О. А. Роль деформации социального статуса учителя в динамике синдрома профессионального выгорания. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2012. № 6. С. 171–173. [Bogdanova O. A. The role of deformation of social status of teachers in the dynamics of professional burnout syndrome. *Historical and Social-Educational Idea*, 2012, (6): 171–173. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pqkvjx>
- Вачков И. В., Савенкова М. А. Особенности эмоционального выгорания педагогов с разными видами копинг-стратегий. *Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология»*. 2019. № 3. С. 84–95. [Vachkov I. V., Savenkova M. A. Features of emotional burnout of teachers with different types of coping strategies. *Vestnik MGPU. Series "Pedagogy and psychology"*, 2019, (3): 84–95. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25688/2076-9121.2019.49.3.07>
- Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 336 с. [Vodopyanova N. E., Starchenkova E. S. *Burnout syndrome: diagnosis and prevention*. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2008, 336. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxsisv>
- Давыдова Н. И. Взаимосвязь копинг-стратегий и профессиональной деформации педагогов. *Психолого-педагогические исследования в современном образовании: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 19–20 апреля 2018 г.)* М.: РУДН, 2018. С. 346–351. [Davydova N. I. The relationship of coping strategies and professional deformation of teachers. *Psychological and pedagogical research in modern education: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 19–20 Apr 2018*. Moscow: RUDN University, 2018, 346–351. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bizyxc>
- Евстафьева С. А., Попогребская И. В., Немахова Е. В., Амитина О. В., Володина Т. В., Котова И. Е., Станкевич А. В., Чуева Л. М., Кушнерёва Г. Ю. Эмоциональное выгорание педагога. *Педагогическое мастерство: VIII Междунар. науч. конф. (Москва, 20–23 июня 2016 г.)* М.: Буки-Веди, 2016. С. 84–86. [Evstafieva S. A., Popogrebskaya I. V., Nemakhova E. V., Amitina O. V., Volodina T. V., Kotova I. E., Stankevich A. V., Chueva L. M., Kushnereva G. Yu. Emotional burnout in teachers. *Pedagogical excellence: Proc. VIII Intern. Sci. Conf., Moscow, 20–23 Jun 2016*. Moscow: Buki-Vedi, 2016, 84–86. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wcvcah>
- Илюхин А. Г. Факторы эмоционального выгорания в учебной деятельности старших школьников. *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус*. 2020. Т. 19. № 4. С. 106–113. [Ilyukhin A. G. Factors of emotional burnout in the educational activities of high school students. *Psychological-Pedagogical Journal "Gaudeamus"*, 2020, 19(4): 106–113. (In Russ.)] [https://doi.org/10.20310/1810-231X-2020-19-4\(46\)-106-113](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2020-19-4(46)-106-113)

- Камаревцева И. В. Динамика устойчивости к синдрому эмоционального выгорания у педагогов системы специального образования в процессе профилактической работы. *Российский психологический журнал*. 2014. Т. 11. № 2. С. 51–60. [Kamarevtseva I. V. The dynamics of tolerance to the emotional burnout syndrome among teachers of the special education system in the process of preventive work. *Russian Psychological Journal*, 2014, 11(2): 51–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smgjtjp>
- Караваева Т. А., Кухтенко Ю. А., Макаров В. В., Яковлев А. В. Взаимосвязь уровня нервно-психической устойчивости и распространенности синдрома выгорания у специалистов в области психического здоровья. *Наркология*. 2019. Т. 18. № 8. С. 60–68. [Karavaeva T. A., Kukhtenko Y. A., Makarov V. V., Yakovlev A. V. The relationship of the level of nervously mental stability and prevalence of the syndrome of burnout at specialists in the field of mental health. *Narcology*, 2019, 18(8): 60–68. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25557/1682-8313.2019.08.60-68>
- Карягина Т. Д., Кухтова Н. В., Олифиревич Н. И., Шермазанян Л. Г. Профессионализация эмпатии и предикторы выгорания помогающих специалистов. *Консультативная психология и психотерапия*. 2017. Т. 25. № 2. С. 39–58. [Karyagina T. D., Kukhtova N. V., Olifirovich N. I., Shermazanyan L. G. Professionalization of empathy and predictors of helping professional' burnout. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2017, 25(2): 39–58. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpp.2017250203>
- Ключевская И. С. Проблема профессионального выгорания сотрудников организаций в современных условиях. *Вестник Академии управления и производства*. 2022. № 4. С. 233–242. [Klyuchevskaya I. S. The problem of professional burnout of employees of organizations in modern conditions. *Vestnik Akademii upravleniia i proizvodstva*, 2022, (4): 233–242. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cogsjq>
- Кошкарлова Н. И. Особенности выраженности синдрома эмоционального выгорания и копинг-стратегий юношей и девушек г. Тюмени. *Современные вопросы биомедицины*. 2023. Т. 7. № 1. [Koshkarova N. I. Features of the severity of the emotional burnout syndrome and coping strategies of boys and girls in Tyumen. *Modern issues of biomedicine*, 2023, 7(1). (In Russ.)] https://doi.org/10.51871/2588-0500_2023_07_01_13
- Кудинов С. И., Кудинов С. С., Давыдова Н. И. Профессиональная самореализация педагогов на разных стадиях эмоционального выгорания. М.: Перо, 2022. 222 с. [Kudinov S. I., Kudinov S. S., Davydova N. I. *Professional self-realization of teachers with emotional burnout*. Moscow: Pero, 2022, 222. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ikjxoq>
- Кудинов С. И., Кудинов С. С., Седова И. В. Роль ответственности в эмоциональном выгорании учителей на начальном этапе профессионализации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2016. № 1. С. 26–41. [Kudinov S. I., Kudinov S. S., Sedova I. V. Role of responsibility in emotional burnout of teachers at initial stage of professionalization. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2016, (1): 26–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vsapup>
- Кухтенко Ю. А. Коррекция эмоционального (профессионального) «выгорания» у врачей, занятых в сфере психического здоровья. *Психическое здоровье*. 2016. Т. 14. № 7. С. 67–72. [Kukhtenko Y. A. Correction of emotional (professional) "burnout syndrome" among physicians working in the field of mental health. *Psikhicheskoe zdorovie*, 2016, 14(7): 67–72. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wgieef>
- Лапина И. А. Эмоциональное выгорание: причины, последствия. *Молодой ученый*. 2016. № 29. С. 331–334. [Larina I. A. Emotional burnout: causes and consequences. *Molodoi uchenyi*, 2016, (29): 331–334. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xiffn>
- Личностный дифференциал, сост. Е. Ф. Бажин, А. М. Эткинд. Л.: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 1983. 24 с. [*Personal differential*, comps. Bazhin E. F., Etkind A. M. Leningrad: NRPNI named after V. M. Bekhterev, 1983, 24. (In Russ.)]
- Макарова Г. А. Синдром эмоционального выгорания. *Психотерапия*. 2003. № 11. С. 2–11. [Makarova G. A. Emotional burnout syndrome. *Psikhoterapiia*, 2003, (11): 2–11. (In Russ.)]
- Матюшкина Е. Я., Рой А. П., Рахманина А. А., Холмогорова А. Б. Профессиональный стресс и профессиональное выгорание у медицинских работников. *Современная зарубежная психология*. 2020. Т. 9. № 1. С. 39–49. [Matyushkina E. Ya., Roy A. P., A. A. Rakhmanina, Kholmogorova A. B. Professional stress and burnout among healthcare professionals. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2020, 9(1): 39–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090104>
- Медведская Е. И., Шерягина Е. В. Особенности эмпатии и профессионального выгорания белорусских и российских педагогов. *Консультативная психология и психотерапия*. 2017. Т. 25. № 2. С. 59–74. [Medvedskaya E. I., Sheryagina E. V. Empathy and professional burnout of Russian and Belarusian teachers. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2017, 25(2): 59–74. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpp.2017250204>

- Пантеев С. Р., Столин В. В. Тест-опросник самоотношения. Практикум по психодиагностике. *Психодиагностические материалы*, ред. А. А. Бодалев. М.: МГУ, 1988. С. 123–130. [Pantileev S. R., Stolin V. V. Test-questionnaire of self-attitude. *Workshop on psychodiagnostics. Psychodiagnostic materials*, ed. Bodalev A. A. Moscow: MSU, 1988, 123–130. (In Russ.)]
- Рыбина Е. А., Торопова А. И., Семенов А. И., Ротанова В. А., Куденкова Н. А. Эмоциональное выгорание современного педагога: причины и стадии. *Психология, социология и педагогика*. 2022. № 1. [Rybina E. A., Toropova A. I., Semenov A. I., Rotanova V. A., Kudenkova N. A. Emotional burnout in a modern teacher: causes and stages. *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika*, 2022, (1). (In Russ.)] URL: <https://psychology.snauka.ru/2022/07/8668> (accessed 20 Apr 2023). <https://elibrary.ru/ruipfy>
- Седова И. В. Психологические факторы эмоционального выгорания педагогов. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2014. № 1. С. 72–76. [Sedova I. V. Psychological factors of emotional burning out of teachers. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2014, (1): 72–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxwggqz>
- Трунов Д. Г. «Синдром сгорания»: позитивный подход к проблеме. *Журнал практического психолога*. 1998. № 8. С. 84–89. [Trunov D. G. "Combustion syndrome": a positive approach to the problem. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 1989, (8): 84–89. (In Russ.)]
- Хазиева Э. Д. Проблема эмоционального выгорания у педагогов. *Academic research in educational sciences*. 2022. Т. 3. № 2. С. 848–856. [Khazieva E. D. The problem of emotional burnout of teachers. *Academic research in educational sciences*, 2022, (8): 848–856. (In Russ.)]
- Чердымова Е. И., Чернышова Е. Л., Мачнев В. Я. Синдром эмоционального выгорания специалиста. Самара: Самарский ун-т, 2019. 124 с. [Cherdymova E. I., Chernyshova E. L., Machnev V. Ya. *The syndrome of emotional burnout in a specialist*. Samara: Samara University, 2019, 124. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vumupt>
- Ahola K., Hakanen J., Perhoniemi R., Mutanen P. Relationship between burnout and depressive symptoms: A study using the person-centred approach. *Burnout Research*, 2014, 1(1): 29–37. <https://doi.org/10.1016/j.burn.2014.03.003>
- Bianchi R., Truchot D., Laurent E., Brisson R., Schonfeld I. S. Is burnout solely job related? A critical comment. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2014, 55(4): 357–361. <https://doi.org/10.1111/sjop.12119>
- Burisch M. Approaches to personality inventory construction: A comparison of merits. *American Psychologist*, 1984, 39(3): 214–227. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0003-066X.39.3.214>
- Freudenberger H. J. Staff burnout. *Journal of Social Issues*, 1974, 30(1): 159–165. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1974.tb00706.x>
- Maslach C., Jackson S. E. The measurement of experienced burnout. *Journal of Occupational Behaviour*, 1981, 2(2): 99–113. <https://doi.org/10.1002/job.4030020205>
- Maslach C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job burnout. *Annual Review of Psychology*, 2001, 52: 397–422. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.397>
- Perlman B., Hartman E. A. Burnout: Summary and future research. *Human Relations*, 1982, 35(4): 283–305. <https://doi.org/10.1177/001872678203500402>
- Pines A., Aronson E. *Career burnout: Causes and cures*. NY: Free Press, 1988, 257.
- Schaufeli W. B., van Dierendonck D. The construct validity of two burnout measures. *Journal of Organizational Behavior*, 1993, 14(7): 631–647.
- Stephenson W. *The study of behavior: Q-technique and its methodology*. Chicago: University of Chicago Press, 1953, 376.

оригинальная статья

Гендерные особенности когнитивного функционирования у лиц, перенесших COVID-19

Солодухин Антон Витальевич
 Кемеровский государственный университет,
 Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0001-8046-5470>
 Scopus Author ID: 57204921841
 Mein11@mail.ru

Серый Андрей Викторович
 Кемеровский государственный университет,
 Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>
 Scopus Author ID: 57195197139

Варич Лидия Александровна
 Кемеровский государственный университет,
 Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0003-0855-6671>
 Scopus Author ID: 8277028700

Брюханов Ярослав Игоревич
 Кемеровский государственный университет,
 Россия, Кемерово
 Scopus Author ID: 58187715900

Жихарев Александр Юрьевич
 Кемеровский государственный университет,
 Россия, Кемерово
 Scopus Author ID: 58187606300

Поступила в редакцию 20.09.2023. Принята после рецензирования 11.10.2023. Принята в печать 11.10.2023.

Аннотация: Представлены результаты исследования особенностей и различий когнитивного функционирования у женщин и мужчин после перенесенной нейровирусной инфекции COVID-19. Была проведена комплексная оценка копинг-поведения и смысложизненных ориентаций у 65 человек (26 мужчин и 39 женщин), перенесших COVID-19, и проанализирована связь данных показателей с когнитивным функционированием. Для оценки общего когнитивного состояния использовалась шкала MMSE, для определения сохранности самоконтроля в поведении и навыков планирования будущих действий применялся тест FAB, оценка стресс-преодолевающего (копинг) поведения проводилась с помощью опросника «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, исследование смысловой направленности поведения проводилось с помощью теста смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева. По результатам проведенного исследования был выявлен ряд гендерных различий в когнитивном функционировании у лиц, перенесших COVID-19. Обнаружено, что для мужчин характерным является отсутствие взаимосвязи между их стресс-преодолевающим поведением и сохранностью когнитивной сферы после перенесенного заболевания. При оценке смысложизненных ориентаций у мужчин наблюдается более низкая осмысленность своего состояния по сравнению с женщинами, а также ориентация на прошлое вместо постановки целей на будущее. У женщин обнаружена взаимосвязь между особенностями стресс-преодолевающего поведения, сохранностью когнитивной сферы и осмысленностью своего состояния. Восстановление когнитивных функций у женщин, вероятно, приводит к снижению продуктивных и непродуктивных поведенческих реакций на стрессовые ситуации, к более осмысленному определению целей на будущее и анализу прошлых событий. Данные гендерные различия в когнитивном функционировании необходимо учитывать при разработке методов психологического сопровождения и психотерапевтических программ для лиц, перенесших COVID-19.

Ключевые слова: когнитивное функционирование, копинг-поведение, смысложизненные ориентации, COVID-19, гендерные различия, когнитивные нарушения

Цитирование: Солодухин А. В., Серый А. В., Варич Л. А., Брюханов Я. И., Жихарев А. Ю. Гендерные особенности когнитивного функционирования у лиц, перенесших COVID-19. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 5. С. 696–704. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-696-704>

full article

Gender Aspects of Cognitive Functioning in Former COVID-19 Patients

Anton V. Solodukhin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0001-8046-5470>

Scopus Author ID: 57204921841

Mein11@mail.ru

Andrey V. Seryy

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>

Scopus Author ID: 57195197139

Lidiia A. Varich

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0003-0855-6671>

Scopus Author ID: 8277028700

Yaroslav I. Bryukhanov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Scopus Author ID: 58187715900

Aleksandr Yu. Zhikharev

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Scopus Author ID: 58187606300

Received 20 Sep 2023. Accepted after peer review 11 Oct 2023. Accepted for publication 11 Oct 2023.

Abstract: This paper presents a comparative analysis of cognitive functioning in women and men after COVID-19. A comprehensive assessment covered coping behavior and life purpose orientation in their connection with cognitive functions. It involved 65 former COVID-19 patients (26 men and 39 women). The general cognitive state was assessed with the help of the Mini-Mental State Examination (MMSE) Scale while the Frontal Assessment Battery (FAB) Test made it possible to determine the level of self-control in planning behavior. The coping behavior was evaluated using R. Lazarus's Ways of Coping Questionnaire (WCQ). The semantic orientation of behavior was carried out using the Life Purpose Orientation technique developed by D. A. Leontiev. The research revealed some gender-related differences. The men demonstrated no connection between their coping behavior and the cognitive state. They had a lower sense of purpose and were mostly past-oriented. The women, on the contrary, showed a strong relationship between coping behavior, cognitive state, and life purpose orientation. In women, the restoration of cognitive functions led to a decrease in productive and unproductive behavioral responses to stressful situations, as well as to a greater sense of purpose and retrospective analysis.

Keywords: cognitive functioning, coping behavior, life purpose orientation, COVID-19, gender differences, cognitive impairment

Citation: Solodukhin A. V., Seryy A. V., Varich L. A., Bryukhanov Ya. I., Zhikharev A. Yu. Gender Aspects of Cognitive Functioning in Former COVID-19 Patients. *SibScript*, 2023, 25(5): 696–704. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-696-704>

Введение

Пандемия COVID-19 привела к значительному увеличению количества факторов, оказывающих негативное влияние на психологическое состояние людей во всем мире [Li et al. 2020]. Проведенные за последние несколько лет научные исследования по изучению когнитивного функционирования пациентов после перенесенного COVID-19 указывают на ряд изменений, связанных с повреждением центральной и периферической нервной системы вследствие тромбоза сосудов головного мозга и молекулярной мимикрии вируса SARS-Cov2 [Boldrini et al. 2021; Liyanage-Don et al. 2021; Rabinovitz et al. 2020]. Н. В. Пизова и др. показали, что у 46–80 % пациентов с тяжелой формой респираторного дистресс-синдрома в течение года после выписки из стационара наблюдаются нарушения внимания, памяти и скорости мышления [Пизова и др. 2021]. J. P. Rogers с соавторами

указывают на то, что после перенесенного COVID-19 возникает комплексное расстройство когнитивной и поведенческой сферы пациентов: возникновение стрессовых расстройств после острого респираторного синдрома на уровне 32,2 %, депрессии на уровне 14,9 % и показателя тревоги на уровне 14,8 % [Rogers et al. 2020].

Сегодня одной из актуальных для исследователей проблем является изучение влияния COVID-19 на когнитивное функционирование. В современной клинической психологии под когнитивным функционированием чаще всего понимаются мыслительные, мнестические и attentive процессы человека как по отдельности, так и в их совместной работе [Еремина и др. 2015]. В исследовании J. Helms et al. показано, что у 33 % пациентов, выздоровевших от COVID-19, после выписки из стационара наблюдался лобный синдром, который

включает нарушения мотивации, навыков планирования и построения программы поведения [Helms et al. 2020].

Работы, посвященные данной проблеме, в основном рассматривают различные аспекты возникновения и проявления психоэмоциональных расстройств и когнитивных нарушений, связанных с COVID-19, а также их коррекции, терапии и профилактики [Варич и др. 2022; Alonzi et al. 2020; Goularte et al. 2021; Ran et al. 2020].

В то же время индивидуальные личностные особенности этих проявлений в повседневной жизни остаются вне основного фокуса внимания исследователей. Нарушения когнитивного функционирования, в частности лобный синдром, могут привести к рассогласованию между модусами субъективных прошлого, настоящего и будущего и, соответственно, повлиять на стиль совладающего поведения в стрессовой ситуации [Корсакова, Вологодина 2022]. Субъективное будущее во временной перспективе связано со способностью человека действовать в настоящем и соотносить результаты своих действий с отдаленными будущими событиями [Волоткевич 2019]. При нарушении навыка планирования будущих событий, наличии угрозы для жизни в настоящем или травмирующей для личности ситуации в прошлом нельзя говорить о полноценном восстановлении психики.

Еще одним недостаточно изученным феноменом является проявление гендерных особенностей когнитивного функционирования людей после перенесенного заболевания. Согласно статистическим данным, общая заболеваемость COVID-19 не сильно различается по полу (48 % у мужчин против 52 % у женщин). Но у мужчин наблюдается повышенный уровень смертности от осложнений COVID-19 [Chaturvedi et al. 2022]. Отмечено влияние низкого уровня тестостерона у пожилых мужчин на усиление тяжести протекания COVID-19 [Giudice et al. 2022]. Следует отметить, что гендерные различия у лиц, перенесших COVID-19, определяются не только гормональными особенностями, но и окружающей средой, социальным поведением и привычками.

Помимо негативного влияния на когнитивное и психическое состояние после COVID-19 есть свидетельства гендерных различий в адаптации к его последствиям на постморбидном этапе. V. Glasso и др. указывают, что у женщин наблюдается большее количество психологических изменений, которые могут быть связаны как с изолированными симптомами, так и с комплексными расстройствами, связанными с ухудшением функциональных возможностей, развитием тревоги, бессонницы, депрессии и посттравматического стрессового расстройства [Galasso et al. 2020]. В связи с этим авторы предполагают, что женщины более осмысленно и серьезно относятся к пандемии

COVID-19, чем мужчины, чаще соглашаются с ограничительными эпидемиологическими правилами, имеют различия в поведенческой адаптации к последствиям заболевания. Так, в марте 2020 г. 59 % респонденток считали пандемию очень серьезной проблемой для здоровья по сравнению с 49 % мужчин.

В литературе имеются убедительные доказательства того, что женщины испытывают психологические расстройства значительно чаще, чем мужчины [Kolakowsky-Hayner et al. 2021]. Более высокий уровень психологических расстройств у женщин может быть частично объяснен гендерными различиями в реакции на стрессоры и копинг-поведении [Novais et al. 2016]. В литературе идентифицированы два основных стиля преодоления трудностей: копинг, ориентированный на решение проблемы, и копинг, ориентированный на изменение эмоциональной оценки ситуации [Човдырова, Пяткина 2021]. Исследования показали, что в ситуации болезни женщины с большей вероятностью будут использовать стратегии преодоления, ориентированные на эмоции, в ответ на большинство стрессоров, в то время как мужчины склонны больше полагаться на копинги, которые ориентированы на решение проблемы [Rubio et al. 2016]. Предполагается, что эти гендерные различия в стилях преодоления стрессовых ситуаций вносят значительный вклад в более высокий уровень депрессии и тревожных расстройств среди женщин.

Несмотря на то что в настоящее время существует достаточно много научных публикаций, указывающих на гендерные особенности психического состояния у лиц с разными заболеваниями, исследования по изучению гендерных различий после перенесенной инфекции COVID-19 на сегодняшний день встречаются достаточно фрагментарно. Многие из них имеют определенные методологические ограничения, например, небольшие размеры выборки, сосредоточенность на одной стране или принадлежность к определенному региону мира с различными социокультурными особенностями [Casagrande et al. 2020; Mao et al. 2020; Tan et al. 2020].

Вышесказанное обусловило цель настоящего исследования – выявить гендерные особенности копинг-поведения и смысловых ориентаций у лиц, перенесших COVID-19, и их связь с когнитивным функционированием.

Методы и материалы

В ходе проводимого в 2022–2023 гг. комплексного исследования «Психофизиологические предикторы когнитивных нарушений у лиц, перенесших коронавирусную инфекцию (COVID-19)» из общей выборки в 216 человек с помощью разработанного опросника для выявления субъективных симптомов COVID-19 была

выделена группа людей с подтвержденным диагнозом COVID-19, 6–12 месяцев после болезни, средний возраст – 39 лет, имеющих жалобы на нарушения когнитивных функций (26 мужчин и 39 женщин, всего 65 человек). Для оценки общего когнитивного состояния, в частности, показателей памяти, внимания, мышления, ориентации в пространстве и времени, использовалась скрининг-шкала MMSE (Краткая шкала оценки психического статуса). Для определения сохранности самоконтроля в поведении и навыков планирования будущих действий у респондентов применялся тест FAB (Батарея лобной дисфункции) [Серый и др. 2017]. Оценка стресс-преодолевающего (копинг) поведения проводилась с помощью опросника «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (S. Folkman, R. Lazarus; адаптация Т. Л. Крюковой и Е. В. Куфтык) [Крюкова, Куфтык 2007]. Для исследования смысловой направленности поведения респондентов применялся тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, реконцептуализированный А. В. Серым и А. В. Юпитовым для диагностики актуальных смысловых состояний (АСС) [Серый, Юпитов 2002]. Полученные данные были подвергнуты статистическому анализу с использованием методов сравнения величин средних по t-критерию Стьюдента и корреляционного анализа Спирмена.

Результаты

Описательная характеристика представленной выборки по возрасту, полу, когнитивному статусу и копинг-поведению представлена в таблице 1. Для женщин ведущими копинг-стратегиями являются *планирование решения проблем, поиск социальной поддержки, самоконтроль*. У мужчин – *бегство-избегание, планирование решения проблем, положительная переоценка*. Однако статистически значимых различий в копинг-поведении и сохранности когнитивной сферы у представленной выборки выявлено не было.

Табл. 1. Описательная характеристика лиц, перенесших COVID-19
Tab. 1. Descriptive characteristics of former COVID-19 patients

Показатель	Мужчины (n = 26) Me (25;75)	Женщины (n = 39) Me (25;75)
Возраст, лет	42 (20; 50)	36 (20; 48)
MMSE, баллы	29 (28; 29)	30 (28; 30)
FAB, баллы	17 (17; 18)	17 (17; 18)
Конфронтация, баллы	46 (41; 50)	50 (43; 55)
Дистанцирование, баллы	48 (41; 54)	51 (43; 60)
Самоконтроль, баллы	45 (39; 53)	52 (42; 55)
Поиск социальной поддержки, баллы	43 (37; 63)	52 (47; 55)
Принятие ответственности, баллы	44 (39; 54)	47 (43; 58)
Бегство-избегание, баллы	54 (49; 61)	49 (40; 63)
Планирование решения проблем, баллы	48 (42; 60)	55(46; 60)
Положительная переоценка, баллы	48 (37; 57)	50 (45; 62)

Сравнительный анализ показателей смысловых ориентаций по тесту СЖО представлен в таблице 2. Анализ гендерных различий показателей СЖО демонстрирует более высокую выраженность смысловых ориентаций по всем субшкалам теста в группе женщин, что указывает на более осмысленное отношение к субъективному будущему (цель), прошлому (результат), настоящему (процесс) и жизни в целом (общая осмысленность жизни) после перенесенного заболевания COVID-19. Также в данной группе следует отметить

Табл. 2. Показатели смысловых ориентаций в исследуемых группах, p = 0,001
Tab. 2. Life purpose orientation, p = 0.001

Субшкалы СЖО	Мужчины (n = 26)		Женщины (n = 39)	
	M ± SD	Стенайны	M ± SD	Стенайны
Цель	33,1 ± 9,7	4,5	38,1 ± 8,9	6
Процесс	28,1 ± 5,8	4	31,4 ± 7,2	5,7
Результат	23,9 ± 5,5	4,5	25,3 ± 5,1	5,3
Локус контроля – Я	23,2 ± 4,6	3,7	26,9 ± 4,4	5,8
Локус контроля – жизнь	29,4 ± 8,2	5	31,4 ± 5,9	5,5
Общая осмысленность жизни	94,2 ± 20,2	4,2	105,8 ± 18,5	6

более высокие показатели интернальности (локус контроля – Я) и контроля процесса жизнедеятельности (локус контроля – жизнь). При переводе полученных сырых баллов в стандартные показатели (станайны) в женской группе наблюдается приближенность результатов к нормативным показателям (средние и выше средних). В то же время в группе мужчин стандартные баллы указывают на снижение результатов по субшкалам *процесс, локус контроля – Я* и интегральному показателю *общая осмысленность жизни* до уровня ниже среднего. Данный факт указывает на определенную неудовлетворенность настоящим периодом жизни, экстернальный характер отношения к происходящему и определенную фрагментарность в осмысленности жизни в целом. Результаты демонстрируют определенную десинхронизацию временных локусов смысла в мужской группе и тенденцию к дисфункциональному переживанию актуального смыслового состояния.

Отмеченное выше подтверждается результатами сравнения процентной представленности типов актуальных смысловых состояний в исследуемых группах (табл. 3). Как видно из таблицы 3, в группе женщин преобладают продуктивные актуальные смысловые состояния, указывающие на синхронизацию двух и более локусов смысла субъективной реальности (4, 6, 7, 8 типы переживания). У мужчин процент представленности таких типов АСС меньше. Вместе с тем в данной группе больше представлены актуальные смысловые состояния, отражающие локализацию личностных смыслов в одном временном локусе (2, 5 типы) и полную десинхронизацию временных локусов смысла (1 тип).

Табл. 3. Анализ процентного распределения типов актуальных смысловых состояний в исследуемых группах

Tab. 3. Actual semantic states, %

Группы	Типы АСС							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Мужчины	23,08	23,08	0	0	7,69	7,69	7,69	30,77
Женщины	20,51	2,56	0	2,56	12,82	2,56	7,69	51,28

Гендерные особенности когнитивного функционирования у людей, перенесших COVID-19, были обнаружены при анализе взаимосвязей показателей когнитивного статуса и результатов опросника «Способы совладающего поведения» и теста СЖО. Результаты корреляционного анализа когнитивного статуса и копинг-поведения у мужчин и женщин, перенесших COVID-19, представлены в таблице 4. Связь показателей когнитивного статуса по тестам MMSE и FAB у лиц мужского пола не выявлена. У лиц женского пола наблюдается обратная связь показателей MMSE с такими копинг-стратегиями, как *дистанцирование* ($r = -0,6$; $p = 0,02$), *бегство-избегание* ($r = -0,52$; $p = 0,05$), *планирование решения проблем* ($r = -0,54$; $p = 0,04$), *положительная переоценка* ($r = -0,56$; $p = 0,04$). Между лобным функционированием по тесту FAB и копинг-поведением взаимосвязей не обнаружено.

Результаты корреляционного анализа когнитивного статуса и смысловых ориентаций у лиц, перенесших COVID-19, представлены в таблице 5. Анализ результатов показал, что у мужчин наблюдается

Табл. 4. Связь показателей когнитивного статуса и копинг-поведения у лиц, перенесших COVID-19

Tab. 4. Cognitive status vs. coping behavior in former COVID-19 patients

Копинг-стратегии	Мужчины (n = 26)		Женщины (n = 39)	
	MMSE	FAB	MMSE	FAB
Конфронтация	-0,01	-0,22	-0,35	-0,46
Дистанцирование	-0,08	0,00	-0,6*	-0,36
Самоконтроль	-0,32	0,00	-0,47	-0,26
Поиск социальной поддержки	-0,06	0,15	-0,38	-0,22
Принятие ответственности	0,16	0,29	-0,40	-0,06
Бегство-избегание	-0,32	-0,29	-0,52*	0,22
Планирование решения проблем	0,21	0,29	-0,54*	-0,26
Положительная переоценка	-0,32	0,14	-0,56*	-0,33

Прим.: * – $p < 0,05$.

Табл. 5. Связь показателей когнитивного статуса и смысловых ориентаций у лиц, перенесших COVID-19

Tab. 5. Cognitive status vs. life purpose orientation in former COVID-19 patients

Субшкалы СЖО	Мужчины (n = 26)		Женщины (n = 39)	
	MMSE	FAB	MMSE	FAB
Цель	0,51	0,31	0,53*	0,2
Процесс	0,51	0,7*	0,37	-0,01
Результат	0,61*	0,5	0,57*	-0,2
Локус контроля – Я	0,43	0,3	0,48	0,05
Локус контроля – жизнь	0,25	0,9*	0,03	-0,17
Общая осмысленность жизни	0,33	0,48	0,52*	0,02

Прим.: * – $p < 0,05$.

положительная связь общей когнитивной сохранности по тесту MMSE с показателем *результат* ($r = 0,61$; $p = 0,03$), а также положительные связи лобного функционирования по тесту FAB с показателем *процесс* ($r = 0,7$; $p = 0,04$) и *локус контроля – жизнь* ($r = 0,9$; $p = 0,05$). У лиц женского пола наблюдаются положительные связи между общей сохранностью когнитивного статуса по тесту MMSE и показателями СЖО *цель* ($r = 0,53$; $p = 0,05$), *результат* ($r = 0,57$; $p = 0,04$) и *осмысленность жизни* ($r = 0,52$; $p = 0,03$). Между лобным функционированием по тесту FAB и показателями СЖО взаимосвязей не выявлено.

Обсуждение

По результатам проведенного исследования был обнаружен ряд гендерных особенностей в когнитивном функционировании, копинг-поведении и смысловых ориентациях у лиц, перенесших COVID-19.

При оценке выраженности когнитивных нарушений после перенесенной коронавирусной инфекции с помощью двух скринингов шкал MMSE и FAB гендерных различий в представленной выборке выявлено не было. Показатели общего когнитивного функционирования по MMSE, а также самоконтроля и навыков планирования по FAB и у мужчин, и у женщин были на уровне нормы без статистически значимых различий. Однако, проведенное нами ранее исследование указывает на непосредственное влияние сроков давности после перенесенного заболевания на состояние когнитивного функционирования [Варич и др. 2022]. Тогда было обнаружено, что ухудшение функционального состояния центральной нервной системы характеризуется общим снижением работоспособности головного мозга на фоне усиления автономности в регуляции сердечной деятельности, что особенно ярко проявляется через

6 месяцев после перенесенного заболевания, а к концу года наблюдаются лишь остаточные ухудшения зрительной и слуховой памяти и внимания. В настоящем исследовании было зафиксировано, что к концу года после перенесенного заболевания COVID-19 состояние когнитивного функционирования при отсутствии осложнений у мужчин и у женщин вернулось к уровню нормы.

Следующим этапом исследования была оценка взаимосвязей между уровнем когнитивных нарушений с показателями копинг-поведения и смысловых ориентаций. При исследовании копинг-стратегий были выявлены следующие особенности. Мужчины предпочитают использование копинг-стратегий, ориентированных как на решение проблем, так и на отстранение от них в физическом и эмоциональном плане. При этом состояние когнитивных функций в мужской выборке не взаимосвязано с предпочтениями в выборе копинг-поведения. У женщин предпочтения отдаются копинг-стратегиям, ориентированным на контроль эмоций и на решение проблем, в том числе через привлечение помощи от окружающих людей. Также у женщин наблюдается отрицательная связь между общей сохранностью когнитивных функций по тесту MMSE и копинг-стратегий, ориентированных на эмоциональное и физическое дистанцирование от проблемы и планирование решений проблемной ситуации. Учитывая такое разноплановое влияние когнитивной сохранности на копинг-стратегии у женщин, можно предположить, что при восстановлении состояния когнитивных функций у них происходит общее снижение поведенческих реакций на стрессовые ситуации.

Анализ выявленных гендерных особенностей смысловых ориентаций у лиц, перенесших COVID-19, показал более осмысленное отношение к различным

временным локусам субъективной реальности и к жизни в целом в женской группе респондентов. Женщины демонстрируют более высокие показатели синхронизации смыслов субъективных прошлого, настоящего и будущего, при этом демонстрируя достаточно высокий показатель локализации временного локуса смысла *будущее* при блокировании локусов *прошлое* и *настоящее*. В мужской группе выявлен высокий показатель локализации смысла в субъективном прошлом при блокировании смыслов настоящего и будущего. Обе тенденции имеют защитный характер, можно предположить, что в данном случае наблюдается феномен различных стратегий смысловой атрибуции складывающейся жизненной ситуации.

Женщины ориентируются на цели жизни, в то время как мужчины в большей степени склонны опираться на опыт прошлого. Следует отметить, что снижение синхронизации временных локусов смысла может привести к ужесточению границ между ними, вследствие чего зоны ближайшего прошлого и будущего блокируются, а личностные смыслы локализуются в средних и удаленных регионах субъективной реальности. Поведение человека в этом случае может носить характер односторонней направленности: жить исключительно воспоминаниями о прошлом или только надеждами на будущее, или же реагировать на требования настоящего момента.

Корреляционный анализ показателей СЖО и когнитивного статуса позволяет говорить об определенных особенностях восстановления после перенесенного COVID-19. У мужчин повышение общих показателей когнитивной сохранности и лобного функционирования взаимобусловлено осмыслением прошлого опыта (*результат*). У лиц женского пола восстановление когнитивного статуса помимо субъективного опыта обуславливает повышение осмысленности жизненных целей и жизни.

Заключение

Результаты исследования указывают на ряд гендерных различий в когнитивном функционировании у лиц, перенесших COVID-19, что связано как с психологическими особенностями мужчин и женщин, так и влиянием самого заболевания на всех уровнях психики: нейрокогнитивном, поведенческом и личностном. Для мужчин характерным является отсутствие зависимости между их копинг-поведением и сохранностью когнитивной сферы после перенесенного заболевания. Кроме этого, на личностном уровне у мужчин наблюдается более низкая осмысленность своего состояния по сравнению с женщинами, а также ориентация на прошлое вместо постановки целей на будущее. У женщин

наблюдается более тесная взаимосвязь между особенностями стресс-преодолевающего поведения, сохранностью когнитивной сферы и осмысленностью своего состояния. Восстановление когнитивных функций у женщин, вероятно, приводит к снижению продуктивных и непродуктивных поведенческих реакций на стрессовые ситуации, к более осмысленному определению целей на будущее и анализу прошлых событий. Данные гендерные различия в когнитивном функционировании необходимо учитывать при разработке методов психологического сопровождения и психотерапевтических программ для лиц, перенесших COVID-19.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. В. Солодухин – проведение теоретического анализа отечественных и зарубежных исследований, сбор и обработка исследовательской базы данных, курирование, написание статьи. А. В. Серый – проведение теоретического анализа отечественных и зарубежных исследований, обработка исследовательской базы данных, написание статьи. Л. А. Варич – сбор первичных данных, редактирование статьи. Я. И. Брюханов – сбор первичных данных, редактирование статьи. А. Ю. Жихарев – сбор первичных данных и обработка исследовательской базы данных.

Contribution: A. V. Solodukhin reviewed scientific publications, collected and processed the research data, curated the results, and wrote the manuscript. A. V. Seryy reviewed scientific publications, processed the data, and wrote the manuscript. L. A. Varich proofread the manuscript. Ya. I. Bryukhanov proofread the manuscript. A. Yu. Zhikharev collected and processed the research data.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и гранта Кемеровской области – Кузбасса, проект № 22-25-20173 «Психофизиологические предикторы когнитивных нарушений у лиц, перенесших коронавирусную инфекцию (COVID-19): система профилактики и коррекции». <https://rscf.ru/project/22-25-20173/>

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation and the Kuzbass Foundation, project No. 22-25-20173: Psychophysiological predictors of cognitive impairment in former COVID-19 patients: prevention and correction. <https://rscf.ru/project/22-25-20173/>

Литература / References

- Варич Л. А., Брюханов Я. И., Серый А. В., Солодухин А. В. Особенности проявления соматических и когнитивных нарушений у лиц юношеского возраста, перенесших COVID-19. *Вестник психофизиологии*. 2022. № 4. С. 92–99. [Varich L. A., Brukhanov Ya. I., Seryy A. V., Solodukhin A. V. Peculiarities the somatic and cognitive disorders manifestation in young people who underwent COVID-19. *Psychophysiology News*, 2022, (4): 92–99. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34985/f0194-0574-8740-f>
- Волоткевич О. В. Временное пространство личности: временная перспектива несовершеннолетних осужденных без лишения свободы. *Человек: преступление и наказание*. 2019. Т. 27. № 2. С. 249–258. [Volotkevich O. V. Temporary space of the person: time perspective of juvenile convicts without deprivation of liberty. *Man: crime and punishment*, 2019, 27(2): 249–258. (In Russ.)] [https://doi.org/10.33463/1999-9917.2019.27\(1-4\).2.249-258](https://doi.org/10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.249-258)
- Еремина Д. А., Демченко Е. А., Щелкова О. Ю., Горулева М. В., Яковлева М. В. Когнитивное функционирование больных ИБС как фактор эффективности реабилитации после коронарного шунтирования: разработка программы и предварительные результаты исследования. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2015. № 4. С. 66–86. [Yeryomina D. A., Demchenko E. A., Shchelkova O. Yu., Goruleva M. V., Iakovleva M. V. The dynamics of cognitive functions in patients with CHD during rehabilitation after coronary bypass surgery: methodology and preliminary results of the study. *Vestnik Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2015, (4): 66–86. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vjhwzf>
- Корсакова Н. К., Вологодина Я. О. Варианты нейропсихологического синдрома и этапы генеза концепции А. Р. Лурии о мозговой организации психических функций. *Культурно-историческая психология*. 2022. Т. 18. № 3. С. 64–69. [Korsakova N. K., Vologdina Ya. O. Variants of neuropsychological syndrome and stages of genesis of A. R. Luria's concept of the brain organization of mental functions. *Cultural-Historical Psychology*, 2022, 18(3): 64–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/chp.2022180309>
- Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ). *Журнал практического психолога*. 2007. № 3. С. 93–111. [Kryukova T. L., Kuftyak E. V. Questionnaire of ways of control (adaptation of a technique of WCQ). *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 2007, (3): 93–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ygcfyx>
- Пизова Н. В., Пизов Н. А., Пизов А. В. Когнитивные нарушения у лиц, перенесших COVID-19. *Медицинский совет*. 2021. № 4. С. 69–77. [Pizova N. V., Pizov N. A., Pizov A. V. Cognitive impairment in COVID-19 survivors. *Meditsinskiy Sovet*, 2021, (4): 69–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2021-4-69-77>
- Серый А. В., Юпитов А. В. Применение теста смысложизненных ориентаций к диагностике актуальных смысловых состояний (новая концептуализация). *Сибирская психология сегодня*, отв. ред. М. С. Яницкий. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 55–72. [Seryy A. V., Yupitov A. V. Life-sense orientation test as a diagnose tool of the actual semantic states: a new concept. *Siberian Psychology Today*, ed. Yanitskiy M. S. Кемерово: Kuzbassvuzizdat, 2002, 55–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxjmh1>
- Серый А. В., Яницкий М. С., Солодухин А. В., Трубникова О. А. Методологические основания разработки комплексного подхода в психологической коррекции и психотерапии пациентов кардиологического профиля до и после коронарного шунтирования. *Сибирский психологический журнал*. 2017. № 63. С. 89–101. [Seryy A. V., Yanitskiy M. S., Solodukhin A. V., Trubnikova O. A. The methodological bases of the integrated approach development in psychological correction and psychotherapy of cardiological patients before and after coronary bypass surgery. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal*, 2017, (63): 89–101. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/63/7>
- Човдырова Г. С., Пяткина О. А. Копинг-стратегии личности при адаптации к стрессу. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2021. Т. 26. № 1. С. 41–47. [Chovdyrova G. S., Pyatkina O. A. Coping strategies of an individual when adapting to stress. *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2021, 26(1): 41–47 (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-184-41-47>
- Alonzi S., La Torre A., Silverstein M. W. The psychological impact of preexisting mental and physical health conditions during the COVID-19 pandemic. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020, 12(S1): 236–238. <https://doi.org/10.1037/tra0000840>
- Boldrini M., Canoll P. D., Klein R. S. How COVID-19 affects the brain. *JAMA psychiatry*, 2021, 78(6): 682–683. <https://doi.org/10.1001/jamapsychiatry.2021.0500>
- Casagrande M., Favieri F., Tambelli R., Forte G. The enemy who sealed the world: effects quarantine due to the COVID-19 on sleep quality, anxiety, and psychological distress in the Italian population. *Sleep medicine*, 2020, 75: 12–20. <https://doi.org/10.1016/j.sleep.2020.05.011>

- Chaturvedi R., Lui B., Aaronson J. A., White R. S., Samuels J. D. COVID-19 complications in males and females: recent developments. *Journal of Comparative Effectiveness Research*, 2022, 11(9): 689–698. <https://doi.org/10.2217/cer-2022-0027>
- Galasso V., Pons V., Profeta P., Becher M., Brouard S., Foucault M. Gender differences in COVID-19 related attitudes and behavior: Panel evidence from eight countries. *The Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2020, 117(44): 27285–27291. <https://doi.org/10.1073/pnas.2012520117>
- Giudice V., Iannaccone T., Faiella F., Ferrara F., Aversano G., Coppola S., De Chiara E., Romano M. G., Conti V., Filippelli A. Gender differences in the impact of COVID-19 pandemic on mental health of Italian academic workers. *Journal of Personalized Medicine*, 2022, 12(4). <https://doi.org/10.3390/jpm12040613>
- Goularte J. F., Serafim S. D., Colombo R., Hogg B., Caldieraro M. A., Rosa A. R. COVID-19 and mental health in Brazil: Psychiatric symptoms in the general population. *Journal of Psychiatric Research*, 2021, 132: 32–37. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2020.09.021>
- Helms J., Kremer S., Merdji H., Clere-Jehl R., Schenck M., Kummerlen C., Collange O., Boulay C., Fafi-Kremer S., Ohana M., Anheim M., Meziani F. Neurologic features in severe SARS-CoV-2 infection. *New England Journal of Medicine*, 2020, 382(23): 2268–2270. <https://doi.org/10.1056/NEJMc2008597>
- Kolakowsky-Hayner S. A., Goldin Y., Kingsley K., Alzueta E., Arango-Lasprilla J. C., Perrin P. B., Baker F. C., Ramos-Usuga D., Constantinidou F. Psychosocial impacts of the COVID-19 quarantine: A study of gender differences in 59 countries. *Medicina*, 2021, 57(8). <https://doi.org/10.3390/medicina57080789>
- Li J., Li X., Jiang J., Xu X., Wu J., Xu Y., Lin X., Hall J., Xu H., Xu J., Xu X. The effect of cognitive behavioral therapy on depression, anxiety, and stress in patients with COVID-19: a randomized controlled trial. *Frontiers in psychiatry*, 2020, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.580827>
- Liyanage-Don N. A., Cornelius T., Sanchez J. E., Trainor A., Moise N., Wainberg M., Kronish I. M. Psychological distress, persistent physical symptoms, and perceived recovery after COVID-19 illness. *Journal of General Internal Medicine*, 2021, 36(8): 2525–2527. <https://doi.org/10.1007/s11606-021-06855-w>
- Mao L., Wang M., Chen S., He Q., Chang J., Hong C., Zhou Y., Wang D., Li Y., Jin H., Hu B. Neurological manifestations of hospitalized patients with COVID-19 in Wuhan, China: a retrospective case series study. *MedRxiv*, 2020. <https://doi.org/10.1101/2020.02.22.20026500>
- Novais A., Monteiro S., Roque S., Correia-Neves M., Sousa N. How age, sex and genotype shape the stress response. *Neurobiology of Stress*, 2016, 6: 44–56. <https://doi.org/10.1016/j.ynstr.2016.11.004>
- Rabinovitz B., Jaywant A., Fridman C. B. Neuropsychological functioning in severe acute respiratory disorders caused by the coronavirus: implications for the current COVID-19 pandemic. *Clinical Neuropsychologist*, 2020, 34(7-8): 1453–1479. <https://doi.org/10.1080/13854046.2020.1803408>
- Ran L., Wang W., Ai M., Kong Y., Chen J., Kuang L. Psychological resilience, depression, anxiety, and somatization symptoms in response to COVID-19: A study of the general population in China at the peak of its epidemic. *Social Science & Medicine*, 2020, 262. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113261>
- Rogers J. P., Chesney E., Oliver D., Pollak T. A., McGuire P., Fusar-Poli P., Zandi M. S., Lewis G., David A. S. Psychiatric and neuropsychiatric presentations associated with severe coronavirus infections: a systematic review and meta-analysis with comparison to the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020, 7(7): 611–627. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30203-0](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30203-0)
- Rubio L., Dumitrache C., Cordon-Pozo E., Rubio-Herrera R. Coping: Impact of gender and stressful life events in middle and in old age. *Clinical Gerontologist*, 2016, 39(5): 468–488. <https://doi.org/10.1080/07317115.2015.1132290>
- Tan B. Y. Q., Chew N. W. S., Lee G. K. H., Jing M., Goh Y., Yeo L. L. L., Zhang K., Chin H.-K., Ahmad A., Khan F. A., Shanmugam G. N., Chan B. P. L., Sunny S., Chandra B., Ong J. J. Y., Paliwal P. R., Wong L. Y. H., Sagayanathan R., Chen J. T., Ng A. Y. Y., Teoh H. L., Ho C. S., Ho R. C., Sharma V. K. Psychological impact of the COVID-19 pandemic on health care workers in Singapore. *Annals of Internal Medicine*, 2020, 173(4): 317–320. <https://doi.org/10.7326/M20-1083>

оригинальная статья

Копинг-стратегии и психологические особенности отношения к ситуации пандемии COVID-19 и ограничительным мерам студентов медицинских специальностей

Юсупов Павел Рафаэльевич
Алтайский государственный медицинский университет,
Россия, Барнаул
<https://orcid.org/0000-0002-8158-8250>
yusupovpr@gmail.com

Мардасова Татьяна Александровна
Алтайский государственный медицинский университет,
Россия, Барнаул
<https://orcid.org/0000-0002-5416-0275>

Поступила в редакцию 13.01.2023. Принята после рецензирования 10.03.2023. Принята в печать 17.04.2023.

Аннотация: Необходимость активного, организованного реагирования на угрозы пандемии COVID-19, введение ограничительных мер, резкое изменение формата обучения в системе образования привели к снижению психологического благополучия студентов вузов, росту тревожных и депрессивных настроений. Цель – изучить особенности психологического отношения и переживания пандемии COVID-19 и ограничительных мер студентами медицинских специальностей в контексте психологических ресурсов и копинг-стратегий. Выделены группы испытуемых с разным отношением и переживанием пандемической ситуации, различиями в уровне психологического стресса и использовании копинг-стратегий. Подтверждена гипотеза, что высокий уровень психологического стресса и преобладание неконструктивных копинг-стратегий характерны для людей с тревожными и негативными ожиданиями в ситуации пандемии и ограничительных мер. Разработана анкета для выявления содержательных аспектов отношения испытуемых к пандемии и ковидным ограничениям. Показано, что испытуемые с выраженным психологическим стрессом, негативными и тревожными ожиданиями чаще делают ставку на избегающую стратегию совладания, переживание высокой ответственности и повышенного контроля за ситуацией с ощущением постоянного недостатка информации и низкой оценкой собственных ресурсов. Испытуемым с высоким уровнем самоэффективности характерно оптимистичное, субъектное и в большей мере реалистичное восприятие пандемической ситуации с уверенностью в собственных силах и возможностью справиться с вызовами пандемии. Испытуемым с субъектным и оптимистичным восприятием свойственен интернальный способ селекции полезной информации для снижения рисков заражения и перенесения COVID-19, когда человек верит в возможность найти корректную информацию из потока разнообразия и снизить психологический стресс.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, коронавирус, ограничительные меры, студенты, отношение к пандемии, психологический стресс, копинг-стратегии

Цитирование: Юсупов П. Р., Мардасова Т. А. Копинг-стратегии и психологические особенности отношения к ситуации пандемии COVID-19 и ограничительным мерам студентов медицинских специальностей. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 5. С. 705–714. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-705-714>

full article

Medical Students and Their Attitude to COVID-19 Pandemic and Restrictive Measures: Coping Strategies and Psychological Features

Pavel R. Yusupov
Altai State Medical University, Russia, Barnaul
<https://orcid.org/0000-0002-8158-8250>
yusupovpr@gmail.com

Tatiana A. Mardasova
Altai State Medical University, Russia, Barnaul
<https://orcid.org/0000-0002-5416-0275>

Received 13 Jan 2023. Accepted after peer review 10 Mar 2023. Accepted for publication 17 Apr 2023.

Abstract: The COVID-19 pandemic with its restrictive measures affected the entire education system, causing anxiety and depression in medical students. This research addressed the psychological resources and coping strategies which

medical students appealed to during the pandemic. The authors developed a questionnaire to classify various attitudes and coping strategies. High stress and non-constructive coping strategies were typical for students with anxiety and pessimism. The subjects with high anxiety levels that experienced the lockdown measures as severe psychological stress tended to rely on avoidance strategies. They felt high responsibility, lacked relevant information, and assessed their own resources as low. Those with prominent self-efficacy demonstrated an optimistic and more realistic type of perception: they were confident in their ability to cope with the challenges of the pandemic. The subjects with a subjective and optimistic perception believed that they were able to select relevant information on preventive measures and reduce psychological stress.

Keywords: COVID-19, pandemic, coronavirus, restrictive measures, students, attitude to the COVID-19 pandemic, psychological stress, coping strategies

Citation: Yusupov P. R., Mardasova T. A. Medical Students and Their Attitude to COVID-19 Pandemic and Restrictive Measures: Coping Strategies and Psychological Features. *SibScript*, 2023, 25(5): 705–714. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-705-714>

Введение

Коронавирусная инфекция (COVID-19), достигшая статуса пандемии весной 2020 г., стала серьезным вызовом современному обществу и мировой системе здравоохранения [Исаева 2009; Кисляков 2020; Нестик 2021]. Быстрота заражения, высокий риск для здоровья и жизни заболевших привели к интенсивному введению карантинных, ограничительных мер для предотвращения распространения инфекции во многих странах, в том числе в России.

Пандемия и ограничительные меры внесли резкие изменения в жизнь людей независимо от возраста, пола, социального и экономического статуса. Страх перед новым вирусом, финансовая неуверенность, радикальные изменения в режиме повседневности, снижение физической активности и количества социальных контактов привели к возникновению психологических проблем в виде тревоги, чувства угрозы, подавленности, замешательства, неопределенности, агрессии, симптомов ПТСР [Ениколопов и др. 2020; Савина, Баранова 2021; Brooks et al. 2020].

Для психологов, изучавших психологические эффекты воздействия нового вируса на жизнь людей, интерес представляли восприятие, переживание пандемических изменений повседневности, способы совладания со стрессом, вызванным ограничительными мерами [Ениколопов и др. 2020; Кисляков 2020; Рассказова и др. 2020; Савина, Баранова 2021; Brooks et al. 2020].

Для объяснения стресс-эффекта в связи с введением ограничительных и карантинных мер профилактики COVID-19 довольно хорошо подходит наиболее полная и проработанная концепция стресса (в том числе эмоционального) в работах К. В. Судакова, который опирался на теорию функциональных систем П. К. Анохина. В рамках данной теории эмоциональный стресс развивается в ситуации невозможности отреагировать на вызовы среды и удовлетворить актуальные потребности.

Однако исследователи отмечали, что люди входили в ситуацию пандемии с разным уровнем субъективного благополучия, проблемами психологической адаптации, негативными эмоциональными состояниями и стратегиями совладания [Рассказова и др. 2020]. С одной стороны, ситуация с пандемией рождала новые тревоги, риски для здоровья, с другой – человек приносил в эту стрессовую ситуацию собственные выработанные способы поддержания субъективного благополучия, типичные эмоциональные состояния. Опыт клинико-психологических исследований пандемии COVID-19 показал выраженный рост жалоб на тревожно-депрессивные и общесоматические симптомы, характерные для групп риска с высоким уровнем негативных эмоций. В ранних психосоматических концепциях людей с выраженной тревожно-депрессивной симптоматикой, истощением жизненной энергии относили к типу личности D [Рассказова и др. 2020].

Как показал ряд исследований, наиболее подверженными психологическому стрессу в связи с переживанием пандемии оказались люди молодого возраста (в том числе студенты) [Сорокин и др. 2020; Liang et al. 2020; Rogowska et al. 2020]. Изучая уровень ситуативной и личностной тревожности, уровень самоактуализации российского населения в момент пандемии, Т. А. Соколовская и Е. В. Бахадова выявили такие поведенческие и когнитивные стратегии на самоизоляцию при коронавирусе, как стратегия наблюдения, невключенности или отключения себя от проблематики (характерно для молодых людей 18–25 лет), стратегия аналитического подхода к ситуации и высокой поисковой активности с концентрацией на бытовых ответах и заботе о других (характерно для людей 45–65 лет) [Соколовская, Бахадова 2020].

С одной стороны, студенческая молодежь как социальная общность всегда характеризовалась высокой социальной активностью и адаптивностью

к меняющимся условиям, вызовам времени и ритмам современной жизни, с другой – пандемия и ограничительные меры ударили по наиболее важным сторонам жизни студенческой молодежи – по физической и социальной активности, общению и планированию ближайших актуальных целей [Котлярова, Киреева 2020].

Негативными последствиями пандемии для студенческой молодежи явились не только ухудшение экономического благополучия, но и нарушение привычного образа жизни вследствие снижения социального взаимодействия, вынужденное однообразие контактов, страхи за здоровье близких, нарушение обычного ритма жизни, необходимый переход на дистанционные формы обучения, нарушение режима дня, питания, сна [Савина, Баранова 2021; Сорокин и др. 2020; Авилов, Галиулина 2019; 2020; Фан и др. 2021].

Другими важными негативными факторами оказались интенсивный рост и обилие тревожной информации о коронавирусе и последствиях заболевания, неопределенность по срокам пандемии и ограничительных мер, отсутствие ясности относительно симптомов заболевания [Кисляков 2020].

В связи с необходимостью предотвращения распространения коронавируса вузы страны перешли на дистанционное обучение, кардинально отличающееся от аудиторного [Кисляков 2020]. Некоторые исследователи оценивали дистанционные формы обучения как более трудоемкие, требующие детальной методической проработки учебного материала для занятий в формате онлайн [Харламова 2020]. Другой проблемой дистанционного обучения стала организация онлайн-занятий с поиском доступного и удобного программного обеспечения, использованием цифровых технологий.

Карантин с необходимостью интенсивного включения в цифровое дистанционное обучение привел к ухудшению психологического благополучия студентов. Первые исследования последствий пандемии на российских студенческих выборках показали, что 66 % респондентов стали чаще ощущать состояние стресса и беспокойства, а 40 % заметили у себя признаки депрессии и утомления [Андреевкова, Андреевкова 2022].

Сравнительный межстрановой анализ влияния стресс-эффектов пандемии коронавируса показал, что тревожность и посттравматический синдром у студентов развивались быстрее, например, в сравнении с группами преподавателей. Кроме того, авторы выдвинули предположение о том, что степень воздействия пандемии на студенчество и другие категории граждан зависит не только от эпидемиологической ситуации в стране, но и от социальных, экономических условий [Андреевкова, Андреевкова 2022].

Важным фактором адаптации в стрессовой ситуации, в том числе в условиях пандемии, явились копинг-стратегии, позволяющие субъекту справляться с трудными жизненными ситуациями и меняющимися условиями с опорой на актуальные личностные особенности, когнитивные установки и убеждения. В некоторых работах отмечался приоритет активных копинг-стратегий, позволяющих сохранить психологическое здоровье и успешно адаптироваться к стрессу, тогда как избегающий копинг может являться фактором риска [Дьячук, Бочарова 2021; Костригин, Козлова 2021; Рассказова, Гордеева 2011; Совладающее поведение... 2008]. Кроме того, исследователи обращали внимание на важность субъектного, самостоятельного, гибкого выбора наиболее подходящих копинг-стратегий в текущей ситуации [Харламова 2020].

Необходимость адаптации студенческой молодежи к экстремальным последствиям пандемии COVID-19 сделала актуальной целью исследования особенностей психологического отношения и переживания пандемии и ограничительных мер студентами медицинских специальностей в контексте психологических ресурсов и копинг-стратегий. Важной задачей исследования стало выделение групп испытуемых с разным отношением и переживанием пандемической ситуации, различиями в уровне психологического стресса и использовании копинг-стратегий. Основной гипотезой исследования стало предположение, что высокий уровень психологического стресса и преобладание неконструктивных копинг-стратегий характерен для людей с тревожными и негативными ожиданиями в ситуации пандемии и ограничительных мер.

Методы и материалы

Выборку составили 72 студента Алтайского государственного медицинского университета 17–32 лет, среди которых 15,3 % – респонденты мужского пола, 84,7 % – женского. Средний возраст – 19,8 лет.

Для оценки уровня психологического стресса выбрана Шкала психологического стресса PSM-25 [Мандель 2014]. Для исследования копинг-стратегий использован Опросник способов совладания (Р. Лазарус, С. Фолкман, в русскоязычной адаптации Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой), направленный на выявление предпочитаемых способов поведения человека в трудных жизненных ситуациях [Крюкова, Куфтяк 2007]. Для оценки субъектности и позитивных представлений о собственных ресурсах выбрана Шкала общей самоэффективности [Ромек и др. 1996; Bandura 2006].

Для изучения психологических особенностей восприятия и переживания студентами медицинских специальностей ситуации с пандемией COVID-19

и ограничительными мерами была составлена специальная анкета «Отношение к текущей ситуации с пандемией и ковидными ограничениями», в которой предлагались утверждения со шкалой Лайкерта от 1 до 5, где 1 – совершенно не согласен, 5 – полностью согласен. Для сбора данных разработана онлайн-форма на платформе Google Forms.

Анализ данных реализован с помощью статистического пакета IBM SPSS v.22 с использованием корреляционного, кластерного анализ, непараметрического критерия сравнения средних (критерий Краскела-Уоллиса).

Результаты

На первом этапе были получены значимые корреляционные связи (коэффициент корреляции Пирсона) между шкалой психологического стресса PSM-25, шкалой общей самооффективности (А. Бандура) и копинг-стратегиями (Р. Лазаруса) (табл.). Обнаружились высокие значимые положительные корреляции между шкалой психологического стресса PSM-25 и копинг-стратегиями *бегство-избегание*, *принятие ответственности* и одна значимая отрицательная корреляция с копинг-стратегией *планирование решения проблемы* [Плетнёв, Юсупов 2022].

На втором этапе с помощью кластерного анализа (метод Варда), примененного к данным анкеты, помогающей изучить отношение к текущей ситуации с ковид-пандемией и ограничениями, вся выборка испытуемых была разделена на три кластера (группы): 1) тревожные»; 2) отстраненные; 3) уверенные (рис. 1).

Сравнение различий по пунктам анкеты для трех выделенных групп испытуемых посредством критерия сравнения средних (критерий Краскела-Уоллиса)

Табл. Достоверные корреляции между шкалой психологического дистресса PSM-25, шкалой самооффективности и копинг-стратегиями

Tab. Correlations between PSM-25 psychological distress scale, self-efficacy scale, and coping strategies

Показатели	Коэффициент корреляции	
	r	p
Дистресс PSM-25 – бегство-избегание	0,49	0,01
Дистресс PSM-25 – принятие ответственности	0,38	0,01
Дистресс PSM-25 – планирование решения проблемы	-0,25	0,04
Дистресс PSM-25 – шкала самооффективности	-0,27	0,02

позволило определить содержательные особенности психологического отношения к ограничительным мерам COVID-19.

На третьем этапе исследования были получены значимые различия, или значимые на уровне хорошей статистической тенденции (критерий Краскела-Уоллиса), для выделенных трех групп испытуемых по шкале психологического стресса (PSM-25) и копинг-стратегий (Р. Лазарус) (рис. 2).

Обсуждение

Опираясь на результаты анализа корреляционных связей между шкалой психологического стресса PSM-25, шкалой самооффективности (А. Бандура) и копинг-стратегиями (Р. Лазаруса), можно предположить, что психологический стресс связан с таким неконструктивным копингом, как *бегство-избегание*. В соответствии с данным копингом человек мысленно и поведенчески стремится избежать проблемы, не думать о рисках, дистанцироваться от трудностей, что не может в перспективе вести к снижению стресса. С другой стороны, нельзя сказать, что реактивная концентрация внимания на стрессовой ситуации (пандемия и риски для здоровья), представление негативных сценариев развития событий без рационального анализа реальных угроз может помочь справиться с психологическим стрессом. Акцентирование внимания на возможных негативных исходах стрессовой ситуации без поиска объективной информации и рациональной когнитивной переработки скорее усугубит тяжесть переживания и приведет к быстрому истощению [Исаева 2009].

Значимая положительная корреляция между психологическим стрессом и копингом *принятие ответственности* не выглядит неожиданной, т.к. человек, принимающий ответственность, признает свою роль (вину) в проблеме с сопутствующей темой попыток ее исправления. Чувство вины сопровождается отчаянием, подавленностью, угрызением совести [Исаева 2009]. Такое принятие ответственности в сочетании с высокими баллами по шкале стресса может указывать на выраженное, неадаптивное стремление переживать личную ответственность и вину за неблагоприятно складывающиеся обстоятельства.

Значимая отрицательная корреляция между копингом *планирование решения проблемы* и психологическим стрессом подтверждает известную закономерность о том, что стратегии планирования в сочетании с рациональными поисками выхода из стрессовой ситуации благоприятно сказываются на снижении психологического стресса и тревоги. Значимая отрицательная корреляция между психологическим стрессом и шкалой самооффективности ($r = -0,27$; $p = 0,02$) подтверждает

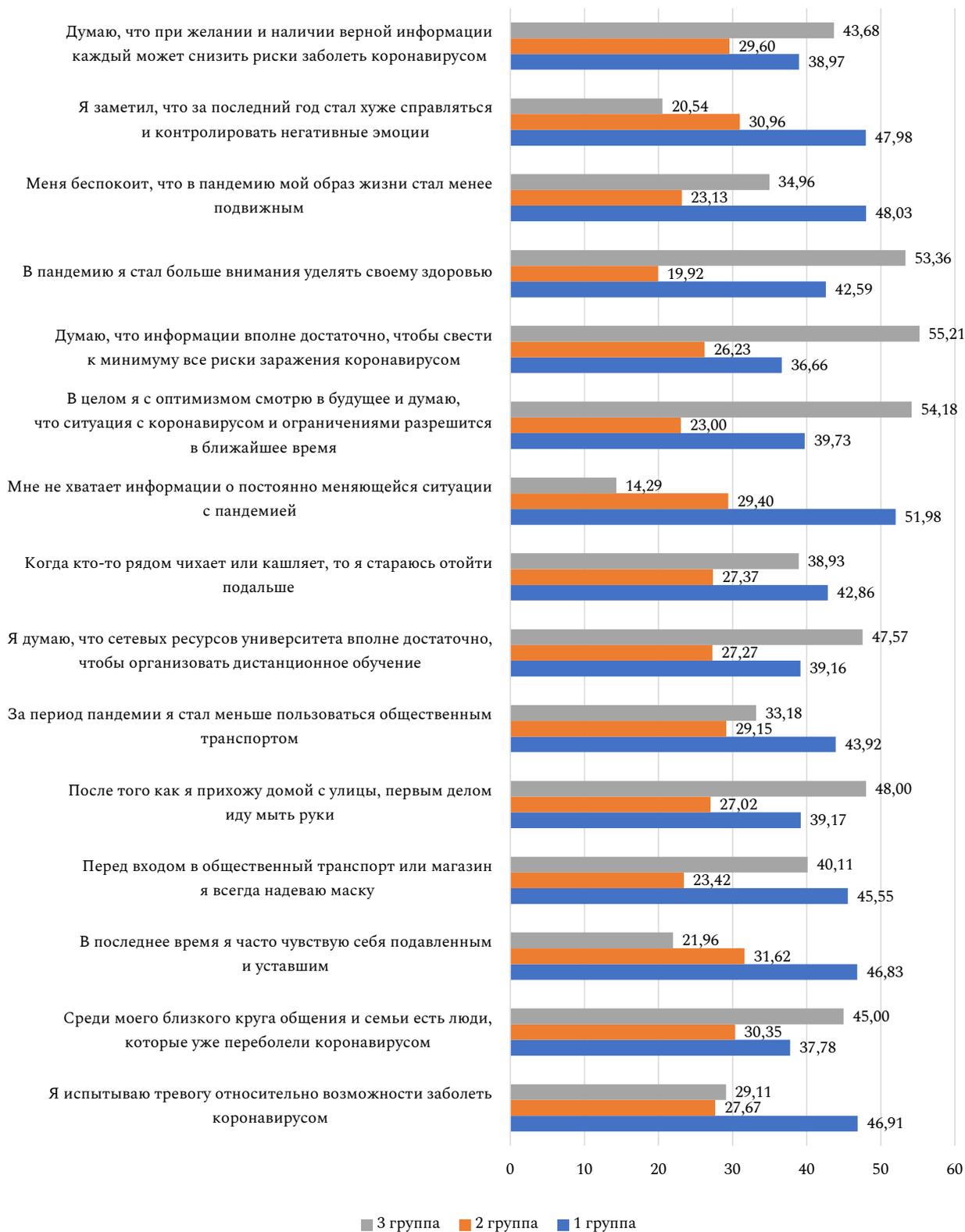

Рис. 1. Значимые различия в ответах испытуемых на пункты анкеты по трем выделенным кластерам (метод Варда)

Fig. 1. Significant differences in three clusters of responses by the Ward's method

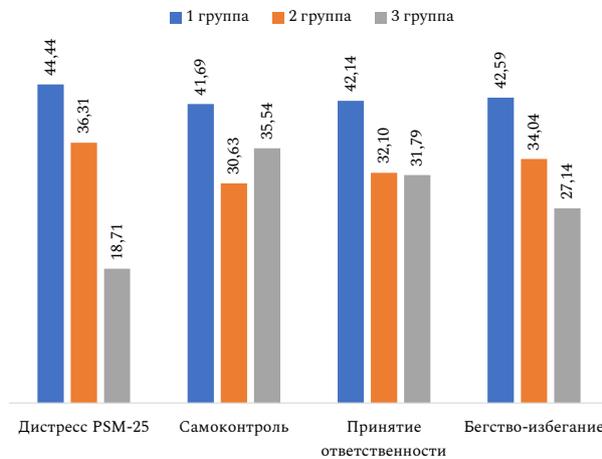

Рис. 2. Значимые различия по шкале психологического стресса (PSM-25) и копинг-стратегий (Р. Лазарус)

Fig. 2. Significant differences in PSM-25 psychological distress scale and coping strategies, R. Lazarus

ожидание, что человек, верящий в свои возможности, качества, ресурсы, имеет больше шансов не оказаться в ситуации переживания выраженного стресса. Человек, который верит в свои силы и ресурсы, будет отличаться активной и субъектной позицией в стрессе. И наоборот, индивид, который боится и избегает определенных жизненных ситуаций, будет считать, что не сможет с ними справиться.

Анализ содержательных различий по пунктам анкеты (критерий Краскела-Уоллиса) между тремя выделенными группами испытуемых позволил сформулировать следующие выводы.

Из всех значимых различий испытуемые первой группы (тревожные) имеют более высокие баллы по таким пунктам анкеты, как *мне не хватает информации о постоянно меняющейся ситуации с пандемией; я заметил, что за последний год стал хуже справляться и контролировать негативные эмоции; в последнее время я часто чувствую себя подавленным и уставшим; я испытываю тревогу относительно возможности заболеть коронавирусом; меня беспокоит, что в пандемию мой образ жизни стал менее подвижным; за период пандемии я стал меньше пользоваться общественным транспортом*. Как видно, испытуемые из первой группы имеют довольно высокий уровень тревоги и негативных ожиданий от ситуации с пандемией и ковидными ограничениями, им не хватает информации о ситуации с пандемией, что, вероятно, затрудняет контроль негативных эмоций. Заметным эмоциональным фоном испытуемых первой группы в последнее время является подавленность и усталость, что логично сочетается с беспокоейством о недостаточно подвижном образе жизни.

Во вторую группу вошли испытуемые с большим количеством минимальных баллов по пунктам анкеты, что позволяет охарактеризовать их как отстраненных наблюдателей с пассивной реакцией на ситуацию с пандемией. Можно предположить, что подобная слабодифференцированная реакция в ответах на пункты анкеты связана либо с определенной когнитивной стратегией снижения остроты и значимости проблемы, либо с желанием скорейшего завершения тестирования и использованием стратегии средних оценок по ответам.

Испытуемые третьей группы (уверенные) особенно отличились высокими баллами по таким пунктам, как *думаю, что информации вполне достаточно, чтобы свести к минимуму все риски заражения коронавирусом; в целом я с оптимизмом смотрю в будущее и думаю, что ситуация с коронавирусом и ограничениями разрешится в ближайшее время; в пандемию я стал больше внимания уделять своему здоровью; я думаю, что сетевых ресурсов университета вполне достаточно, чтобы организовать дистанционное обучение; перед входом в общественный транспорт или магазин я всегда надеваю маску*. Высокие баллы по названным пунктам анкеты дают возможность предположить у испытуемых третьей группы более оптимистичный настрой и ожидания от продолжающейся пандемии. Им не свойственна тревога, подавленность; они отмечают достаточность информации о рисках заболевания; для них характерна готовность активно снижать риски заболевания, в том числе с помощью мытья рук.

Интересно отметить, что испытуемые из первой группы, несмотря на отсутствие значимых различий между пунктами, выбирают более пассивный вариант защиты от вируса – надевать маску в общественных местах, а для представителей третьей группы характерно мытье рук после общественных мест.

Можно предположить, что группа уверенных отличается большим оптимизмом и верой в возможность удерживать контроль над ситуацией с пандемией и трудностями, связанными с ограничениями. Кроме того, третья группа заметно позитивней оценивает возможности сетевых ресурсов университета в целях организации дистанционного обучения.

Анализ значимых различий (или значимых на уровне хорошей статистической тенденции – критерий Краскела-Уоллиса) по шкале психологического стресса (PSM-25) и копинг-стратегий (Р. Лазарус) для трех выделенных групп испытуемых показал, что значимо высокие баллы психологического стресса характерны для первой группы испытуемых с тревожными и негативными оценками и ожиданиями от ситуации с пандемией и ковидными ограничениями; и наоборот, третья группа

с оптимистичным, контролирующим взглядом на ситуацию с пандемией имеет наименьшие показатели психологического стресса.

Выделенные три группы испытуемых имеют значимые различия (или значимые на уровне хорошей статистической тенденции) только по трем копинг-стратегиям: бегство-избегание, $p = 0,05$; принятие ответственности, $p = 0,12$; самоконтроль, $p = 0,13$. Как видно, только для первой копинг-стратегии избегания получены значимые различия, для двух других стратегий можно говорить о хорошей статистической тенденции. В подтверждение нашей гипотезы оказалось, что неконструктивный способ совладания со стрессом *бегство-избегание* характерен для первой, тревожной, группы испытуемых с негативными ожиданиями от ситуации с пандемией. Испытуемые первой группы также имеют более высокие показатели по копингу *принятие ответственности и самоконтроль*.

Основываясь на результатах исследования, можно предположить, что первая группа испытуемых, переживая ситуацию с пандемией, риски заражения и напряжение от ограничений, чаще делает ставку на избегающую стратегию совладания, на переживание высокой ответственности и повышенного контроля за ситуацией. Коронавирус как будто стал для них тяжелым стрессовым фактором, обострившим существовавшие опасения не справиться, потерять контроль в тяжелой ситуации и переживать собственную некомпетентность и вину. Возможно предположить, что испытуемые из первой группы до входа в пандемию имели более выраженные тенденции негативного эмоционального переживания. В пандемии эти тенденции реализовались тревожностью, опасением по поводу собственной некомпетентности и возможностей защиты здоровья и выживания в ситуации пандемии и ограничений.

Как известно, исследуя копинг-стратегии, нельзя однозначно указать на заранее неконструктивные способы совладания со стрессом. Иногда даже стратегия избегания и дистанцирования от источника стресса помогает сохраниться и выиграть время в определенной ситуации. Так и в нашем случае нам интересен не сам по себе высокий балл по копинг-стратегии *самоконтроль* у испытуемых из первой группы, а его сочетание с выраженным баллом по стратегии ответственности и высоким тревожным ожиданием от пандемических угроз и рисков, показанных анкетированием. В методике измерения копинг-стратегий [Крюкова, Куфтяк 2007] высокий балл по шкале самоконтроля связан с целенаправленным подавлением и сдерживанием эмоций, с минимизацией их влияния на оценку ситуации. Поэтому вполне логичным выглядит высокая тревожность испытуемых первой группы в отношении

пандемии в сочетании с тенденцией защищать себя от стресса высокой ответственностью и подавлением, отключением эмоций. Кроме того, анализ данных анкеты показал, что представители первой группы, в отличие от более оптимистичных испытуемых третьей группы, отличаются меньшей верой в возможность найти нужную и релевантную информацию, что позволит снизить риски заболевания коронавирусом.

В отличие от первой группы, для испытуемых третьей группы характерен более оптимистичный, уверенный стиль переживания всех трудностей, рисков пандемии и ковидных ограничений. Это люди, которые в большей степени реалистично смотрят на ситуацию с распространением коронавируса. В ответ на риски пандемии и заражения они прибегают не к подавлению эмоций и переживаний, а к более рациональным стратегиям заботы о здоровье, опираясь на новую, появляющуюся информацию о характере заболевания и способах защиты. Испытуемые из третьей группы оказываются более субъектными, когда в высокой степени соглашались с пунктом анкеты о том, что именно от желания человека зависит выбор информации, успешность предотвращения и снижение рисков заболевания. Наконец, испытуемые из третьей группы отличаются большим оптимизмом, когда охотно поддерживают веру в ближайшее улучшение ситуации с коронавирусной инфекцией COVID-19.

Испытуемые из второй группы имеют большое количество минимальных баллов по пунктам анкеты, что может показывать, с одной стороны, их отстраненность и незаинтересованность в исследовании, желанием поскорее справиться с тестированием, с другой – это может быть связано с когнитивной стратегией снижения интенсивности переживания стрессовой ситуации с COVID-19 или неготовностью вникать и отвечать на важные актуальные вопросы.

Не было получено значимых различий между тремя выделенными группами по шкале общей самоэффективности (А. Бандура).

Заключение

В настоящем исследовании удалось подтвердить основную гипотезу, что высокий уровень психологического стресса связан с преобладанием неконструктивных копинг-стратегий и выраженными тревожными и негативными ожиданиями в ситуации с пандемией и ковидными ограничениями. Психологический стресс ожидаемо оказался связанным с низким уровнем самоэффективности, отсутствием веры в свои ресурсы.

Созданная авторская анкета позволила выявить эмоциональное отношение и ожидания от ситуации с пандемией и ограничениями. С помощью сочетания

математико-статистических методов анализа удалось разделить выборку испытуемых на группы с разными эмоциональными реакциями и ожиданиями от ситуации с пандемией и ограничениями и сопоставить с копинг-стратегиями.

Удалось выявить три группы испытуемых и содержательно проанализировать различные установки и стратегии переживания ситуации с пандемией и ковидными ограничениями, связав с актуальными копинг-стратегиями.

Почти половина респондентов (32 из 72), студентов медицинских специальностей, относятся к первой группе с выраженными показателями психологического стресса и негативными ожиданиями от ситуации с пандемией и ограничениями. Вместе с тревожно-негативными ожиданиями для первой группы испытуемых характерно сочетание трех копинг-стратегий: самоконтроля, принятия ответственности и бегства-избегания, что было проинтерпретировано как неудачное сочетание противоречивых тенденций. С одной стороны, они стремятся брать ситуацию под свой контроль и ответственность, с другой – пытаться отстраняться, избегать негативных переживаний по поводу пандемической ситуации, что способно приводить к серьезному эмоциональному напряжению.

Для второй группы испытуемых (26 из 72) характерен как невысокий отклик на пункты анкеты, так и отсутствие выраженных показателей по копинг-стратегиям. Общие результаты второй группы могут свидетельствовать о неопределенном, пассивном отношении к ситуации с пандемией вместе с отстраненной и незаинтересованной позицией в исследовании.

Для третьей группы испытуемых (14 из 72) была выявлена более субъектная, реалистичная позиция в отношении пандемии и ковидных ограничений. Они в большей степени, в сравнении с другими группами, сохраняют уверенность в своих силах и знаниях, считают, что информации вполне достаточно для совладания с вызовом пандемии, и довольно высоко оценивают доступные сетевые технологии коммуникации для организации дистанционного обучения в вузе.

Представляется, что разработка анкеты с пунктами отношения к ситуации пандемии и ковидных ограничений с применением классификационных статистических методов позволит получить не только содержательную картину восприятия пандемической ситуации, но и выделить кластеры, группы испытуемых с различным видением и отношением. В возможном продолжении данного исследования может быть реализована идея не столько «слепой» кластеризации испытуемых на группы, сколько начальное определение критерия разделения, например, выделение группы испытуемых, уже переболевших COVID-19 в легкой и тяжелой формах, с поиском различий.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: П. Р. Юсупов – концептуализация (80 %), курирование данных (50 %), реализация исследования (50 %), методология (60 %), проверка, правка текста (50 %), визуализация (50 %), анализ данных (60 %), выводы (50 %). Т. А. Мардасова – концептуализация (20 %), курирование данных (50 %), реализация исследования (50 %), методология (40 %), проверка, правка текста (50 %), визуализация (50 %), анализ данных (40 %), выводы (50 %).

Contribution: P. R. Yusupov developed the research concept (80%), curated the data (50%), performed the research (50%), designed the methodology (60%), verified the results, edited the text (50%), designed the visualization (50%), analyzed the data (60%), and formulated the conclusions (50%). T. A. Mardasova developed the research concept (20%), curated the data (50%), performed the research (50%), designed the methodology (40%), verified the results, edited the text (50%), designed the visualization (50%), analyzed the data (40%), and formulated the conclusions (50%).

Литература / References

Авилов О. В., Галиулина К. Ю. Основные причины эмоционального стресса у студентов-медиков и определение подходов к его коррекции. *Вестник психофизиологии*. 2019. № 4. С. 42–50. [Avilov O. V., Galiulina K. Y. Main sources of emotional stress among medical students and the approaches to its correction. *Psychophysiology News*, 2019, (4): 42–50. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/fhdrvb>

Авилов О. В., Галиулина К. Ю. Стресс у студентов медицинских специальностей, вызванный ограничениями в связи с пандемией COVID-19. *Вестник психофизиологии*. 2020. № 4. С. 73–83. [Avilov O. V., Galiulina K. Y. Stress among medical students caused by COVID-19 restrictions. *Psychophysiology News*, 2020, (4): 73–83. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34985/j3917-2445-9422-a>

- Андрееenkova А. В., Андрееenkova Е. В. Влияние пандемии коронавируса на студенчество – сравнительный меж-
 страновый анализ. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 6.
 С. 195–220. [Andreenkova A. V., Andreenkova E. V. The impact of the COVID-19 pandemic on university students
 in Russia and other countries – comparative analysis. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie
 i Sotsial'nye Peremeny*, 2022, (6): 195–220. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2267>
- Дьячук А. А., Бочарова Ю. Ю. Переживания в учебной деятельности во время дистанционного обучения
 и копинг-стратегии студентов. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2021.
 № 4. С. 146–152. [Dyachuk A. A., Bocharova Ju. Yu. Students' experiences and coping strategies during distance
 learning. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii*, 2021, (4): 146–152. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2021-4-17>
- Ениколопов С. Н., Бойко О. М., Медведева Т. И., Воронцова О. Ю., Казьмина О. Ю. Динамика психологических
 реакций на начальном этапе пандемии COVID-19. *Психолого-педагогические исследования*. 2020. Т. 12. № 2.
 С. 108–126. [Enikolopov S. N., Boyko O. M., Medvedeva T. I., Vorontsova O. U., Kozmina O. U. Dynamics of psychological
 reactions at the start of the pandemic of COVID-19. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya*, 2020, 12(2): 108–126.
 (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120207>
- Исаева Е. Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. СПб.:
 ПСПбГМУ, 2009. 136 с. [Isaeva E. R. *Coping behavior and psychological protection in conditions of health and illness*.
 St. Petersburg: Pavlov university, 2009, 136. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxzavt>
- Кисляков П. А. Психологическая устойчивость студенческой молодежи к информационному стрессу в условиях
 пандемии COVID-19. *Перспективы науки и образования*. 2020. № 5. С. 343–356. [Kislyakov P. A. Psychological
 resistance of student youth to information stress in the COVID-19 pandemic. *Perspektivy Nauki i Obrazovania*, 2020,
 (5): 343–356. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32744/pse.2020.5.24>
- Костригин А. А., Козлова Л. В. Особенности переживания стресса, психологических защит и копинг-стратегий
 у молодежи, вызванных угрозой заболевания COVID-19. *Современная наука: актуальные проблемы теории и прак-
 тики. Серия: Познание*. 2021. № 3. С. 56–59. [Kostrigin A. A., Kozlova L. V. Features of stress, psychological defense
 mechanisms and coping strategies in youth caused by the threat of COVID-19 disease. *Sovremennaiia nauka: aktualnye
 problemy teorii i praktiki. Serii: Poznanie*, 2021, (3): 56–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2021.03.07>
- Котлярова В. В., Киреева Л. Е. Виды страхов и саморегуляция поведения студенческой молодежи в ситуации
 вынужденной самоизоляции. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2020. № 7. С. 70–76. [Kotlyarova V. V.,
 Kireeva L. E. Types of fears and self-regulation of student youth behavior in a situation of forced self-isolation. *Society:
 Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2020, (7): 70–76. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/spp.2020.7.11>
- Крюкова Т. Л., Куфтык Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ). *Журнал практического
 психолога*. 2007. № 3. С. 93–112. [Kryukova T. L., Kuftyak E. V. Coping Questionnaire (an adaptation of the WCQ
 methodology). *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 2007, (3): 93–112. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ygcfyx>
- Мандель Б. Р. Психология стресса. М.: ФЛИНТА, 2014. 252 с. [Mandel B. R. *Psychology of stress*. Moscow: FLINTA,
 2014, 252. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sddtzt>
- Нестик Т. А. Переживание эпидемиологической угрозы россиянами как социально-психологический феномен:
 результат серии эмпирических исследований. *Влияние пандемии на личность и общество: психологические
 механизмы и последствия*, отв. ред. Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев, А. Е. Воробьева. М.: ИП РАН, 2021. С. 19–125.
 [Nestik T. A. Experiencing the epidemiological threat by Russians as a socio-psychological phenomenon: results
 of a series of empirical studies. *The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms
 and consequences*, eds. Nestik T. A., Zhuravlev A. L., Vorobieva A. E. Moscow: IP RAS, 2021, 19–125. (In Russ.)] https://doi.org/10.38098/fund_21_0442_02
- Плетнёв Г. А., Юсупов П. Р. Психологический стресс и копинг-стратегии у студентов медицинских специальностей
 в контексте ковидных ограничений. *Scientist (Russia)*. 2022. № 4. С. 47–50. [Pletnev G. A., Yusupov P. R. Psychological
 stress and coping-strategies in medical students in the context of covidial limitations. *Scientist (Russia)*, 2022, (4):
 47–50. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rxuxgi>
- Рассказова Е. И., Гордеева Т. О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы исследова-
 ний. *Психологические исследования*. 2011. № 3. [Rasskazova E. I., Gordееva T. O. Coping strategies in the psychology
 of stress: Approaches, methods, perspectives. *Psychological Studies*, 2011, (3). (In Russ.)] URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/850> (accessed 2 Aug 2022). <https://www.elibrary.ru/nyehuv>

- Рассказова Е. И., Леонтьев Д. А., Лебедева А. А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание. *Консультативная психология и психотерапия*. 2020. Т. 28. № 2. С. 90–108. [Rasskazova E. I., Leontiev D. A., Lebedeva A. A. Pandemic as a challenge to subjective well-being: Anxiety and coping. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020, 28(2): 90–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280205>
- Ромек В. Г., Шварцер Р., Ерусалем М. Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема. *Иностранная психология*. 1996. № 7. С. 71–77. [Romek W. G., Schwarzer R., Jerusalem M. Russian version of the general self-efficacy scale by R. Schwarzer and M. Jerusalem. *Inostrannaia psikhologiya*. 1996, (7): 71–77. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vlygqj>
- Савина О. О., Баранова В. А. Анализ опыта жизни в период самоизоляции у студентов во время пандемии (апрель и октябрь 2020 г.). *Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия*, отв. ред. Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев, А. Е. Воробьева. М.: ИП РАН, 2021. С. 217–245. [Savina O. O., Baranova V. A. Analysis of students' self-isolation life experiences during the pandemic (April and October 2020). *The impact of the pandemic on the individual and society: psychological mechanisms and consequences*, eds. Nestik T. A., Zhuravlev A. L., Vorobieva A. E. Moscow: IP RAS, 2021, 217–245. (In Russ.)] https://doi.org/10.38098/fund_21_0442_06
- Совладающее поведение. Современное состояние и перспективы, ред. А. Л. Журавлев, Т. Л. Крюкова, Е. А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 2008. 474 с. [*Coping behavior. Current state and prospects*, eds. Zhuravlev A. L., Kryukova T. L., Sergienko E. A. Moscow: IP RAS, 2008, 474. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pvnxuh>
- Соколовская Т. А., Бахадова Е. В. Тревожность и самоактуализация личности как эмоциональный когнитивный и поведенческий ответ на самоизоляцию в период COVID-19: новые вызовы для общественного здоровья. *Научное обозрение. Медицинские науки*. 2020. № 3. С. 64–70. [Sokolovskaya T. A., Bakhadova E. V. Anxiety and self-actualization of personality as an emotional cognitive and behavioral response to self-isolation during COVID-19: new challenges for public health. *Nauchnoe obozrenie. Meditsinskie nauki*, 2020, (3): 64–70. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17513/srms.1117>
- Сорокин М. Ю., Касьянов Е. Д., Рукавишников Г. В., Макаревич О. В., Незнанов Н. Г., Лутова Н. Б., Мазо Г. Э. Психологические реакции населения как фактор адаптации к пандемии COVID-19. *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева*. 2020. № 2. С. 87–94. [Sorokin M. Yu., Kasyanov E. D., Rukavishnikov G. V., Makarevich O. V., Neznanov N. G., Lutova N. B., Mazo G. E. Psychological reactions of the population as a factor of adaptation to the COVID-19 pandemic. *V. M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology*, 2020, (2): 87–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2020-2-87-94>
- Фан Ц., Ли В., Ленг С., Бабий А. А., Корж Е. М., Лихачева Э. В., Николаева Л. П., Огнев А. С. Поведенческие и психологические реакции на самоограничение в условиях пандемии. *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире*. 2021. № 1. С. 3–9. [Fan J., Li W., Leng X., Babij A. A., Korzh E. M., Likhachova E. V., Nikolaeva L. P., Ognev A. S. Behavioral and psychological responses to self-restraint in a pandemic. *Vestnik of the Russian New University. Series: Man in the Modern World*, 2021, (1): 3–9. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.21.01.P.003>
- Харламова Т. М. Специфика психического состояния и копинг-стратегий студентов при дистанционном обучении в условиях пандемии COVID-19. *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки*. 2020. № 1. С. 26–39. [Kharlamova T. M. Specificity of the mental state and coping strategies of students during the period of remote learning in the context of the COVID-19 pandemic. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*, 2020, (1): 26–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2308-7218-2020-10103>
- Bandura A. Guide for constructing self-efficacy scales. *Self-efficacy beliefs of adolescents*, eds. Pajares F., Urdan T. Information Age Publishing, 2006, vol. 5, 307–337.
- Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *The Lancet*, 2020, 395(10227): 912–920. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8)
- Liang L., Ren H., Cao R., Hu Y., Qin Z., Li C., Mei S. The effect of COVID-19 on youth mental health. *Psychiatric Quarterly*, 2020, 91(3): 841–852. <https://doi.org/10.1007/s11126-020-09744-3>
- Rogowska A. M., Kuśnierz C., Bokszczanin A. Examining anxiety, life satisfaction, general health, stress and coping styles during COVID-19 pandemic in Polish sample of university students. *Psychology Research and Behavior Management*, 2020, (13): 797–811. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S266511>

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com

Васютин Сергей Александрович, заместитель главного
редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru

Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор
по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия),
tatianakuznetsova86@mail.ru

Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь,
КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com

Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
vasutin2012@list.ru

Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru

Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –

Старикова Людмила Семеновна.

Литературный редактор (английский язык) –

Рабкина Надежда Владимировна.

Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Lyudmila S. Starikova.

Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.

Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 18.10.2023.

Дата выхода в свет 25.10.2023.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 15,35. Уч.-изд. л. – 14.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

